

БЕСТСЕЛЛЕР
THE NEW YORK TIMES

Погрузиться в новую книгу Робертса — значит понять и, более того, почувствовать, почему этому особенно блестящему корсиканцу удавалось так долго ослеплять мир.

Дэн Джонс,
автор книг «Тамплиеры»,
«Плантагенеты», «Война Алой
и Белой розы»

НАПОЛЕОН

БИОГРАФИЯ

ЭНДРЮ РОБЕРТС

Эндрю Робертс

Наполеон: биография

«Альпина Диджитал»

2014

Робертс Э.

Наполеон: биография / Э. Робертс — «Альпина Диджитал», 2014

ISBN 978-5-00-223014-3

Первая однотомная биография, написанная после опубликования более тридцати тысяч писем Наполеона Бонапарта, которые заставили историков радикально пересмотреть свои взгляды на его характер и устремления. Наконец-то мы видим великого полководца и государственного деятеля таким, каким он был на самом деле: разносторонним, способным одновременно решать множество проблем человеком с исключительной решимостью и при этом удивительной готовностью прощать и свою неверную супругу Жозефину, и своих политических противников, и даже врагов. «Своей привлекательностью Наполеон был обязан не только победам, но и тем, что он принес мир народу, уставшему от войны». Эндрю Робертс – известный британский историк и биограф, который одинаково хорошо разбирается и в политической, и в военной истории, – посетил 53 из 60 полей сражений Наполеона, обнаружил в архивах важнейшие новые документы и даже совершил долгое путешествие морем на остров Святой Елены. Итогом всей этой работы стала биография, достойная своего героя: авторитетная, проницательная и прекрасно написанная выдающимся специалистом. «Во многих отношениях Наполеон представлял собой последнего и самого великого из просвещенных европейских деспотов XVIII века, начавшего применять рационализм в управлении государством и для улучшения жизни подданных. Гёте сказал о Наполеоне, что «свет, озарявший его, не потухал ни на минуту... Он постоянно находился в состоянии просветленности». Наполеон и был Просвещением – верхом на коне».

ISBN 978-5-00-223014-3

© Робертс Э., 2014

© Альпина Диджитал, 2014

Содержание

Список карт	9
Благодарности	10
Введение	18
Часть первая	21
Корсика	21
Революция	37
Дезире	52
Италия	66
Конец ознакомительного фрагмента.	76
Комментарии	

Эндрю Робертс

Наполеон: биография

Переводчик *Илья Кригер*

Научный редактор *Владимир Земцов, д-р ист. наук*

Редактор *Любовь Сумм*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Воеводина, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Andrew Roberts, 2014

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ЭНДРЮ РОБЕРТС

НАПОЛЕОН

БИОГРАФИЯ

Перевод с английского

Москва, 2023

*Посвящается моей сестре Эили Гердон и братьям Мэттью
и Элиоту Робертсам*

Список карт

[Революционная и наполеоновская Франция](#)
[Париж при Наполеоне](#)
[Северная Италия \(1796–1797\)](#)
[Центральная Европа после Кампоформийского мира \(1797\)](#)
[Египетский и Сирийский походы Наполеона \(1798–1799\)](#)
[Северная Италия \(1796–1800\)](#)
[Сражение при Маренго \(1800\)](#)
[Европа после Люневильского мира \(1801\)](#)
[Переход Великой армии от Ла-Манша к Рейну \(август – октябрь 1803 года\)](#)
[От Ульма к Аустерлицу](#)
[Сражение при Аустерлице \(1805\)](#)
[Рейнский союз \(1807\)](#)
[Прусская и Польская кампании \(1806–1807\)](#)
[Йенская операция и битва при Йене и Ауэрштедте \(1806\)](#)
[Битва при Прейсиш-Эйлау \(1807\)](#)
[Фридландское сражение \(1807\)](#)
[Испания и Португалия в наполеоновское время](#)
[Ландсхутская кампания \(1809\)](#)
[Битва при Ваграме \(1809\)](#)
[Наполеоновская Европа \(1812\)](#)
[Путь Наполеона к Москве и обратно \(1812\)](#)
[Бородинское сражение \(1812\)](#)
[Кампания 1813 года](#)
[Дрезденское сражение \(1813\)](#)
[Битва под Лейпцигом \(1813\)](#)
[Кампания 1814 года](#)
[«Дорога Наполеона» \(1815\)](#)
[Кампания Ватерлоо \(1815\)](#)
[Битва при Ватерлоо \(1815\)](#)

Благодарности

Потратив на изыскания и сочинение этой книги больше времени, чем Наполеон в совокупности провел на Эльбе и острове Святой Елены, я встретил поразительно много людей, которых следует поблагодарить за неизменную щедрость, добросердечие, за уделенное мне время и оказанную помощь.

Среди них: президент Николя Саркози (я благодарен ему за рассуждения об отношении к Наполеону в современной Франции); Дэвид Кэмерон и Родни Мелвилл (они позволили мне изучить хранящуюся в Чекерсе корреспонденцию Наполеона); Ксавье Даркос из Французской академии и Института Франции (спасибо за знакомство с Парижем); Мервин Кинг (за соображения о французских и английских финансах и кредите времен Наполеоновских войн); Кароль Опуа (за то, что показала мне вошь – такую же, как те, которые распространяли тиф, истреблявший наполеоновские войска в России); покойный эрцгерцог Отто фон Габсбург (за мнение о «неравном» браке Марии-Луизы с Наполеоном); леди Мэри Берри (за то, что показала стулья, на которых сидели участники Венского конгресса); Роберт Райтсмен (за то, что показал мне свою коллекцию наполеоновских книжных переплетов); Роберт Пири (за поддержку); покойная леди Александра Дакр (за ее мемуары об императрице Евгении); Душан Фриборт (за то, что у Аустерлица позволил мне выстрелить из ружья наполеоновского времени); Эван Латимер (за позволение осмотреть якобы наполеоновское «сухожилие»); Шарль-Анри и Жан-Паскаль Транье, Джерри и Джейн дель Мисьер (за удивительное гостеприимство, оказанное мне у Женевского озера); Николас Стид (за данные о деятельности Наполеона на Мальте); граф и графиня Карнарвон (за то, что показали мне стул Наполеона из Фонтенбло и его стол из Тюильри); Робин Берли (за щедрость); графиня Розбери (за то, что показала мне походную библиотеку императора); доктор Генри Киссинджер (за то, что поделился со мной мыслями о Венском конгрессе); профессор Чарльз Эсдейл (за то, что в 2007 году пригласил меня на свою прекрасную конференцию «Наполеон в зените» в Ливерпульском университете); Дебора Эдльманн, Рюрик Ингрэм, мои двоюродные брат и сестра Филип и Сандра Энгелен (за то, что приютили меня в Кейптауне во время путешествия на остров Святой Елены; оно заняло у меня две недели, которые я провел в основном на английском пакетботе); Зак Гертлер (за отзывчивость и гостеприимство в Тель-Авиве); Кэролайн Далмени (за локон волос Наполеона, во время работы находившийся у меня на столе и вдохновлявший меня), а также Бодуэн Про из банка BNP Paribas (за позволение посетить комнату, в которой Наполеон и Жозефина заключили брак). Кроме того, я хотел бы принести глубокие извинения Жерому Треку и зрителям дворца Фонтенбло за не менее чем трехкратное срабатывание сигнализации в тронном зале.

Избегающий полей сражений военный историк подобен детективу, ленищемуся осмотреть место преступления. За время работы над книгой я посетил (в большинстве случаев в обществе выдающегося военного историка Джона Ли) 53 из 60 мест сражений Наполеона. Это был один из наиболее приятных аспектов работы – прогулки с Джоном у Монтенотте, Мондови, Лоди, Мантуи, Арколе, Кастильоне, Риволи, Роверето, Дего, Маренго, Ульма, Аустерлица, Йены, Эйлау, Фридланда, Абенсберга, Ландсхута, Экмюля, Регенсбурга, Асперна и Эсслинга, Ваграма, Малоярославца, Люцена, Бауцена, Дрездена, Лейпцига, Рейхенбаха, Бриенна, Ла-Ротьера, Шампобера, Монмирай, Шато-Тьерри, Вошана, Монтро, Краона, Лаона, Реймса, Арси-сюр-Об и Сен-Дизье. Советы и идеи Джона в нашей бурной электронной переписке несравненны, заметки о наполеоновских кампаниях оказались поистине бесценными, а дружба с ним – большая радость. Я не могу в должной мере воздать ни ему, ни его супруге Селии, очень часто сопровождавшей нас на полях сражений.

В 69 архивах, библиотеках, музеях и исследовательских институтах в 15 странах, посещенных во время работы над книгой, я неизменно находил поддержку и теплоту. Отдельно я хочу поблагодарить...

...во Франции: Сашу Топалович и Флоранс Тарно (из Национального архива Парижа); И. Бамратта и Лоранс ле Бра (из Национальной библиотеки Франции, соответственно из корпусов на улицах Толбьяк и Ришелье); Анн Жоржон-Лескен («Центр архива дипломатии», Ла-Курнёв); Клода Понну и Тизью Бернара (Служба истории обороны (Service Historique de la Défense), Венсен); Сильви Бье и Даниэля Шартье (Библиотека Тьера); Жерара Лериса (Музей Карнавала); английского посла в Париже сэра Питера Уэстмакотта и его дворецкого Бена Ньюика (за то, что показали мне парижский дом Полины Боргезе, где сейчас располагается посольство Великобритании); германского посла во Франции Сюзанну Вазум-Райнер (за то, что показала мне свою резиденцию в Отеле Богарне, безупречный подарок Жозефины своему сыну Евгению); Леонор Лоссеран (Сен-Жозеф-де-Карм); хранителя бывшего дворца Сен-Клу Давида Деманжо; Аврору Лакост де Лаваль (Эколь милитэр); Кристофера Палмера, первого секретаря посольства США, и миссис Робин Смит, главу Маршалловского центра (размещается в Отеле Талейран); Анжелику Дюк (Наполеоновский музей Бриенн-Шато); Фанни де Жюбеккур (Дом инвалидов и Музей армии); доктора Тьерри Ленса и профессора Питера Хикса за теплый прием в превосходном Фонде Наполеона; Алена Пужту (шато Мальмезон), Ксавье Кайона из Государственного совета (размещается в Пале-Рояле, где прежде заседал трибунал); Марианну Ламбер из принадлежавшего маршалу Ланну шато Мезон Лаффит); господина и госпожу Бенуа д'Абонвиль; Квентина Эмонье из Фор-де-Жу в горах Юра); моего сына Генри и дочь Кассию за то, что сопровождали меня на Корсике; сотрудников музея Дворца Почетного легиона (Париж), Музея префектуры полиции (Париж), пансионата Почетного легиона для девочек в Сен-Дени, Пантеона, музея Феша и Национального музея дома Бонапартов в Аяччо на Корсике;

...в России: Александра Суханова и Эльвиру Чуланову из Бородинского музея-заповедника (за то, что показали мне поле боя), Олега Александрова из фирмы «Три кита» (за возможность посетить поле битвы при Малоярославце); Мачея Моравского из City Events (за возможность посетить в Калининградской области поля сражений при Прейсиш-Эйлау и Фридланде); Константина Назарова из Малоярославцевого военно-исторического музея 1812 года; Александра Панченко из Багратионовского музея истории края – за экскурсию на поле битвы при Прейсиш-Эйлау; Валерия Шабанова и Владимира Каца из Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Марину Збоевскую из музея-панорамы «Бородинская битва» (Москва);

...в Беларуси: профессора Игоря Груцо (за то, что показал мне поле битвы при Березине) и Наталью Рахович из Борисовского объединенного музея;

...в Израиле: доктора Эадо Хехта (за то, что показал мне Какун, гору Табор и Яфф); доктора Алона Кеблановфа (за то, что показал мне места, связанные с осадой Акры); профессора Азара Гата из Тель-Авивского университета; Лиат Марголит из археологического музея Тель-Дор;

...на острове Святой Елены: Мишеля Дансуан-Мартино (чрезвычайно старательного почетного консула Франции, хранителя Лонгвуда, за исключительно приятно проведенное там время); Арона Легга (за то, что показал мне Маунт-Плезент, гору Дайана, Просперос-Бэй, усадьбу «Брайарс», Сэнди-Бэй и Джеймстаун); Эндрю Уэллса, бывшего главного секретаря островной администрации;

...в Бельгии: Иена Флетчера и полковника Джона Хьюза-Уилсона, сопровождавших меня у Ватерлоо; Бенуа Истаса, главу музея битвы при Линьи, показавшего мне место сражения, и графа Франсуа и графиню Сюзанну Корне д'Эльзи, владельцев Ла-э-Сент;

...в *Великобритании*: Люси Маккэнн (Библиотека Роудса, Оксфорд); Ли Маккирнана (читальный зал специального хранилища Бодлианской библиотеки, Оксфорд); профессора Ника Мейхью из Кабинета медалей и монет Ашмолеанского музея в Оксфорде; Аллена Пэквуда из Архива Черчилля в Кембридже); Джозефин Оксли из Эпсли-хауса; Пола Робертса из Британского музея; Кэти Канейлс и Пима Додда из Национального музея армии; Хилари Бертон и Джона Рочестера из Королевского госпиталя в Челси); Ричарда Дэниелса из Лондонского колледжа коммуникаций; Ричарда Теннента из Британской военно-исторической комиссии; сотрудников музея ВМФ в Портсмуте, Британской и Лондонской библиотек;

...в *Италии*: Ларио Цербини из музея Риволи; мою дочь Кассию за то, что сопровождала меня на остров Эльба; Нелло Ансельми из часовни Мадонна дель Монте в Марчиане (Эльба); Элизабетту Лалатта из Фрнда Сербеллони (дворец Сербеллони в Милане); Рикардо Бьянчели из Герцогского дворца (Мантуя); сотрудников римского Наполеоновского музея и Музея Маренго (Спинетта-Маренго), виллы «Реале» (Монца) и «Сан-Мартино» (Эльба);

...в *Чехии*: Симону Липовску из музея «Курган мира» и Яну Слукову из замка Славков;

...в *Австрии*: Гельмута Тиллера из Музея Асперн-Эсслингской битвы, Руперта Дебрика из Музея Ваграма, сотрудников Шёнбруннского дворца и венского Музея истории армии (Heeresgeschichtliches Museum);

...в *Португалии*: Марка Крэтхорна и Луиса Салданья-Лопеса (за то, что показали мне форты 40, 41, 42, 95 линий Торриш-Ведраш); сотрудников лиссабонского Военного музея;

...в *Германии*: сотрудников Баварского военного музея в Ингольштадте, Музея 1806 года (Йена – Коспеда) и Музея городских ворот (Марклеберг);

...в *США*: Джей Барксдейл и Элизабет Дэнлингер (соответственно зал Аллена и кабинет Пфорцхеймера, Нью-Йоркская публичная библиотека); Деклана Кили (Библиотека Пирпонта Моргана); Этрин Джеймс и Стива Росса (соответственно Библиотека Бейнеке и Мемориальная библиотека Стерлинга, Йельский университет); Элейн Энгст и Лорана Ферри (Рукописное собрание библиотеки Карла Кроча, Корнеллский университет); семейство Меррил, щедро оплатившее мое пребывание в Корнелле в качестве приглашенного профессора; профессора Барри и доктора Марсию Строс из Корнеллского университета (за исключительное гостеприимство) и студентов, поделившихся со мной своими соображениями о причинах похода Наполеона в Россию; профессора Р. Блауфарба, директора Института Наполеона и Французской революции (за мое приятное пребывание в Университете Флориды); Эрика Робинсона (Библиотека Нью-Йоркского исторического общества); Кэти Маккормик (Библиотека Роберта Мэннинга Строциера, спецхран Университета штата Флорида); Элизабет Фэрмен (Центр английского искусства Йельского университета); Роберта Пикеринга, хранителя Музея Джилкриста в Тульсе, штат Оклахома, и Уильяма Лейдмена (директор отдела военных игр, «Лаборатория сражений» (Warfighting Laboratory), Корпус морской пехоты США);

...в *Швеции*: Авиву Коэн-Сильбер (за то, что показала мне покои Бернадота в королевском дворце в Стокгольме);

...в *Швейцарии*: Паолу Джаноли-Туэна из замка Коппе на Женевском озере;

...в *Канаде*: Брюса Макнивена (за экскурсию по Наполеоновской галерее в Монреальском музее изобразительных искусств).

Хочу также поблагодарить Джоша Саттона, Чарли Митчелла, Кэти Рассел и особенно неутомимого Жилия Воклера – за исторические изыскания, Жюли ди Филиппо – за переводы с немецкого языка, Беату Видулинскую – с польского, Тимоти Чапмена – с испанского, Эадо Хехта – с иврита, д-ра Галину Бабкову – с русского, а Аннализу Эллидж, Елену Фош, Максина Харфилд-Нейран, Жилия Воклера и Кароль Опуа – с французского. Помощь и поддержка Максина оказались особенно полезными в не всегда простых переговорах с пятью парижскими исследовательскими институтами.

Я писал книгу, одновременно снимая для Би-би-си документальный сериал о Наполеоне, и я хочу поблагодарить Дэвида Нотмен-Уотта, Саймона Шэпса, Дэвида Бэрри, Анну Дангур, Патрика Дювала и Тони Берка за то, что сделали процесс настолько приятным и стимулирующим работу мысли.

Поскольку смерть Наполеона вызвала столько споров (на мой взгляд, напрасных), я консультировался по этому поводу с врачами Тимом Бэрри, Айрой Джейкобсеном (профессором Корнеллского университета), Альбертом Кнаппом, Робертом Краснером, Арчаной Ватс, Джеймсом Ле Фаню, Памелой Яблон, Ги О'Кифом и Майклом Крамлином; им я выражаю благодарность. Кроме того, я хотел бы поблагодарить Фрэнка Резника – за его оценку проблем Наполеона с зубами на острове Святой Елены.

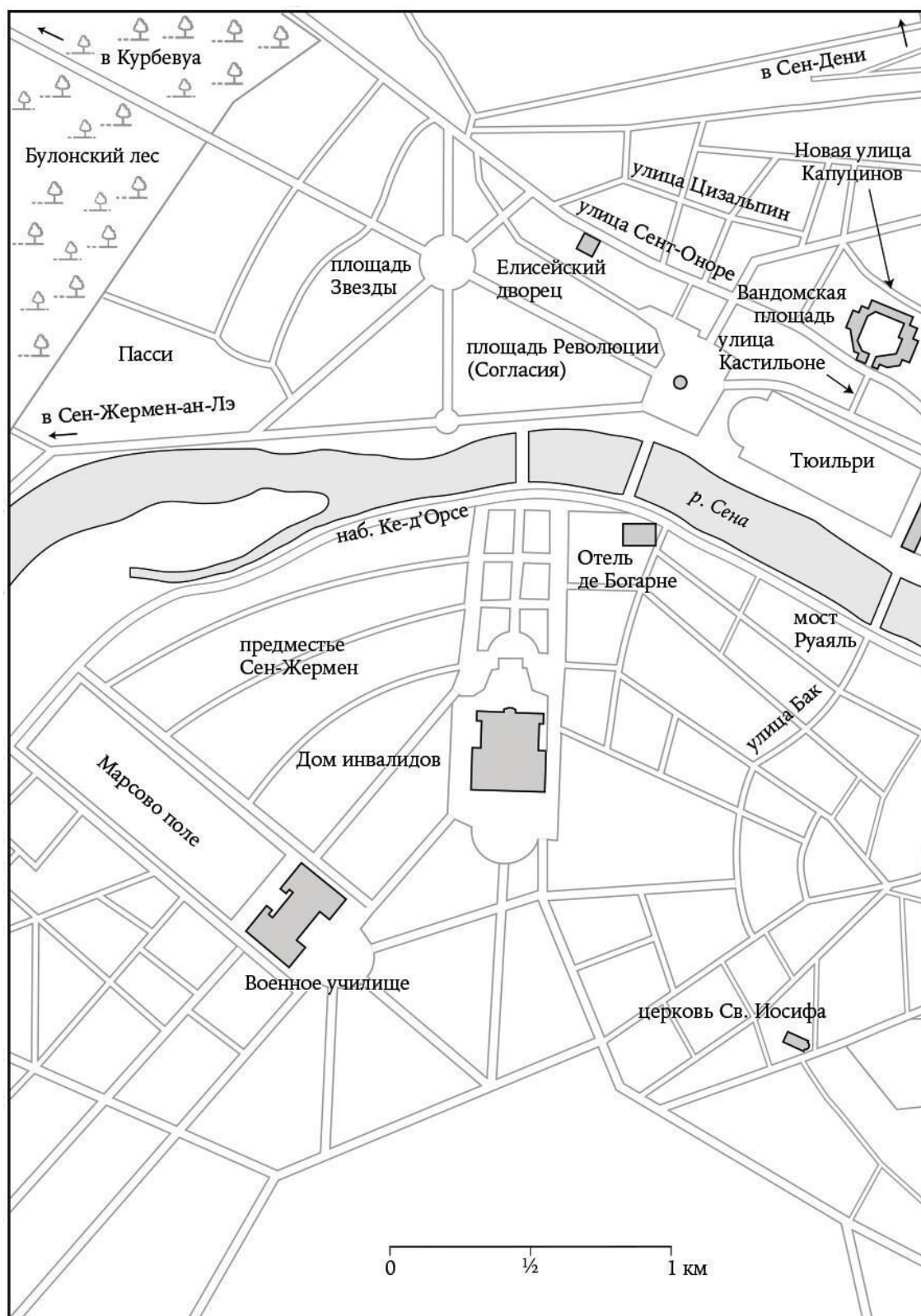
За чтение моей рукописи и неоценимые замечания спасибо Елене Фош, Судхиру Хазарисингу, Джону Ли, Стивену Паркеру, Юргену Захту и Жилу Воклеру.

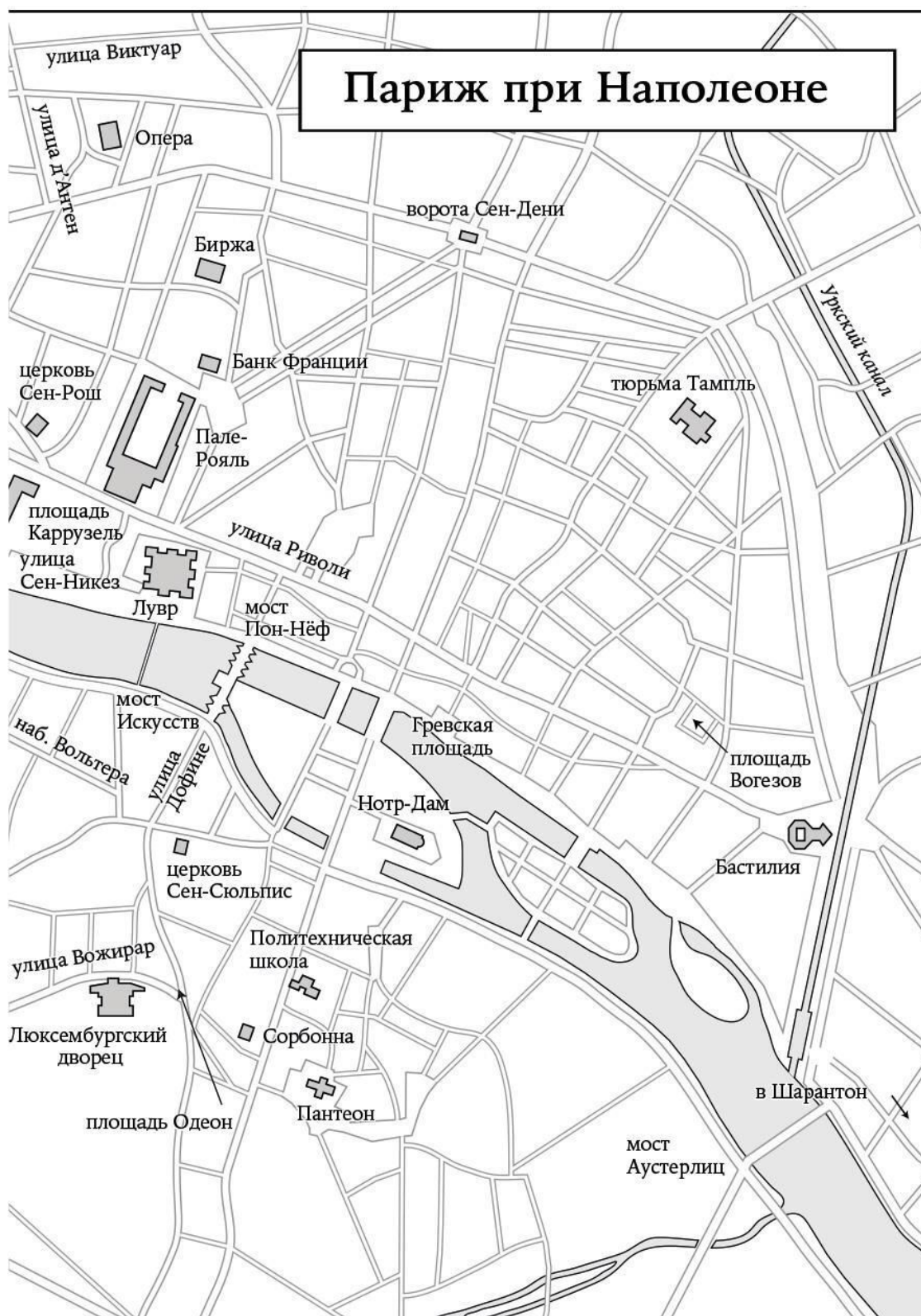
Мой литературный агент Джорджина Кейпл из агентства Capel & Land и издатели Стюарт Проффит и Джой де Менил из издательства Penguin, как обычно, выступили эталонами эффективности, профессионализма и обаяния, как и мои вдохновенные редакторы Питер Джеймс и Шарлотта Райдингс. Кропотливая работа Стюарта и Джоя значительно улучшила книгу, и за это я не в состоянии в полной мере их отблагодарить. Я также чрезвычайно признателен Ричарду Дугуду, Имоджен Скотт и Лайзе Симмондс из Penguin. Сесилия Маккей при поиске иллюстраций проявила находчивость и чутье.

Сьюзан Гилкрист, моя невероятная супруга, осматривала вместе со мной лезвия гильотин; пересчитывала черепа убитых монахов в крипте церкви, где содержали под арестом Жозефину; сопровождала меня на «Дороге Наполеона» и в каирской мечети аль-Азхар (туда мы явились не только из-за архитектурных достоинств и культурного значения сооружения, но и потому, что там началось и угасло восстание 1798 года). Я не сумел бы написать эту книгу без ее любви и поддержки. Она моя Жозефина, Мария-Луиза и Мария Валевская в одном лице.

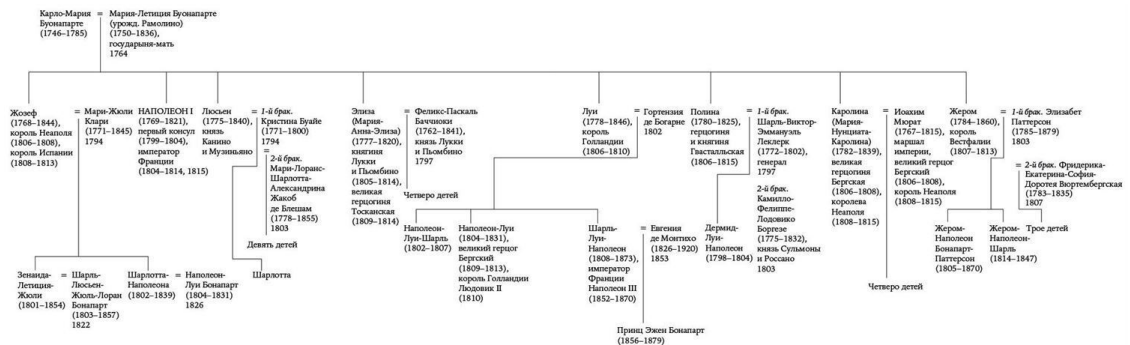
Я посвящаю книгу своей сестре Эшли Гердон и братьям Мэттью и Элиоту Робертсам, так долго и смиренно терпевшим старшего брата-всезнайку.

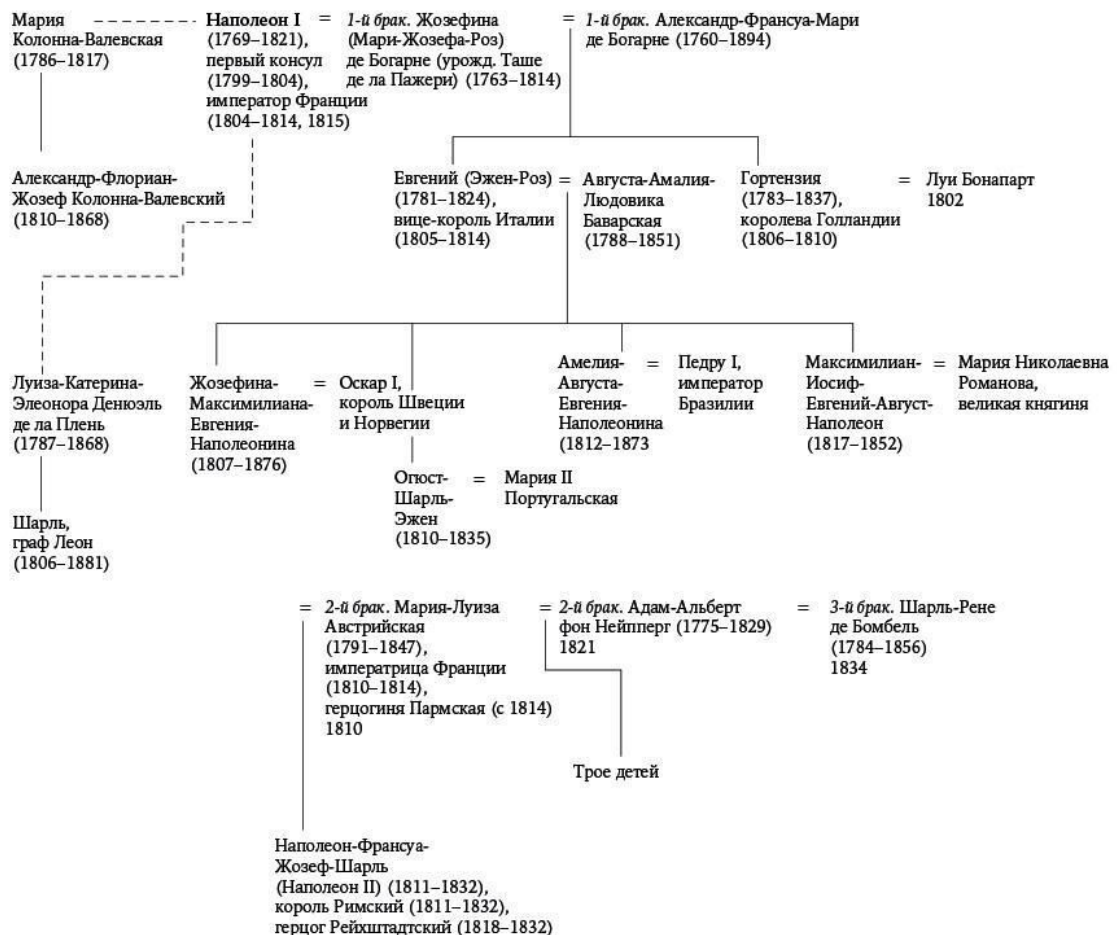

Семейство Бонапартов

Близкие родственники Наполеона и Жозефины

Введение

В октябре 1944 года, вскоре после того как Нидерланды были освобождены от нацистов, великий голландский историк Питер Гейл завершил книгу о Наполеоне – одну из самых оригинальных из тех десятков тысяч, которые появились за последние 215 лет. Оригинальность ее заключается не в отношении к Наполеону самого Гейла (хотя из книги совершенно ясно, что он думает о персонаже), а в том, каким образом он излагает чужие взгляды и прослеживает, как репутация императора менялась с 1815 года до середины XX века. Поскольку фигура Наполеона, занимающая огромное место в политико-историческом ландшафте XIX – начала XX века, сильно идеализирована и демонизирована, мнения, которые выделил Гейл, нередко диаметрально противоположны (и это не странно) и, как правило, отражают политические пристрастия их авторов. После выхода книги Гейла европейский опыт Второй мировой войны повлиял (это не удивительно, но, по-моему, вводит в заблуждение) на интерпретацию событий наполеоновской эпохи и до сих пор иногда бросает на них тень.

Работая над своей книгой, я старался не слишком полагаться на толкования предшественников, а обращаться, насколько возможно, к словам самого Наполеона и людей, лично его знавших. Разумеется, и здесь совершенно отсутствует согласие. Рассказы современников, как правило, сильно зависят от положения этих людей при жизни Наполеона и после его смерти. Те, кто писал вскоре после его отречения, искали у Бурбонов должностей или пенсий или просто добивались права публиковаться, и в десятках случаев это вредило объективности. Так, Клер де Ремюза в письмах 1804–1813 годов к мужу, придворному Наполеона, ласкова к императору, но в ее мемуарах (1818) он предстает «неспособным к щедрости» чудовищем с «дьявольской улыбкой». Что же произошло между 1813 и 1818 годами? А вот что: муж мадам де Ремюза добивался у Бурбонов должности префекта. В 1815 году Клер де Ремюза сожгла свои дневниковые записи и позднее пыталась воскресить то, что Шатобриан назвал «воспоминаниями о воспоминаниях».

Другой пример: на наши представления о Наполеоне во многом повлияли чрезвычайно сомнительные мемуары, сочиненные его бывшим соучеником Луи-Антуаном де Бурьенном. После назначения секретарем Наполеона (в 1797 году, во время переговоров с австрийцами в Леобене) Бурьенну уже не позволялось обращаться к нему на «ты» (tu). Это, по словам Бурьенна, явилось «малой платой» за право возглавить личную канцелярию, но Наполеону пришлось дважды изгонять его за коррупцию, и расстались они в плохих отношениях. Историки считают мемуары Бурьенна довольно объективными, хотя они и написаны в том числе писателем-фантастом Шарлем-Максимом де Вильмаре. В 1830 году близко знавшие Наполеона люди (в том числе его брат Жозеф) опубликовали двухтомную книгу (общий объем – 800 страниц), в которой опровергли многие из заявлений Бурьенна. Сам я воспринимаю записки Бурьенна скептически и прибегаю к ним лишь для рассказа о событиях, в которых он сам, несомненно, принимал участие.

Подобных «источников», к которым следует относиться с осторожностью, в бонапартовском каноне много. Граф де Монтолон, последовавший за Наполеоном на остров Святой Елены, записал свой «Рассказ о заточении...» двадцать лет спустя, не имея под рукой дневников, причем над текстом потрудились писатель Александр Дюма (он приложил руку и к мемуарам Франсуа-Жозефа Тальма, любимого актера Наполеона). Лору д'Абрантес Наполеон выслал в 1813 году из Парижа. К 1830-м годам, когда из печати вышли ее мемуары, герцогиня д'Абрантес уже была опиоманкой, но утверждала, что дословно помнит долгие душевные разговоры с императором. Некоторые из восемнадцати томов ее мемуаров (поправленных Бальзаком) были написаны, чтобы расплатиться с кредиторами. Воспоминания шефа наполеоновской полиции Жозефа Фуше принадлежат перу наемного писателя Альфонса де Бошана. Мадемуа-

зель Жорж, одна из фавориток Наполеона, также не писала мемуары самостоятельно. Причем актриса, сочтя текст чересчур пресным, одобрила его пикантными подробностями (например, рассказом о том, как Наполеон засовывал в ее корсет пачки банкнот).

В отсутствие законов об авторском праве была возможной публикация даже «мемуаров», якобы подготовленных живыми еще участниками событий (например, Жозефом Бонапартом, маршалом Огюстом-Фредериком-Луи Мармоном и министром иностранных дел [с 21 марта по 8 июля 1815 года] Арманом де Коленкуром), и предполагаемые авторы не могли обратиться за судебной защитой. В 1837 году мошенница по имени Шарлотта де Сор после короткой встречи в 1826 году с Коленкуром напечатала его «мемуары» (настоящие опубликованы в 1934 году). Хотя в воспоминаниях Талейрана записи о наполеоновском времени сделаны в 1820-х годах, в 1860-х годах их сильно поправил Адольф де Бакур, а ему Наполеон был глубоко несимпатичен. Записки Меттерниха (в которых он выгораживает себя) также сочинены не без помощи другого лица. Мемуары Поля Барраса, некогда любовника Жозефины, — памятник злобе, жалости к себе и мстительности. Луи Гойе, которого Наполеон переиграл 18 брюмера, в предисловии к мемуарам обещает, что он, «беспристрастный автор», воздаст Наполеону «сполна», но увы, в двухтомной книге мы находим мало что, кроме желчной брани. Ни министр внутренних дел Лазар Карно, ни маршал Эммануэль Груши не оставили мемуаров: их впоследствии состряпали по сохранившимся документам. Так называемые мемуары дипломата Андре-Франсуа Мио де Мелито написаны его зятем полвека спустя.

При этом множество людей желало поделиться впечатлениями о необыкновенном человеке. Целый ряд близких к Наполеону людей вели дневники и не ославили его, чтобы при новом режиме получить место, как и не преувеличили ради выгоды близость с ним. Ценность, например, записок маркиза де Коленкура 1812–1814 годов, или дневника, который Анри Бертран вел на острове Святой Елены, или воспоминаний Камбасереса сильно увеличивает тот факт, что эти тексты не предназначались для немедленной публикации, а были обнародованы много позднее — соответственно в 1930-, 1950- и 1970-х годах. Барон Луи-Франсуа-Жозеф де Боссе-Рокфор, человек малоизвестный, служил префектом императорского дворца, был ближе к Наполеону, нежели Бурьенн, и еще при Бурбонах отважно напечатал свои мемуары. Столь же взвешенный рассказ мы находим у Клода-Франсуа де Меневаля и Агатона Фэна, занимавших после Бурьенна должность личного секретаря Наполеона. Разумеется, все сообщаемые сведения следует проверять и сопоставлять с другими источниками, но в итоге они, как правило, дают портрет императора более целостный и достоверный, чем «черная легенда», вскоре после его смерти сочиненная врагами и литературными наемниками.

У наполеоновского биографа, блуждающего в этом лабиринте в 2014 году, есть огромное преимущество перед предшественниками. В 2004 году парижский Фонд Наполеона начал публикацию 33 000 сохранившихся писем Наполеона. Не менее трети их никогда не публиковалось, а в других, уже изданных в 1850–1860-х годах, восстановлены сокращения и изъятия. Это колоссальное новое издание, которое поистине позволяет произвести переоценку Наполеона, легло в основу моей книги.

Сейчас, через двести лет после Ватерлоо, все стороны жизни Наполеона документированы и изучены в мельчайших подробностях. Так, в четверг, 19 июля 1804 года, будучи в Пикардии, он остановился близ Бюиньи-Сен-Маклу, выпил чашку кофе с молоком у местного кузнеца и дал его приятно удивленным домочадцам несколько золотых монет. Об одном этом событии написан 15-страничный трактат. При этом ни пристальное внимание, ни масса фактов о жизни Наполеона не привели к согласию касательно его характера, политики, мотивов, даже достижений. В этой книге я следую давней традиции спора о Наполеоне, зародившейся (как я указываю в гл. 1) еще прежде, чем ему исполнилось тридцать лет (тогда появилась его первая биография). В 1817 году швейцарский историк Фредерик Люллен де Шатовье писал, что Наполеон «с ураганной силой смел окаменевшие препятствия на пути прогресса

и сделал для [европейской] расы больше, чем сделали Габсбурги за восемьсот лет своего правления или Бурбоны – за шестьсот». В 1818 году мадам де Сталь назвала Наполеона «кондотьером без манер, без родины, без морали; восточным деспотом, новым Аттилой, солдафоном, умеющим лишь портить и крушить». Иоганн Вольфганг фон Гёте, встретившийся с Наполеоном в 1808 году, отметил его «постоянное состояние просветленности». Так кем же был Наполеон: разрушителем или созидателем, освободителем или тираном, государственным деятелем или авантюристом? «Спор продолжается», – констатирует Гейл в последнем предложении своей книги. К концу моей, надеюсь, у читателя не останется сомнений в том, почему я назвал Наполеона *Великим*.

Часть первая Возвышение

Корсика

Чтобы заинтересовать нас, персонаж трагедии не должен быть ни целиком грешен, ни целиком невинен... К несчастью, все слабости и все противоречия уживаются в человеческом сердце, образуя поистине трагический колорит.

Наполеон о пьесе «Тамплиеры» Франсуа-Жюста-Мари Ренуара

Чтение исторических книг очень скоро привело меня к мысли, что я способен достичь не меньшего, чем люди, занимающие самые видные места в наших хрониках.

Наполеон – маркизу де Коленкуру

Наполеоне ди Буонапарте (как он подписывался до совершеннолетия) родился в Аяччо, одном из крупнейших городов Корсики, незадолго до полудня 15 августа 1769 года, во вторник. «Она возвращалась домой из церкви, когда почувствовала схватки, – рассказал он позднее о своей матери, – и едва успела войти в дом, когда родился я – не на кровати, а на гряде ковров»^[1]. Родители Наполеона выбрали для ребенка имя редкое, однако не уникальное: оно встречается в «Истории Флоренции» Макиавелли, а если говорить о временах сравнительно недавних, то его носил один из двоюродных дедов мальчика.

Первоначально Буонапарте были землевладельцами и жили между Флоренцией и Ливорно. Фамилию Буонапарте флорентийские предки Наполеона приняли в 1261 году. Старшая линия семьи осталась на Апеннинском полуострове, а Франческо Буонапарте в 1529 году переехал на Корсику, и в следующие два с половиной века его потомки, как правило, выбирали благородные профессии в области права, наук и церкви^[2]. Ко времени рождения Наполеона семейство Буонапарте занимало место между крупной буржуазией (haute bourgeoisie) и самым мелким дворянством.

После того как Наполеон получил власть во Франции, люди пытались возвести его род к трапезундским императорам XIII века. Наполеон напомнил, что в действительности его династия восходит ко времени возглавленного им военного переворота. «Я нахожу историков моей родословной, которые хотят довести мой род до времен Потопа, – объяснял Наполеон князю Клеменсу фон Меттерниху, австрийскому дипломату, – и есть мнения, что я не дворянин по рождению. Истина между двумя этими крайностями. Буонапарте – хорошие корсиканские дворяне, малоизвестные, потому что мы никогда не выходили за пределы нашего острова, но они во много раз лучше тех пустозвонов, которые хотели бы нас унижить»^[3]. Он редко говорил о своих итальянских корнях и утверждал, что он потомок древних римлян. «Я принадлежу к расе основателей империй», – однажды похвалился он^[4].

Семья не была особенно богатой, однако имела достаточно земли для того, чтобы Бонапартам не приходилось – как выразился двоюродный дядя Наполеона Лучано, архидиакон Аяччо, – покупать вино, хлеб и оливковое масло. В подвале «Каса Буонапарте» (просторного трехэтажного дома на улице Сен-Шарль в Аяччо, который семья занимала с 1682 года) до сих пор можно увидеть жернов для муки. У родителей Наполеона имелся загородный дом, недвижимость по меньшей мере еще в трех городах, а также овечье стадо и виноградник. Бонапарты нанимали няньку, горничную и повара. «На Корсике нет богачей, – много позднее вспоминал

Жозеф, старший брат Наполеона, – и даже у самых богатых едва ли найдется 20 000 ливров сбережений; но, поскольку все относительно, состояние нашей семьи было одним из самых значительных в Аяччо». Молодой Наполеон соглашался: «Роскошь на Корсике – вещь вредная»^[5].

В 1765 году, за четыре года до рождения Наполеона, остров посетил шотландский адвокат и литератор Джеймс Босуэлл. Увиденное привело его в восторг: «Аяччо – прекраснейший из городов Корсики. Там множество очень приятных улиц, красивых садов, дворец генуэзского губернатора. В этом городе живут благороднейшие из островитян, имеющие тесные сношения с французами». Три года спустя корсиканцам (около 140 000 человек, главным образом крестьянам) пришлось иметь гораздо более тесные сношения с французами (которых насчитывалось до 28 млн), чем рассчитывало или желало большинство жителей острова.

Генуэзская республика, более двух столетий номинально владевшая Корсикой, почти никогда не пыталась распространить свою власть за пределы приморских городов, и население гористых внутренних районов острова ожесточенно сопротивлялось покушениям на свою свободу. В 1755 году Паскуале (Паскаль) Паоли, харизматичный вождь корсиканских националистов, провозгласил Корсиканскую республику, но настоящую независимость островитяне получили после его победы в 1763 году при Педикосте. Паоли (которого корсиканцы прозвали *Il Babbù [di a Patria]*, «отцом отечества») скоро взялся за реформирование финансов, правовой системы и образования. Он строил дороги, открыл типографию и добился подобия примирения корсиканских кланов. Наполеон вырос, почитая Паоли как законодателя, реформатора и подлинно благожелательного диктатора.

У Генуи не было никакого желания воевать с корсиканцами, и в январе 1768 года республика за 40 млн франков уступила остров Франции. Герцог де Шуазель, министр иностранных дел Людовика XV, назначил управлять островом корсиканца Маттео Буттафуоко. Паоли, естественно, воспротивился этому. Король поручил графу де Во, человеку суровому, с 30 000 солдат усмирить мятеж и вскоре заменил Буттафуоко французом – графом Шарлем-Луи-Рене де Марбёфом.

Родители Наполеона – Карло Бонапарт и его прелестная молодая жена Летиция – были сторонниками Паоли и, когда Летиция забеременела Наполеоном, укрывались в горах. Карло исполнял обязанности секретаря и адъютанта Паоли, но, после того как 8 мая 1769 года де Во разбил корсиканцев у Понте-Нуово, Карло и Летиция (к тому времени на последних месяцах беременности) отказались отправиться в изгнание с Паоли и еще 340 непримиримыми^[6]. Вместо этого Карло на встрече Марбёфа с представителями корсиканской знати поклялся в верности Людовику XV и так сумел сохранить свои должности судебного асессора в Аяччо и инспектора островной школы лесничих. Через два месяца после битвы при Понте-Нуово Карло отобедал с графом де Во, и это обратили против него те корсиканцы, которые продолжили сопротивление захватчикам. В следующие два десятилетия sporadически происходивших партизанских действий против французов погибли сотни человек, хотя с середины 1770-х годов крупные стычки стали редким явлением^[7]. «Он сделался хорошим французом, – писал Жозеф Бонапарт об отце, – и в единстве с Францией видел огромную выгоду для своей страны»^[8]. В 1777 году Карло отправили в Париж депутатом от корсиканского дворянства, и в этом качестве он был дважды приглашен в Версаль к Людовику XVI.

Нередко утверждают, что Наполеон (в юности пламенный корсиканский националист) презирал отца за то, что тот стал лоялистом, однако этому нет доказательств, кроме желчных замечаний Луи-Антуана де Бурьенна, однокашника и секретаря Наполеона, которого тот дважды изгонял за огромную растрату. В 1789 году Наполеон в письме к Паоли осудил корсиканцев, вставших на сторону французов, но не адресовал этот упрек своему уже покойному родителю. Наполеон назвал собственного сына Шарлем, что он едва ли сделал бы, если бы считал отца предателем. Бонапарты были напористыми, энергичными, дружными мелкими дворянами

(«petits gentilshommes», по выражению Наполеона), и они понимали: в том, чтобы оказаться на стороне проигравших, нет ничего хорошего.

Иноземное владычество оказалось малообременительным. Марбёф стремился убедить корсиканскую элиту в благотворности французского правления, и Карло выиграл от этого едва ли не более всех островитян. И если образцом государственного деятеля маленькому Наполеону служил Паоли, то Карло воплощал собой именно такого нефранцуза, чья готовность к сотрудничеству с Францией впоследствии оказалась жизненно важна для функционирования империи.

Карло был высокого роста, красив и пользовался успехом. Он был прекрасным наездником. Отец Наполеона хорошо говорил по-французски, был знаком с идеями просветителей (Локка, Монтескье, Юма, Руссо, Гоббса) и даже сочинял вольнодумные, в вольтеровском духе, эссе об официальной религии, распространяемые частным тиражом^[9]. Во взрослом возрасте Наполеон называл Карло «мотом». Тот действительно тратил больше, чем позволял его нерегулярный доход, и наделал долгов^[10]. Карло был любящим отцом, однако слабохарактерным и в некоторой степени легкомысленным. От него Наполеону мало что досталось, кроме долгов, серо-голубых глаз и болезни, которая рано свела в могилу их обоих. «Своей матери, – говорил Наполеон, – я обязан удачей и всем, что я сделал стоящего»^[11].

Мария-Летиция Буонапарте (в девичестве Рамолино) была привлекательной, решительной, но совершенно необразованной женщиной из хорошей семьи: ее отец служил губернатором Аяччо, позднее – инспектором дорог и мостов Корсики. 2 июня 1764 года Летиция вышла замуж за 18-летнего Карло Буонапарте; брак устроили их родители. (Поскольку архивы в Аяччо сгорели во время революции, точный ее возраст неизвестен.) Карло считал себя человеком современным, просвещенным, и пара обошлась без торжественной церемонии, но позже архидиакон Лучано подделал церковные записи, добавив упоминание о бракосочетании. (Бонапарты рано занялись подчисткой архивов^[12].) Приданое Летиции, оценивавшееся во внушительную сумму 175 000 франков, включало «печь для обжига и примыкающее здание», дом, виноградник и 8 акров земли¹. Все это взяло верх над чувством, которое беспутный Карло, кажется, в то время испытывал к другой женщине^[13].

В 1765–1786 годах Летиция родила тринадцать детей, и восемь из них – необычно много для той эпохи – выжили. Среди них впоследствии оказались император, три короля, королева и две великие герцогини. Хотя Наполеону не слишком нравилось, когда мать поколачивала его за проказы (однажды – за то, что он передразнивал бабушку), телесные наказания тогда были обычным делом, и он всегда говорил о ней с подлинными любовью и восхищением. «Моя мать чудесная женщина, одаренная и отважная, – сказал он генералу Гурго незадолго до своей смерти. – Ее ласки были суровы; у нее голова мужчины и тело женщины». В устах Наполеона это было высшей похвалой. «Она была главой семейства, – прибавил он. – Она была умным человеком!»^[14] Получив власть, Наполеон был щедр к матери. Он купил ей замок Пон-сюр-Сен и ежегодно выплачивал 1 млн франков (большую долю она отложила на черный день). Летиция отвечала на подтрунивания: «Кто знает, не придется ли мне когда-нибудь кормить всех этих королей?»^[15]

Двое детей Бонапартов умерли в младенчестве до рождения Наполеона, а его сестра Мария-Анна, появившаяся на свет следующей, умерла в пятилетнем возрасте. Его старший брат Джузеппе (позднее он назывался Жозефом) родился в январе 1768 года. После Наполеона родились: Лучано (Люсьен) – в марте 1775 года, Мария-Анна (Элиза) – в январе 1777 года, Луи (отметим, что Луи, Людовик – династическое имя французских королей) – в сентябре 1778 года, Мария-Паола (Полина) – в октябре 1780 года, Мария-Аннунциата (Каролина) – в марта 1782 года, Джироламо (Жером) – в ноябре 1784 года. После смерти мужа детей у Лети-

¹ 3,25 гектара.

пии больше не было (Карло умер в возрасте 38 лет, когда ей было 33 года или чуть больше). Наполеон считал, что, если бы отец прожил дольше, она родила бы ему и двадцать детей^[16].

Переписка Наполеона наглядно демонстрирует его постоянную и глубокую заботу о семье. Идет ли речь о собственности матери на Корсике, образовании братьев или шансах на замужество сестер, Наполеон желает защитить и возвысить клан Бонапартов. «Ты единственный на земле человек, к которому я питаю настоящую, неизменную любовь», — однажды написал он своему брату Жозефу^[17]. Впоследствии стремление выдвигать родственников сильно повредило его же интересам.

Происхождение Наполеона — уроженца Корсики итальянских корней — впоследствии дало недоброжелателям обильный материал для оскорблений. Уильям Бердон, один из первых английских биографов Наполеона, высказался о его корнях так: «Этому можно приписать мрачную жестокость его характера, в котором больше итальянского коварства, нежели французской открытости и жизнерадостности»^[18]. В ноябре 1800 года английский журналист Уильям Коббет назвал Наполеона «неотесанным выскочкой с ничтожного острова Корсика». Когда в 1804 году французский сенат предложил Наполеону титул императора, граф Жан-Дени Ланжюине воскликнул: «Как! Вы дадите своей стране повелителя из расы происхождения настолько низкого, что римляне погнушались сделать этих людей своими рабами?»^[19] Считалось, что корсиканец Наполеон склонен к кровной мести, однако сведений о том, что Бонапарты следовали этому обычаю, нет, да и сам Наполеон проявил исключительную мягкость к некоторым предавшим его людям, например к министру иностранных дел Шарлю-Морису де Талейрану и министру полиции Жозефу Фуше.

В детстве Наполеон страдал от сухого кашля, что могло быть слабыми приступами невыявленного туберкулеза. После смерти врачи нашли в его левом легком следы этого давно вылеченного заболевания^[20]. Популярный образ тщедушного интроверта с трудом сочетается с семейным прозвищем *Rabulione* — «баламут». Из-за скудости достоверных источников сведения о раннем детстве Наполеона большей частью отрывочны. Почти нет сомнения, что он рано научился читать, читал очень много и быстро пристрастился к исторической и биографической литературе. Летиция рассказывала некоему министру, что ее сын «никогда не участвовал в забавах ровесников и старательно избегал их, что он обретался в комнатке на третьем этаже, где оставался в одиночестве и часто не спускался даже затем, чтобы поесть с родными. Там, наверху, он безостановочно читал, особенно исторические книги»^[21]. Наполеон утверждал, что в возрасте девяти лет прочитал «Новую Элоизу» Жан-Жака Руссо — восьмисотстраничный роман о любви и раскаянии — и что книга ему «вскружила голову»^[22].

«Не сомневаюсь в сильнейшем влиянии прочитанного им в детстве на его склонности и качества в юности», — вспоминал Жозеф Бонапарт^[23]. Жозеф вспоминал, как однажды в начальной школе им предложили сесть под римским или карфагенским флагом и Наполеон, наотрез отказавшись иметь дело с неудачниками-карфагенянами, заставил брата поменяться с ним местами^[24]. (Хотя Жозеф был на восемнадцать месяцев старше, Наполеон всегда был упрямее.) Впоследствии Наполеон призывал своих младших офицеров «читать и перечитывать рассказы о походах Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря, Густава Адольфа, принца Евгения [Савойского] и Фридриха Великого. Это единственный способ стать великим полководцем»^[25]. История Древнего мира стала для него энциклопедией военного дела, учебником политики и источником цитат, к которому он обращался всю свою жизнь. Это влияние оказалось настолько глубоким, что, позируя художникам, он иногда закладывал руку за борт жилета в подражание носившим тогу римлянам.

Родным языком Наполеона был корсиканский — диалект итальянского языка, похожий на генуэзский. В школе он научился читать и писать по-итальянски. Французский язык Наполеон начал изучать почти в десятилетнем возрасте и всегда говорил с сильным корсиканским акцентом (ou или u вместо eu), давая повод для насмешек в школе и в армии. Архитектор

Пьер Фонтен, отделавший и украсивший многие из наполеоновских дворцов, считал настолько сильный акцент «невообразимым для человека его положения»^[26]. Наполеон не был особенно силен ни во французской грамматике, ни в орфоэпии. Впрочем, в эпоху до унификации правописания это не считалось большим грехом, и у Наполеона всегда получалось донести свою мысль до других. Почерк Наполеона, твердый и решительный, был почти неразборчивым.

Детство Наполеона нередко изображают полным тревог и невзгод, но в действительности первые девять лет его жизни, проведенные в Аяччо в окружении семьи, друзей и немногочисленной прислуги, были беззаботными и счастливыми. Впоследствии Наполеон щедро отблагодарил свою неграмотную няню Камиллу Иллари^[27]. Проблемы возникли лишь тогда, когда Наполеона отправили во Францию (как выражались корсиканцы, «на материк»), чтобы он стал французским офицером и джентльменом.

В рамках активной политики офранцуживания корсиканской элиты Марбёф в 1770 году предоставил все привилегии французской знати тем корсиканцам, которые сумеют доказать получение дворянского титула не менее двух веков назад. Великий герцог Тосканский официально подтвердил дворянство Джузеппе, отца Карло, а затем архиепископ Пизы признал его «флорентийским патрицием»^[28]. Хотя на Корсике (где не было феодализма) титулы мало что значили, Карло ходатайствовал о признании Бонапартов одним из 78 дворянских семейств острова, и 13 сентября 1771 года корсиканский Высший совет, проследив историю семьи до флорентийских корней, официально подтвердил ее благородное происхождение^[29].

Теперь Карло мог с полным правом подписывать бумаги «де Буонапарте» и заседать в собрании острова, а его сыновья, которым он едва ли мог дать образование за собственный счет, получили право претендовать на королевские стипендии. Правительство пожелало дать образование примерно 600 отпрыскам небогатых французских аристократов, которые могли представить доказательства своего благородного происхождения, умели читать и писать по-французски, но были не в состоянии заплатить за обучение. Девятилетний Наполеон соответствовал двум из трех критериев. Чтобы он соответствовал и третьему, его отправили в Бургундию, в Отен, и в январе 1779 года Наполеон начал проходить ускоренный курс французского языка.

Де Марбёф лично следил за прохождением ходатайств Карло по инстанциям. Впоследствии это породило слухи, будто граф был любовником Летиции и, возможно, настоящим отцом Наполеона. Это измышление упорно распространяли Бурбоны и английские авторы. Точно так же, как Наполеон всю жизнь стремился к самовозвеличиванию, его враги отыскивали хитрые способы развенчать миф. В 1797 году (когда появились первые биографии 28-летнего героя) шевалье де Бургуан перевел с английского языка книгу анонимного автора «Некоторые записи о первых годах Буонапарте», утверждавшего, что Летиция «привлекла внимание» Марбёфа, и в кратком предисловии сэр Эндрю Дуглас (учившийся с Наполеоном в Отене и, разумеется, не знавший остальных членов семьи Бонапартов) это подтвердил^[30].

Наполеон почти не обращал внимания на эту клевету, хотя однажды указал выдающемуся математику и химику Гаспару Монжу на то, что Летиция в момент его зачатия находилась в Кортэ, в крепости Паоли, сражавшегося с Марбёфом. Став императором, Наполеон проявил особую щедрость по отношению к сыну Марбёфа, а когда солдатская банда ограбила дочь графа, мадам де Брюнни, он «отнесся к ней с величайшим вниманием, предоставил эскорт из егерей своей гвардии и отпустил ее довольной и счастливой». Если бы родитель мадам де Брюнни соблазнил мать Наполеона и наставил рога его отцу, ни о чем подобном речи не было бы^[31]. Поговаривали также, что настоящий отец Наполеона - Паоли. Эти слухи он также отвергал.

Образование, полученное Наполеоном во Франции, превратило его во француза, и это вовсе не странно: он был юн и провел много времени в этой стране, а ее культурное влияние на Европу в тот период было неоспоримым. Казенную стипендию Наполеон получил

31 декабря 1778 года и на следующий день приступил к учебе в коллеже епископа Отенского. Корсику он вновь увидел почти через восемь лет. В документах он числится как «М. [onsieur] Neapoleonne de Bonnaparte». Аббат Шардон, учитель французского языка, запомнил Наполеона мальчиком «ворчливым и меланхоличным. Он не играл ни с одним из сверстников и обычно гулял совершенно один во дворе... У него было много способностей, он легко все воспринимал и легко учился... А когда я делал ему замечание, он отвечал холодно, почти повелительным тоном: “Я все это уже знаю”»^[32]. У Шардона ушло всего три месяца на то, чтобы научить смышленного и целеустремленного мальчика говорить и читать по-французски и писать короткие тексты.

Наполеона, овладевшего в Отене в нужном объеме французским языком, в апреле 1779 года, за четыре месяца до его десятого дня рождения, приняли в Королевское военное училище в шампанском городе Бриенн-ле-Шато. На следующий день отец уехал, и, поскольку каникул в училище не было, снова они встретились через три года. Наполеон был одним из 50 (среди 110) кадетов, воспитывавшихся на средства казны. Хотя училище в Бриенне было светским, управляли им монахи-францисканцы. Военные дисциплины преподавали приглашенные инструкторы. Условия были спартанскими: учащимся выдавали соломенный матрас и одно одеяло. Впрочем, телесные наказания в училище не применялись. В июне 1782 года, когда Наполеона навестили родители, мать с тревогой отметила, что он очень похудел.

Хотя Бриенн не входил в число самых престижных из двенадцати военных училищ, открытых в 1776 году Людовиком XVI, Наполеон получил прекрасное образование. Восемь часов в день занимали уроки математики, латинского, французского и немецкого языков, истории, географии, физики, фортификации, стрелковая подготовка, а также фехтование, танцы и музыка (присутствие в списке последних трех дисциплин указывало на то, что Бриенн был, кроме прочего, пансионом для детей знатных родителей)^[33]. Обучение требовало физической и интеллектуальной выносливости. Училище выпустило – кроме Наполеона – целый ряд выдающихся военачальников: Луи-Николя Даву, Этьена Шампьон де Нансути, Антуана де Фелиппо, Жана-Жозефа д’Опуль и др. Будущий завоеватель Голландии и заговорщик-роялист Шарль Пишегрю служил в училище инструктором.

Наполеону хорошо давалась математика. Позднее он заметил: «Чтобы быть хорошим военачальником, нужно знать математику. Она помогает направлять ум во множестве ситуаций»^[34]. Здесь Наполеону пригодилась его исключительная память. «У меня необыкновенная память, – однажды похвалился он. – Мальчиком я знал наизусть логарифмы тридцати или сорока чисел»^[35]. Наполеону позволили посещать занятия по математике прежде положенного двенадцатилетнего возраста, и вскоре он освоил геометрию, алгебру и тригонометрию. Хуже всего Наполеон успевал по немецкому языку (и никогда им не овладел). Еще одно затруднение (и это удивительно для человека, проявлявшего живой интерес к древней истории) представляла латынь. (К счастью, Наполеону не пришлось сдавать экзамены по латинскому языку до самого 1780 года, когда уже стало ясно, что он выберет карьеру военного, а не священника.) Наполеону хорошо давалась география. В конце тетради, после длинного перечня английских владений, он записал: «Sainte-Hélène: petite île» («Святая Елена, маленький остров»)^[36].

«История может стать для молодого человека школой морали и добродетели», – гласила программа Бриеннского училища. Монахи придерживались того мнения, что выдающиеся личности творят историю, и ставили ученикам в пример героев древности и современности^[37]. Наполеон набрал в школьной библиотеке биографических и исторических книг. Он проглатывал рассказы Плутарха о подвигах, патриотизме и гражданской добродетели. Он читал Цезаря, Цицерона, Вольтера, Дидро и аббата Рейналя, Эразма Роттердамского, Евтропия, Тита Ливия, Федра, Саллюстия, Вергилия и историка Корнелия Непота (I век до н. э.), который в сочинении «О знаменитых людях» уделил внимание среди прочих Фемистоклу, Лисандру, Алкивиаду и Ганнибалу. Одно из прозвищ в училище – Спартанец – Наполеон мог заслужить своим

известным восхищением этим государством, а не какими-либо самоограничениями. Мальчик читал наизусть (на французском языке) длинные отрывки из Вергилия, а на уроках неизменно принимал сторону Цезаря, которым восхищался, против Помпея^[38]. Став взрослым, Наполеон предпочитал пьесы, как правило, о героях Античности («Александр Великий», «Андромаха», «Митридат» Расина, а также «Цинна», «Гораций» и «Аттила» Корнеля).

Соученик вспоминал, как Наполеон «спешил» в школьную библиотеку и читал там «с жадностью» Полибия, Плутарха, Арриана и Квинта Курция Руфа (которого «не слишком уважал»)^[39]. Полибий во «Всеобщей истории» запечатлел возвышение Римской республики и рассказал о поражении Ганнибала и гибели Карфагена, чему сам был свидетелем. Два рассказа из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарх посвятил любимым героям Наполеона: Александру Македонскому и Цезарю. Арриан написал «Анабасис Александра» (один из лучших источников сведений о походах Александра Македонского). Из работ Квинта Курция Руфа до наших дней дошла лишь «История Александра Македонского». Тема власти, таким образом, возникает уже в книгах, которые Наполеон читал подростком. Пока сверстники занимались во дворе спортом, он глотал все, что мог найти, о наиболее властолюбивых вождях древности. По мнению Наполеона, желание подражать Александру и Цезарю не было удивительным. Учеба давала ему шанс встать однажды рядом с гигантами прошлого.

Наполеона учили не только восхищаться деяниями французов при Карле Великом и Людовике XIV. Он узнал и о недавних поражениях при Плесси, Квебеке, Миндене и в бухте Киберон, а также о «невероятных завоеваниях англичан в Индии»^[40]. Правительство стремилось воспитать поколение офицеров, не только безусловно веривших в величие Франции, но и решительно настроенных сбить спесь с англичан, которые воевали в Америке с французами большую часть бриеннского периода жизни Наполеона. Впоследствии яростное противодействие Наполеона Великобритании нередко приписывали его слепой ненависти или корсиканской мстительности. Однако вернее усматривать здесь совершенно рациональную причину: в десятилетие, когда родился Наполеон, Франция по Парижскому договору (1763) лишилась обширных земель (и рынков сбыта) в Индии и Северной Америке, а к тому времени, когда он вошел в пору юности, Англия уже деятельно осваивала и Австралию. Под конец жизни Наполеон дважды ходатайствовал о разрешении поселиться в Англии и восхищался герцогом Мальборо и Оливером Кромвелем, однако в силу своего воспитания продолжал считать англичан заклятыми врагами. Во время учебы в Бриенне единственным живым кумиром Наполеона казался изгнанник Паоли. Мертвым же кумиром ему служил шведский король Карл XII, который в 1700–1706 годах разгромил армии четырех объединившихся против него государей, после чего повел войско в Россию, был наголову разбит и отправился в изгнание.

Наполеон очень любил литературу. (Он вспоминал, что в 1814 году, во время Бриеннского сражения, казак напал на него неподалеку от дуба, под которым Наполеон мальчиком читал «Освобожденный Иерусалим» – рыцарскую поэму Тассо о Первом крестовом походе^[41].) Наполеон боготворил Руссо, с восторгом отзывавшегося о Корсике. В возрасте семнадцати лет Наполеон написал хвалебный гимн в честь трактата «Об общественном договоре» и перенял убеждения Руссо, считавшего, что государство должно распоряжаться жизнью и смертью граждан, что оно вправе ограничивать излишнюю роскошь и обязано осуществлять цензуру драматического и музыкального театра^[42]. В романе «Юлия, или Новая Элоиза» (один из главных бестселлеров XVIII века, прочитанный Наполеоном еще в детстве и оказавший на него сильное влияние) Руссо доказывал: искренние чувства имеют приоритет перед социальными нормами. Чрезвычайно привлекательная мысль для подростка, тем более наделенного бешеными амбициями. В проекте корсиканской либеральной конституции, подготовленном Руссо в 1765 году, отразилось его преклонение (взаимное) перед Паоли.

Наполеон с удовольствием читал Корнеля, Расина и Вольтера. Любимым же поэтом его был Оссиан. Рассказы о подвигах, свершаемых древними кельтами в сырых болотах и бур-

ном море, приводили Наполеона в восторг. Он брал с собой в походы поэму «Фингал», заказал несколько картин по оссиановским мотивам, а от оперы Жана-Франсуа Лесюэра (с двенадцатью арфами в оркестре) «Оссиан, или Барды» (1804) пришел в такой восторг, что после премьеры сделал композитора кавалером ордена Почетного легиона. В тот же год Наполеон, считавший, как и большинство в то время, что кельты и галлы тесно связаны, учредил Кельтскую академию (*Académie Celtique*) для изучения галльской истории и археологии (в 1813 году она сменила название на *Société des Antiquaires de France* – Общество антикваров Франции и теперь располагается в Лувре). По-видимому, Наполеон не слишком огорчился, когда выяснилось, что эпос на самом деле сочинен не Оссианом, а «открывшим» его мистификатором Джеймсом Макферсоном^[43].

В 1781 году инспектор военных учебных заведений Агафон де Кералио дал Наполеону великолепную аттестацию и два года спустя рекомендовал перевести юношу в престижное военное училище (*École Militaire*) в Париже: «...хорошего сложения, отличного здоровья, покорного нрава, честен, признателен и весьма добропорядочен в поведении. Всегда отличался прилежанием своим к математике... Он может быть отличным моряком»^[44].

Очевидное умственное превосходство Наполеона над однокашниками едва ли способствовало его популярности. В училище его дразнили *La Paille-au-Nez* (Соломинка-в-носу): очень похоже на «Напойоне» – его имя по-корсикански^[45]. Предметами насмешек служили и далекая от совершенства французская речь Наполеона, и его отец, которому пришлось доказывать свое благородное происхождение, и принадлежность к покоренному народу, и слишком крупная для худого тела голова, и, наконец, то обстоятельство, что Наполеон был небогат. «Я был беднее любого из своих товарищей, – признался он придворному в 1811 году. – Они располагали карманными деньгами, у меня же их совсем не было. Я был горд и старался не показывать этого... Я не умел улыбаться или играть, как остальные»^[46]. Впоследствии, рассказывая о днях учебы, Наполеон упоминал наставников, которых любил, и мало кого из однокашников.

Соученики быстро отметили (и принялись высмеивать) непохожесть Наполеона. Его слабым местом была непомерная гордость за родину. (Об этом упоминает и аббат Шардон.) Наполеон был чужим среди представителей правящего класса, угнетающего, как он считал, его соотечественников. Насмешки произвели на темпераментного мальчика как раз то действие, которого следовало ожидать: Наполеон стал пламенным националистом, всегда готовым вступить за Корсику. «Склонность к задумчивости, – вспоминал Бурьенн, – и размышления о завоевании его отчизны и впечатления, произведенные на него бедствиями, коим подверглись Корсика и его семейство, заставляли его искать уединения и делали доступ к нему, но только по наружности, очень неприятным»^[47]. В самой первой биографии Наполеона (написанной Эндрю Камингом де Крэгмилланом под псевдонимом «Г-н С. Н., один из соучеников» и переведенной на английский язык в 1797 году) изображен замкнутый, необщительный ребенок – по словам рецензента, «бесцеремонный, дерзкий, находчивый и жестокий». Эти четыре эпитета будут сопровождать Наполеона до конца жизни^[48].

По всей вероятности, самый известный рассказ о пребывании Наполеона в Бриенне выдуман. Суровой зимой 1783/84 года Наполеон якобы организовал массовое сражение в снежной крепости, построенной по его же проекту, причем в один день он командовал атакующими, а на следующий – обороняющимися^[49]. Эта история мало вяжется с предполагаемой непопулярностью Наполеона. Эпизод о снежной крепости отсутствует в черновиках, переданных Бурьенном людям, писавшим за него мемуары, и вполне может быть сочинен ими. «Эта небольшая примерная война продолжалась две недели, – сказано в записках Бурьенна. – Ее принуждены были запретить, когда небольшие камешки, попавшие в снеговые ядра, нанесли значительные раны

² Пер. С. де Шаплета.

³ Пер. С. де Шаплета.

многим воспитанникам – как осаждавшим, так и осажденным»^{4[50]}. Неужели администрация училища две недели не замечала столь опасную забаву?

15 июня 1784 года Наполеон написал первое письмо (из более чем 33 000 сохранившихся) своему дяде Жозефу Фешу, сводному брату Летиции. По мнению Наполеона, его брату Жозефу не стоило идти в солдаты, поскольку «великий творец человеческой судьбы [не] дал ему особой любви к военному делу, какую он дал мне... У него нет мужества, чтобы встретить опасности боя; у него слабое здоровье... Мой брат видит в профессии военного только гарнизонную службу»^[51]. Если бы тот предпочел связать судьбу с церковью, то родственник Марбёфа епископ Отенский, «несомненно, обеспечил бы ему безбедное существование, и впоследствии Жозеф наверняка бы тоже принял епископский сан. Каким подспорьем это было бы для семьи!»⁵ Что касается желания Жозефа поступить в пехоту, то Наполеон замечает: «Что такое бедолага пехотный офицер? Три четверти своего времени он бездельничает». Это трехстраничное письмо (сейчас оно хранится в нью-йоркской Библиотеке Моргана) пестрит грамматическими ошибками, и почти в каждой строке – орфографическая ошибка: «Saint Cire» вместо «Saint-Cyr», «arivé» вместо «arrivé», «écrie» вместо «écrit» и т. д. При этом почерк четкий и разборчивый. Письмо подписано так: «Ваш смиренный, покорный слуга Наполеоне ди Буонапарте». В постскриптуме Наполеон просит «уничтожить это письмо»: раннее проявление желания корректировать историю.

15 сентября 1784 года Наполеон с легкостью сдал выпускные экзамены в Бриенне и в конце следующего месяца был зачислен в Королевское военное училище (École Royale Militaire) в Париже. Это заведение, располагавшееся на левом берегу Сены, было гораздо респектабельнее Бриенны. Здесь трижды в неделю меняли белье, кадетов хорошо кормили, а число слуг, наставников и персонала (в том числе парикмахеров) более чем вдвое превышало число учащихся. Кадеты ежедневно посещали три церковные службы, начиная с мессы в 6 часов утра. В программу входили почти те же предметы, что в Бриенне (но, как ни странно, историю военного дела и стратегию здесь не преподавали), а также стрелковая подготовка, строевые упражнения и верховая езда (здесь была одна из лучших в Европе школ верховой езды). Многие из занимаемых училищем зданий уцелели до наших дней. Они группируются вокруг семнадцати дворов площадью более 11,7 гектара на противоположной от Эйфелевой башни стороне Марсова поля. За год, проведенный в училище, Наполеон мало что увидел в Париже, кроме Марсова поля и самого училища, хотя из книг и от других кадетов, конечно, он довольно много знал о городе, его достопримечательностях, укреплениях, богатствах и архитектурных красотах^[52].

Наполеон продолжал превосходно учиться. В Бриенне он решил не идти во флот – отчасти по той причине, что мать боялась, что он утонет или сторит (к тому же ей не нравилось, что он будет спать в гамаке), но главным образом потому, что математические способности открыли ему карьеру в гораздо более престижной, нежели флот, артиллерии. В 1784 году из 202 кандидатов из всех военных училищ Франции выпускные испытания выдержали 136 человек, и лишь 14 получили рекомендации в артиллерию, так что Наполеон оказался среди немногих избранных^[53]. Он стал первым корсиканцем, принятым в Парижское училище. Кадет, его приятель, нарисовал добродушную карикатуру, изобразив юного героя рвущимся на защиту Паоли, в то время как взрослый наставник удерживает Наполеона за косицу^[54].

Наполеон учился у выдающегося трио: Луи Монжа (брат Гаспара Монжа, математика и химика), маркиза Пьера-Симона де Лапласа, которого Наполеон впоследствии сделал министром внутренних дел, и Луи Домерона, указавшего, как важно воодушевлять (*harangue*) солдат перед битвой. Такую речь Шекспир вложил в уста Генриху V, а Фукидид – Периклу.

⁴ Пер. С. де Шамлета.

⁵ Пер. Т. Бушуевой.

С этой задачей Наполеон блестяще справлялся на поле боя, но не всегда – в публичных собраниях. В Парижском училище Наполеон познакомился с новым взглядом на артиллерийское дело, который после Семилетней войны предложил Жан-Батист де Грибоваль. (Поражение, как часто бывает, стало двигателем реформ.) Кроме того, Наполеон штудировал революционный «Опыт о тактике» (*Essai général de tactique*, 1770) генерала графа Жака де Гибера: «Регулярному войску, обузе для народа, не добиться великого, победоносного исхода войны, а народная масса, не обученная военному делу, вырождается... Господства в Европе добьется тот народ, который обретет мужественные добродетели и создаст народное войско»^[55]. Гибер подчеркивал важность на войне быстроты, неожиданности и подвижности и указывал на предпочтительность снабжения армии из местных ресурсов перед устройством ею крупных складов в укрепленных городах. Другим принципом Гибера был следующий: затруднения в основном могут быть преодолены при наличии высокого боевого духа – *esprit de corps*.

Проведя пять лет в Бриенне и год в Париже, Наполеон в полной мере впитал в себя воинский этос, повлиявший на его взгляды и убеждения; верность ему он сохранил до конца жизни. С воинским этосом прекрасно сочетались революционные принципы равенства всех перед законом, разумно устроенного государства, меритократии, эффективности, агрессивный национализм, однако Наполеона мало волновали равенство результатов, права человека, свобода прессы и парламентаризм. Наполеон проникся не только уважением к общественной иерархии, закону и порядку, убежденностью в том, что заслуги и храбрость вознаграждаются, но и неприязнью к политикам, юристам, журналистам и англичанам.

Клод-Франсуа де Меневаль, в 1802 году сменивший Бурьенна на посту личного секретаря Наполеона, писал, что после училища «главными качествами его характера были гордость и чувство собственного достоинства, особый воинственный инстинкт, склонность к форме, любовь к порядку и дисциплине»^[56]. Все это принципы военных. Наполеон стал убежденным консерватором. Будучи офицером, Наполеон верил в субординацию, централизованное управление и важность боевого духа. Порядок в делах управления и образования совершенно необходим. Наполеон испытывал глубокую инстинктивную неприязнь ко всему, имеющему отношение к мятежному сброду (*canaille*). Это чувство, которое не слишком изменилось во время революции, он сохранил до конца своей жизни.

24 февраля 1785 года тридцативосьмилетний Карло Бонапарт умер (вероятно, от рака желудка или прободной язвы) в Монпелье, на юге Франции, куда он отправился на лечение. Наполеон, тогда пятнадцатилетний, виделся с ним в предыдущие шесть лет всего дважды, и то недолго. «Долгая и мучительная агония отца расстроила его органы и силы, – вспоминал Жозеф, – до такой степени, что за несколько дней до смерти он впал в полное беспамятство»^[57]. Вполне возможно, что всегда присущее Наполеону недоверие к докторам (лечащий врач советовал умирающему есть груши) возникло именно в то время. Преждевременная смерть отца также может отчасти объяснить напор и безграничную энергию Наполеона. Он справедливо подозревал, что и сам не проживет долго. Месяц спустя в письме двоюродному дяде Наполеон отозвался о своем отце как о «свободном от предрассудков, равнодушном и бескорыстном гражданине. И все же небеса позволили ему погибнуть – и где? В ста лье от родной стороны – на чужбине, безразличной к его существованию, далеко от всего, чем он дорожил»^[58]. Это письмо замечательно не только похвальным сыновним чувством, но и указанием на то, что Наполеон продолжал считать Францию «чужбиной». Выразив искренние соболезнования, он передал привет крестной, кузине, даже Минане Саверии, служанке Бонапартов, а в постскриптуме прибавил: «27 марта в 7 часов вечера французская королева родила принца, он стал герцогом Нормандским»^[59]. В те времена люди стремились не тратить попусту недешевую бумагу, но было странно вставлять столь необязательное сообщение в столь важное письмо.

⁶ Пер. Л. Зайцева.

Хотя Жозеф был старше Наполеона, последний скоро утвердился в роли нового главы семьи. «Он стал пользоваться высшим положением в семье не когда его вознесли власть и слава, – вспоминал Луи, – а с самой юности»^[60]. Наполеон рано сдал выпускные экзамены и занял 42-е место (из 58) – не так уж плохо, если учесть, что он экзаменовался всего через год вместо обычных двух-трех лет. Теперь Наполеон мог посвятить себя военной карьере и наведению порядка в запутанных денежных делах покойного отца. Впоследствии Наполеон признавал, что это «повлияло на настроение моего ума и до времени сделало меня серьезным»^[61].

Служа в Аяччо судебным заседателем, Карло зарабатывал 22 500 франков в год. Кроме того, он получал деньги, затевая с соседями (однажды даже с дедом собственной жены) хозяйственные споры и придерживая незначительные должности в местной администрации. Но главный способ разбогатеть он видел в обзаведении тутовым питомником. Этот проект принесет его второму сыну много хлопот. «Здесь хорошо растут тутовые деревья, – отмечал Босуэлл в своем “Описании Корсики”, – и им не так грозят бури и гниль, как в Италии или на юге Франции. Поэтому в затишье Корсика может иметь шелк в изобилии»^[62]. В 1782 году Карло получил концессию на заведение тутового питомника на участке, принадлежавшем семье со времен Джеронимо Бонапарта. Благодаря беспроцентной королевской ссуде (137 500 франков на срок десять лет) и немалому вложению собственных средств Карло смог посадить много тутовых деревьев. Три года спустя корсиканский парламент расторг договор с ним из-за невыполнения обязательств по содержанию питомника. Карло категорически отрицал свою вину. Договор был формально расторгнут 7 мая 1786 года, через пятнадцать месяцев после смерти Карло. Необходимость возратить ссуду, а также уход за питомником, ответственность за который по-прежнему лежала на Бонапартах, сильно их тяготили.

Наполеон взял в полку длительный отпуск, чтобы помочь матери уладить дело о тутовом питомнике, грозившее ей разорением. Бюрократы несколько лет отравляли жизнь Бонапартам, и тяжба требовала таких расходов, что первые раскаты революции семья восприняла исключительно с точки зрения своей выгоды: не удастся ли избавиться от долга и нельзя ли рассчитывать еще на одну государственную ссуду, чтобы сделать питомник процветающим предприятием?^[63] Наполеон никогда не вел себя мелочнее, чем во время тяжбы: она грозила Бонапартам разорением и Наполеон энергично занимался этим делом. Пытаясь найти выход из положения, на Корсике и в Париже он обхаживал всех, кого мог, и написал множество ходатайств от имени матери. Также он исправно отсылал домой столько, сколько мог выделить из жалованья су-лейтенанта (1100 франков в год). Летиции («вдове Буонапарте», как Наполеон называл ее в многочисленных прошениях генеральному контролеру финансов) едва не пришлось продать столовое серебро, чтобы вернуть некоему французскому офицеру одолженные у него 600 франков^[64]. В тот раз Бонапартов спас от судебных приставов Лучано, однако семья постоянно нуждалась до 1791 года, когда архидиакон умер и родные унаследовали его состояние.

1 сентября 1785 года Наполеон получил назначение в бомбардирскую роту капитана Масона-д’Отюма 5-й бригады 1-го батальона полка Ла-Фер, стоявшего в Валансе, на левом берегу Роны. Этот чрезвычайно престижный полк был одним из пяти старейших артиллерийских полков в стране^[65]. Шестнадцатилетний Наполеон стал одним из самых молодых его офицеров – и единственным во всей французской армии корсиканцем-артиллеристом. Впоследствии Наполеон вспоминал годы, проведенные в Валансе, без ностальгии. Вся меблировку его комнаты составляли кровать, стол и кресло, и иногда ему приходилось жертвовать обедом ради покупки книг, поглощаемых с прежней жадностью. Отчасти он жил на подачки. Став первым консулом, Наполеон попросил министра внутренних дел справиться о владелице кафе в Валансе, часто угощавшей его кофе. Узнав, что она еще жива, Наполеон сказал: «Я опасюсь, что в свое время недостаточно точно оплатил все чашки кофе, выпитые у нее. Возьмите пятьдесят луидоров [1000 франков] и передайте ей от меня»^[66]. В ту пору Наполеон не торопился платить по счетам. Современник вспоминал: «Те, кто обедал с ним в тавернах и кофейнях,

когда ему было удобно не расплачиваться, уверяли меня, что его спутники всегда демонстрировали (несмотря на то, что он был их младше и беднее) своего рода почтительность и даже покорность, хотя он этого не требовал. В ту пору он, ни в коем случае не будучи скупым, очень внимательно вникал в расходы»^[67]. Наполеон не мог позволить себе забыть кошмар тутового питомника.

Список книг, из которых Наполеон делал обширные выписки в 1786–1791 годах, длинен, и среди них значится история арабов, Венеции, обеих Индий, Англии, Турции, Швейцарии, а также Сорбонны. Он проштудировал «Опыт о нравах и духе народов» Вольтера, «Историю Флоренции» Макиавелли, «Очерк о “письмах с печатью” и государственных тюрьмах» Мирабо и «Древнюю историю» Шарля Роллена. Наполеон изучал книги по современной географии и политике, например направленную против аристократии «Критическую историю дворянства» Жака-Антуана Дюлора и полные сплетен «Тайные мемуары о царствовании Людовика XIV, регентстве и царствовании Людовика XV» Шарля Дюкло^[68]. В тот же период он заучивает наизусть стихи Корнеля, Расина и Вольтера – вероятно, чтобы произвести впечатление на престелстную Каролину дю Коломбье. «И кто может поверить, – рассказывал позднее Наполеон об их невинных прогулках на рассвете, – что все наше счастье состояло в том, что мы вместе ели черешни!»^[69] В Валансе Наполеон стал брать уроки танцев, вероятно признав, сколь важно офицеру быть презентабельным⁷. Когда в декабре 1808 года Дотель, его бывший учитель танцев, теперь сильно нуждавшийся, написал Наполеону («Ваше величество! Человек, который учил вас первым шагам в свете, поручает себя вашему великодушию»), тот нашел ему место^[70].

В Валансе 26 апреля 1786 года Наполеон написал первое из его сохранившихся эссе – о праве корсиканцев на сопротивление французам. Учеба Наполеона окончилась, и это сочинение написано скорее для себя, а не для публикации: необычное для французского офицера тех дней времяпрепровождение. В написанном по случаю шестидесяти первого дня рождения Паоли эссе Наполеон утверждал, что законы устанавливает или народ, или государь – во имя независимости первого. Он писал: «Корсиканцы смогли, следуя всем законам справедливости, сбросить иго генуэзцев, и они смогут также свергнуть иго французов. Аминь»^[71]. Написать такое для французского офицера было странным и даже небезопасным, но Наполеон со школьной скамьи боготворил Паоли, а жизнь самого Наполеона во Франции с 9 до 17 лет была одинокой, так потому неудивительно, что он идеализировал Корсику.

Наполеона можно назвать несостоявшимся писателем. К 26 годам из-под его пера вышло около 60 эссе, новелл, философских и исторических сочинений, трактатов, памфлетов и открытых писем^[72]. Все это в совокупности отражает умственную и политическую эволюцию от пламенного корсиканского националиста, которым он был в 1780-х годах, до французского офицера, враждебно настроенного к Паоли и желавшего в 1793 году разгрома якобинским правительством восстания на Корсике. Впоследствии Наполеон называл Паоли «замечательным человеком, не предавшим ни Англию, ни Францию, но всегда стоявшим за Корсику», «большим другом семьи», который убеждал его поступить на английскую службу, поскольку тогда он имел возможность добыть ему офицерский патент... «но я предпочел французов, поскольку я владел их языком, исповедовал их веру, понимал и любил их нравы, а начало революции воспринял как удобное для предприимчивого молодого человека время»^[73]. Наполеон также утверждал (возможно, не вполне правдиво), что Паоли сделал ему «чудесный комплимент»: «Этот юноша станет одним из Плутарховых древних»^[74].

В начале мая 1786 года шестнадцатилетний Наполеон сочинил двухстраничное эссе «О самоубийстве» – крик души страдающего националиста-романтика вкупе с упражнением

⁷ О том, насколько Наполеон усвоил уроки, всё еще спорят. В 1807 году он спросил у графини Анны Потоцкой, что она думает о танце на балу в Варшаве. «Ваше величество, – последовал тактичный ответ, – для великого человека вы превосходно танцуете» (ed. Stryjenski, *Memoires* p. 125).

в риторике. «Всегда одинокий среди людей, я возвращаюсь к себе, чтобы мечтать в одиночестве и со всей страстью предаться меланхолии, – писал он. – К чему мои помыслы устремятся сегодня? К смерти?»^[75]. Наполеон приходит к выводу: «Если я должен умереть, то не лучше ли самому убить себя?» «О, как люди далеки от природы!» – сетует он, вторя привычному заклинанию романтиков. Демонстрируя, как Гамлет, гордыню вкупе с жалостью к себе, Наполеон смешивает некое самовлюбленное философствование с корсиканским национализмом в духе руссоизма: «Мои соотечественники скованы цепями и с дрожью целуют руку, которая их угнетает! Они уже не те храбрые корсиканцы, которых воодушевлял своими добродетелями герой, – враги тиранов, роскошества и презренных куртизанок... Вы, французы, не удовлетворялись тем, что лишили нас всего, что было нам дорого, но и испортили наши нравы. Хороший патриот должен умереть, когда его отечество погибло... Жизнь для меня бремя потому, что ничто не доставляет удовольствия и все мне в тягость»^[76]. Подобно большинству мятущихся юношей, привлеченных романтической чрезмерностью, Наполеон решил не кончать с собой. Эссе отчасти позволяет нам увидеть перемену его самоощущения. Наполеон следует лучшим образцам своей эпохи, его сочинение наполнено цветистыми оборотами и риторическими вопросами, и здесь он начал совершенствовать литературный стиль, в будущем свойственный его воззваниям и речам.

В семнадцать лет взгляды Наполеона на религию начали кристаллизоваться и с тех пор не слишком менялись. Хотя Наполеона обучали монахи, он не стал добрым христианином, убежденным в Божественной природе Христа. Наполеон признавал некую Божественную силу, по-видимому после сотворения имеющую очень ограниченную связь с миром. Впоследствии он иногда крестился перед боем^[77]. Как мы увидим, Наполеон признавал общественную полезность религии, но сам оставался, по сути, скептиком, поборником Просвещения. В сентябре 1780 года, в возрасте одиннадцати лет, ему пришлось сдавать устный экзамен. Его попросили рассказать о четырех чудесах Христовых и задавали вопросы о Новом Завете. Впоследствии Наполеон вспоминал: «Я был возмущен, узнав, что самые доблестные мужи древности будут вечно гореть в аду, поскольку они не исповедовали веру, о которой никогда не слышали»^[78]. Когда священник предложил Наполеону помочь справиться с потерей отца, пятнадцатилетний юноша отказался. Теперь, в еще одном неопубликованном сочинении, он нападал на критиковавшего Руссо протестантского пастора из Женевы и обвинял христианство в потакании тирании. Обещание загробной жизни отвлекает человека от улучшения земной жизни путем общественных преобразований, оно мешает человеку усовершенствовать земную жизнь, добиваясь создания правительства, которое могло бы «оказывать содействие слабым против сильных и так позволять всем наслаждаться приятной безмятежностью, идти к счастью»^[79]. Счастье же в действительности способен обеспечить лишь общественный договор – соглашение граждан с государством. Кроме этого трактата (15 000 слов), Наполеон в подражание Лафонтену сочинил басню в стихах «Собака и кролик». В ней охотник подстрелил вместо кролика собственную гончую по кличке Цезарь. Финал звучит так: «Мне небеса помогут, коль и сам я не сплоскаю, / И я сию мораль – благословляю»^[80].

Следующий дошедший до нас образец прозы Наполеона – «Встреча в Пале-Рояле» – занимает всего страницу. Это сочинение датировано 22 ноября 1787 года, четвергом, и написано в Отеле де Шербур (ныне это улица Вовилье, там, где она отходит от улицы Сент-Оноре) в Париже, куда он приехал в связи с тяжбой о питомнике. В частной записке речь идет о проститутке, встреченной в имеющем дурную репутацию районе – средоточии казино, ресторанов и ювелирных магазинов – в центре города:

Выйдя из итальянской оперы, я довольно быстро зашагал по аллеям Пале-Рояля. Моя душа, разгоряченная естественными для нее сильными

⁸ Пер. В. Сашонко.

впечатлениями, не чувствовала стужи, но, когда холод коснулся и моего ума, я почувствовал на себе суровость погоды и укрылся в аркаде. Как только я вошел в железные ворота, мой взгляд остановился на особе другого пола. Позднее время, ее облик и молодость не оставляли сомнений в ее ремесле. Я посмотрел на нее; она остановилась – но не с нахальным видом, присущим ее званию, а с соответствующим очарованию ее наружности. Это меня поразило. Ее нерешительность ободрила меня, и я заговорил. Я заговорил с ней – я, сильнее кого-либо видевший отвратительность ее положения и всегда чувствовавший себя запятнанным, даже глядя на таких, как она. Но из-за ее бледности, тщедушности, ее тихого голоса я не медлил ни минуты^[81].

Они гуляли в парке, и Наполеон спросил, нет ли у нее иного «занятия, более подходящего для ее здоровья». Она ответила: «Нет, сударь; нужно ведь как-нибудь жить». «Я был в восторге; я увидел, что она по крайней мере отвечает мне. Такого успеха я прежде не имел». Наполеон спросил, откуда она родом (из Нанта), как потеряла девственность («Меня обесчестил офицер»), жалеет ли она об этом («Да, очень»), как попала в Париж и, наконец (после града вопросов), не отведет ли она его к себе «согреться и утолить желание»^[82]. Заканчивает он так: «Теперь у меня не было намерения становиться чересчур щепетильным. Я увлек ее, теперь она не стала бы убегать, смущенная приготовленной мной речью, и я не желал, чтобы она притворялась честной женщиной, каковой, как я хотел убедиться, она не была»^[83]. Наполеон не искал подобной встречи, но то, что он счел происшествие достойным запечатления, может указывать, что именно тогда он потерял девственность. Манера общения – засыпать собеседника вопросами – совершенно наполеоновская.

Несколько дней спустя, все еще находясь в Париже, он начал работать над историей Корсики – и бросил, написав всего несколько строк. Вместо этого он засел за напыщенную, высокопарную «Речь о любви к славе и любви к отечеству». Это сочинение имеет вид адресованного безымянной молодой даме письма. Наполеон решительно выступает за любовь к славе. Военная история Франции знает примеры любви к славе, пишет он, упоминая маршалов Конде и Тюренна, но много говорит и о спартанцах, македонских царях Филиппе II и Александре, Карле Великом, Леониде и «выдающемся правителе, великом Паоли»^[84].

В сентябре 1786 года, после почти восьмилетнего отсутствия, Наполеон возвратился на Корсику и впервые увидел троих младших братьев и сестер. Это был первый из пяти его приездов домой в 1786–1793 годах, иногда многомесячных, главным образом с целью уладить затруднения, оставленные отцом. 21 апреля 1787 года Наполеон написал военному министру и попросил предоставить ему «для поправки здоровья» пять с половиной месяцев оплачиваемого отпуска^[85]. Наполеон или оказался прекрасным актером, или нашел стоворчивого врача, поскольку, не будучи больным, он приложил к рапорту медицинские справки. В полк Наполеон вернулся почти через год. Его долгое отсутствие не было необычным: в мирное время $\frac{2}{3}$ пехотных и $\frac{3}{4}$ кавалерийских офицеров покидали свои полки на зиму^[86]. К тому времени Жозефу пришлось расстаться с надеждами и на военную, и на духовную карьеру, чтобы помочь матери вести дом, но в 1788 году он получил диплом правоведа в Пизанском университете. Все младшие братья и сестры Наполеона еще учились в школе, причем Люсьен демонстрировал признаки ума и честолюбия.

К концу мая 1788 года Наполеон находился в Артиллерийском училище в Оксоне, неподалеку от Дижона. Как и в Валансе, Наполеон ел один раз в день, в три часа дня, и, экономя жалованье, мог отсылать немного денег матери. Остальное он тратил на книги. Наполеон менял белье раз в восемь дней. Он твердо придерживался программы всестороннего самообразования, и в объемистых тетрадях оксонского периода мы находим выписки из книг об истории, географии, религии и обычаях всех выдающихся народов древности, в том числе афинян, спартанцев, персов, египтян и карфагенян. В записях речь идет и о совершенствовании артиллерии

и военной дисциплине, и о «Государстве» Платона, об Ахилле и, разумеется, об Александре Македонском и Юлии Цезаре.

Начальником училища был генерал барон Жан-Пьер дю Тей, артиллерист-новатор. Около девяти часов в неделю Наполеон изучал военную теорию, а по вторникам и высшую математику. Артиллерии придавалось все большее значение: благодаря развитию металлургии орудия теперь весили вдвое меньше, но не проигрывали прежним образцам ни в огневой мощи, ни в точности. Легкие и мощные пушки стали определять судьбу сражений. Любимцами Наполеона, его «красотками», как он впоследствии их называл, стали сравнительно мобильные 12-фунтовые орудия^[87]. «Я считаю, что каждый офицер должен послужить в артиллерии, – говорил он. – Этот род войск может дать лучших генералов»^[88]. Это замечание продиктовано не только самомнением: среди французских артиллеристов того времени были умелые полководцы Жан-Батист Эбле, Александр-Антуан Сенармон, Антуан Дроу, Жан де Ларибуазьер, Огюст де Мармон и Шарль-Этьен-Франсуа де Рюти.

«В военном ремесле нет ничего такого, чего я не умел бы сам, – хвалился Наполеон. – Некому изготовить порох? Я знаю, как его изготовить. Лафет? Я знаю, как построить лафет. Литье пушек? Я знаю, как это делается. А если нужно научить тонкостям тактики, я могу их объяснить»^[89]. За все это ему следовало благодарить Оксон. В августе того года Наполеону отдали под начало двести человек и поручили проверить возможность стрельбы разрывными снарядами из тяжелых орудий (а не только из мортир). Итоговый рапорт похвалили за ясность изложения. Служебные записки Наполеона того времени были лаконичными, содержательными, и в них подчеркивалась важность наступательных действий.

Через несколько дней после успешного завершения испытаний Наполеон сочинил первый параграф своего «Рассуждения о королевской власти» (*Dissertation sur l'Autorité Royale*), в котором утверждал, что военный режим лучше тирании, и недвусмысленно выразился: «Очень мало королей не заслуживают быть низложенными»^[90]. Излагаемые взгляды были строгими, но и крамольными, и, если бы автор напечатал сочинение под своим именем, это навлекло бы неприятности даже в той беспокойной политической ситуации, в которой оказалась Франция за несколько месяцев до штурма Бастилии. К счастью, прямо перед тем, как отправить «Рассуждение...» издателю, Наполеон узнал, что Этьен-Шарль де Ломени де Бриенн, министр финансов Людовика XVI, которому было посвящено сочинение, отправлен в отставку. Он немедленно отказался от публикации.

Страсть Наполеона к сочинительству дошла до того, что он, составляя регламент для офицерской столовой, умудрился превратить его в текст длиной в 4500 слов, полный цветистых выражений наподобие: «Ночь отнюдь не темна для того, кто объемлет вниманием все, что каким-либо образом способно опорочить его чин или мундир. Острых орлиных глаз и ста голов Аргуса едва ли довольно, чтобы обозреть все его обязанности и долг»^[91]. В январе 1789 года Наполеон сочинил романтическую мелодраму «Граф Эссекский. Английский рассказ». Это не лучшая его вещь. «Пальцы графини погрузились в зияющие раны, – начинается один абзац. – С ее пальцев текла кровь. Она вскрикнула, закрыла лицо, но, взглянув снова, не увидела ничего. Устрашенная, трепещущая, пораженная ужасом, потрясенная этими пугающими предзнаменованиями, графиня села в карету и поехала в Тауэр»^[92]. В произведении речь идет о заговорах, любви, убийстве, дурных предчувствиях и свержении короля Якова II. Продолжая упражняться в этом стиле, в марте 1789 года Наполеон написал двухстраничный рассказ «Маска пророка» о благообразном и харизматичном арабе Хакиме, воине и пророке, который, будучи изуродован болезнью, был принужден носить серебряную маску. Поссорившись с местным правителем Маади, Хаким заставляет своих последователей выкопать ямы (якобы для врагов) и наполнить известью, но отравляет их самих, сбрасывает тела в ямы и приносит в жертву себя^[93]. Это шокирующее сочинение взрослеющего подростка полно отчаяния и тревоги.

В следующем месяце Наполеона отправили в Сер, в 32 километрах ниже по течению реки Сонны. Там вспыхнул бунт, и толпа убила двух торговцев зерном. «Пусть честные люди идут по домам, – кричал, как рассказывают, 19-летний Наполеон, помощник командира отряда. – Я стреляю только по толпе». Хотя он дельно выполнил задание и произвел благоприятное впечатление на генерала дю Тея, политическая обстановка была такой, что скоро бунтовщики стали нападать на административные здания и жечь конторы сборщиков налогов уже в Оксоне. Именно здесь, в провинции, Наполеон заметил приближение грандиозного события, изменившего историю Франции, Европы и перевернувшего его собственную жизнь.

Революции, начавшейся 14 июля 1789 года, когда толпы парижан взяли штурмом Бастилию, предшествовал многолетний финансовый кризис и волнения, подобные мелкому выступлению, подавленному Наполеоном. Первые признаки нестабильности появились еще в 1783 году, в последний год войны в Северной Америке, в которой Франция поддерживала восставших колонистов. В апреле 1789 года были жестоко подавлены протесты, обусловленные низкой зарплатой и нехваткой продовольствия (как в Сере); погибли 25 человек. «Наполеон часто повторял: нации, как и люди, болеют, и их историю было бы описать не менее любопытно, чем болезни человеческого тела, – впоследствии записал его министр. – Самые насущные интересы французского народа были ущемлены. Дворяне и духовенство унижали его своей спесью и привилегиями. Народ долго страдал под этим гнетом, наконец захотел сбросить ярмо, и началась революция»^[94].

5 мая, когда были созваны Генеральные штаты (впервые с 1614 года), казалось, что короля можно заставить хотя бы отчасти поделиться властью с третьим сословием. Но события развивались стремительно и непредсказуемо. 20 июня депутаты от третьего сословия, к тому времени объявившие себя Национальным собранием, поклялись не расходиться до тех пор, пока не дадут стране новую конституцию. Три дня спустя две роты королевской гвардии отказались подавлять мятеж и взбунтовались сами. Известие о том, что Людовик XVI вербует за границей наемников, чтобы подавить волнения, к тому времени переросшие в восстание, вынудило журналиста-радикала Камиля Демулена призвать к штурму Бастилии. Это привело к гибели коменданта крепости [де Лонэ], купеческого старшины (мэра) Парижа [де Флесселя] и генерального контролера финансов [Фулона де Дуэ]. 26 августа Национальное собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина, а 6 октября толпа захватила Версальский дворец.

Наполеон – человек, впоследствии проявлявший поразительную политическую проницательность, – совершенно неверно оценил первые события революции. «Повторяю тебе, – писал он Жозефу 22 июля, спустя неделю после штурма Бастилии, – покой вернется. Через месяц ни о чем таком и речи не будет. И если пришлешь мне триста ливров [7500 франков], я поеду в Париж, чтобы покончить с нашим делом»^[95]. В то время Наполеона сильнее занимала сага о тутовом питомнике, нежели мощнейший со времен Реформации политический взрыв в Европе. Он вернулся к своей истории Корсики и, собравшись с духом, послал Паоли в Лондон цветистое письмо. «Я родился, когда родина погибала. Тридцать тысяч французов, извергнутых на наши берега, заливавших потоками крови престол свободы, – таким было отвратительное зрелище, поразившее мой взор. Крики умирающих, стоны угнетенных, слезы отчаяния – вот что окружало мою колыбель с самого рождения»^[96]. Это неожиданное признание для человека, принесшего присягу королю Франции. Вскоре после начала революции и возвращения на Корсику Паоли (июль 1790 года) Наполеону пришлось сделать выбор.

Революция

В какое бы время он ни явился, он играл бы выдающуюся роль. Но эпоха, в которую он делал первые шаги на своем жизненном пути, была исключительно благоприятной для его возвышения.

Меттерних о Наполеоне

В двадцать два года позволено многое из такого, что после тридцати уже запрещено.

Наполеон – Фридриху, курфюрсту Вюртемберга

«Среди грохота барабанов, оружия и крови я пишу тебе это письмо», – извещал Наполеон Жозефа из Оксона, где через восемь дней после штурма Бастилии возобновились беспорядки^[97]. Он с гордостью упоминает, что генерал дю Тей спросил его совета, как следует поступить. Наполеон арестовал 33 человека и почти час убеждал бунтовщиков остановиться.

Несмотря на свою нелюбовь к толпе и формальную принадлежность к дворянству, Наполеон приветствовал революцию: по крайней мере на ранних этапах она вполне следовала идеалам Просвещения, усвоенным Наполеоном из книг Руссо и Вольтера. Наполеон принял ее антиклерикализм и не противился ослаблению монархии, к которой не питал особенного почтения. Кроме того, революция как будто сулила Корсике большую автономию, а амбициозному молодому чужаку без состояния и связей – карьерные перспективы. Наполеон считал, что строй, который обещала революция, будет основан на логике и разуме и устранил оба вышеназванных препятствия. В логике и разуме просветители видели единственно достойные источники власти.

Принявшие революцию Бонапарты оказались среди корсиканской знати в меньшинстве, хотя и не «единственными» на острове, как позднее утверждал Наполеон^[98]. При этом он сам оказался единственным артиллеристом из своего выпуска в военном училище и одним из очень немногих офицеров королевской армии, одобрявшим свержение Людовика XVI: почти все они в 1789 году покинули Францию. Хотя Наполеон исправно исполнял свой долг, подавляя хлебные бунты в Валансе и Оксоне (где некоторые солдаты его полка перешли на сторону мятежников), он рано присоединился к местному отделению революционного «Общества друзей Конституции». В это время в Аяччо четырнадцатилетний Люсьен Бонапарт, брат Наполеона, увлечение которого радикальной политикой было гораздо глубже, вступил в Якобинский клуб^[99].

8 августа 1789 года, когда Париж бурлил, а значительная доля офицерского корпуса находилась в замешательстве, Наполеон снова получил отпуск по болезни, чтобы вернуться на Корсику, и провел на острове следующие восемнадцать месяцев, с головой окунувшись в местную политику. (Мы опять-таки не находим доказательств того, что он действительно болел.) Босуэлл в «Описании Корсики» указывает, что в политическом отношении остров разделен на города, девять провинций и множество церковных округов-«пьеве» (pieve, состоявшие из нескольких приходов каждый, обеспечивали «как церковные, так и мирские связи»). Полномочия губернатора, резиденция которого находилась в Кортэ, были ограниченными. Между городами, деревнями и кланами издавна существовали распри. Сильными оставались позиции католической церкви и изгнанника Паоли. Наполеон с воодушевлением бросился в этот водоворот, и в следующие четыре года его гораздо больше занимала корсиканская политика, нежели военная карьера во Франции.

⁹ В Париже якобинцы и чуть более умеренные жирондисты считали друг друга идеологическими противниками.

Приехав в Аяччо, Наполеон, поддержанный Жозефом и Люсьеном, призвал корсиканцев принять революцию, встать под новое – трехцветное – знамя, прикрепить к шляпе кокарду тех же цветов, организовать клуб «Патриоты» и полк корсиканских добровольцев (подразделение Национальной гвардии, рассчитывавшее когда-нибудь сравняться с силами губернатора). Когда губернатор распорядился закрыть клуб и распустил добровольцев, имя Наполеона оказалось первым в протестной петиции, посланной в Париж, в Национальное собрание^[100]. В октябре Наполеон сочинил памфлет, в котором обличал французского командующего на Корсике и критиковал островное правительство за недостаточный радикализм^[101]. Пока Наполеон руководил в Аяччо революционной партией, другой корсиканец, депутат Национального собрания Антуан-Кристоф Саличетти, воспламенял сердца жителей более крупного города Бастии.

Когда в январе 1790 года Национальное собрание по предложению Саличетти объявило Корсику департаментом Франции, Наполеон поддержал это решение. Паоли, напротив, осудил этот шаг из Лондона как навязывание островитянам воли Парижа. Поскольку Саличетти и Наполеон теперь считали французские власти союзником в деле распространения революции на острове, возвращение Паоли на остров грозило расколом. В разгар политических боев (в марте Жозефа избрали мэром Аяччо) Наполеон ночами сочинял очерк истории Корсики и перечитывал «Записки о Галльской войне» Цезаря, запоминая наизусть целые страницы. Поскольку отпуск Наполеона по болезни закончился, он попросил его продлить. В полку осталось не так уж много офицеров, и командир не решился отказать.

На переработку очерка корсиканской истории у Наполеона ушло пятнадцать месяцев. Издателя он найти не смог. В уцелевших частях этого сочинения говорится, что корсиканцы – воплощение древнеримских добродетелей – пали жертвами «таинственного рока», который обрек их на угнетение. Примерно в то же время Наполеон сочинил исключительно жестокий рассказ «Новая Корсика», который начинается как приключенческий, продолжается политическими обличениями и заканчивается кровавой баней. В рассказе англичанин встречает старика-островитянина, помнящего злодеяния, совершенные на Корсике после вторжения французов в 1768 году. «Я оставил товарищей и поспешил на помощь своему несчастному отцу, которого нашел плавающим в собственной крови, – рассказал старик. – У него хватило сил лишь проговорить: “Отомсти за меня, сын мой. Таков первый закон природы. Погибни, как и я, если придется, но ни за что не признавай французов своими хозяевами”». Старик упоминает о том, что нашел обнаженный труп своей обесчещенной матери, «покрытый ранами и лежащий в самой непристойной позе», и объясняет: «Мую жену и троих из братьев повесили там же. Семерых моих сыновей – троим не исполнилось и пяти лет – постигла та же участь. Нашу хижину сожгли; кровь наших коз смешалась с кровью моей семьи» – и так далее^[102]. «Тогда у своего алтаря, – объясняет старик, – я снова поклялся не щадить ни единого француза»^[103]. (Напомним, жуткий рассказ сочинен 20-летним французским офицером действительной службы.) Мсть старика оказывается грандиозной: он убивает всех на борту французского корабля, в том числе юнгу: «Мы втащили их тела на наш алтарь и сожгли. Это новое благоволение, кажется, умилиствовало Божество»^[104]. Когда началась революция, Наполеон явно поддался соблазну насилия.

24 июня 1790 года Наполеон послал свой очерк истории Корсики видному просветителю аббату Рейналю. Сочинение Рейналя («Философическая и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях», опубликованное в 1770 году без имени автора и запрещенное во Франции), несмотря на свой немалый объем, пользовалось успехом и оказало значительное влияние. Аббату пришлось отправиться в изгнание, но в 1787 году ему предложили вернуться. В сопроводительном письме, датированном «первым годом свободы», Наполеон рассуждал: «Народы истребляют друг друга из-за семейных споров, режут друг другу глотки во имя правителя вселенной, подлых и жадных попов, воздействующих на их вообра-

жение через любовь к чудесам и страх»^[105]. С неменьшим пафосом он объяснял Рейналю: «Я охотно взялся за труд, который свидетельствует о моей любви к своей стране, тогда униженной, несчастной, поработенной». Наполеон прибавил (подражая Босуэллу и Руссо, воспевавшим корсиканские красоты): «Я, к своему удовлетворению и позору человечества, вижу мою страну убежищем последних следов римских вольностей, а соотечественников – продолжателями Катона»^[106]. Утверждение, будто склочные корсиканцы – истинные наследники Марка Порция Катона, отстаивавшего римскую свободу, представляет собой скорее доказательство одержимости Наполеона Античностью, нежели полезное историческое наблюдение. Он отправил рукопись также отцу Дюпюи, своему бриеннскому наставнику. Тот посоветовал Наполеону целиком переписать книгу, но редкий автор примет этот совет с благодарностью.

12 июля 1790 года Учредительное собрание приняло Положение о гражданском устройстве духовенства, вручавшее государству контроль над церковью и распускавшее монашеские ордены. Требование к священнослужителям присягать светским властям вызвало раскол в первом сословии (священники разделились на «конституционных», то есть принесших клятву, и неприсягнувших) и в марте следующего года было осуждено папой Пием VI. Враждебность к христианству в целом и к католической церкви в частности двигала многими революционерами. К ноябрю 1793 года собор Парижской Богоматери был посвящен культу Разума, а полгода спустя вождь якобинцев Максимилиан Робеспьер добился принятия декрета, вводившего пантеистический культ Верховного существа. Вместе с десятками тысяч лишившихся своего имущества аристократов, вынужденных уехать из Франции, страну покинуло и несколько тысяч священников.

Наполеон в памфлете одобрил гражданское устройство духовенства, и это значительно осложнило положение его самого и Жозефа: вскоре после публикации они, повстречав в Аяччо религиозную процессию, едва избежали самосуда. (Их спас бандит Трента Косте, должным образом вознагражденный [должностью инспектора минеральных вод и лесов Корсики], когда Наполеон сделался первым консулом^[107].) В июле 1790 года, после 22 лет изгнания, на Корсику вернулся 65-летний Паоли. Наполеон и Жозеф приветствовали его в составе делегации от Аяччо. Паоли немедленно и единогласно избрали главой Корсики, президентом Законодательного собрания и командующим недавно образованной Национальной гвардии.

Паоли, видевший в братьях Бонапартах сыновей коллаборациониста, несмотря на очевидное желание Наполеона заслужить его похвалу, мало что сделал для сохранения их лояльности. Одним из первых шагов Паоли (вызвавшим гнев Бонапартов и остальных жителей Аяччо) стал перенос столицы из Корте в Бастию. По местной легенде, Паоли разозлила критика Наполеоном его диспозиции, когда они посетили поле битвы при Понте-Нуово (впрочем, в мемуарах Жозеф утверждает, что брат доверил свои соображения лишь ему)^[108]. В последние десятилетия эпохи Просвещения в прогрессивных кругах Европы почитали Паоли. Бонапартам пришлось приложить немало усилий, чтобы помириться с ним.

15 сентября Жозефа избрали одним из депутатов от Аяччо в островное собрание, а позднее главой директории – городской администрации. Наполеон же не стал депутатом и не смог занять значительный пост в Национальной гвардии. «В этом городе полно плохих граждан, – писал он Шарлю-Андре Поццо ди Борго, члену островного правительства. – Вы и представления не имеете об их помешательстве и низости». Наполеон предложил лишить должностей трех членов городского совета. «Эта мера насильственная, возможно, незаконная, но необходимая», – объяснил он, процитировав напоследок Монтескье: «В некоторых случаях на свободу следует набросить покрывало, подобно тому как закрывали иногда статуи богов»^[109]. В этом случае Наполеон не добился своего.

¹⁰ Пер. А. Горнфельда.

В следующем месяце Национальное собрание – теперь фактически полноценный парламент – приняло предложение графа де Мирабо: хотя Корсика теперь в составе Франции и подчиняется французским законам, управлять островом отныне будут лишь сами корсиканцы. Островитяне встретили известие с огромным энтузиазмом. В церквях Корсики прошли благодарственные молебны. Наполеон вывесил на доме Бонапартов огромный транспарант: «Да здравствует нация! Да здравствует Паоли! Да здравствует Мирабо!»^[110] Рейналю склонный к преувеличению (в этом случае простительному) Наполеон объявил: «Море больше не разделяет нас»^[111]. Увы, в новом порядке Паоли не было места для Наполеона. Когда наметилось расхождение паолистов с парижским правительством, Бонапарты остались верны Законодательному собранию и сменившему его 21 сентября 1792 года Конвенту. Расставание Бонапартов с паолистами не было простым, но к весне 1793 года состоялся окончательный разрыв.

6 января 1791 года Наполеон присутствовал в Аяччо на открытии революционного клуба *Globo Patriottico*, копирующего парижские клубы якобинцев и менее радикально настроенных жирондистов. В том же месяце он напечатал политический памфлет «Письмо к месье Буттафуоко» и заклеил человека, двадцать три года назад назначенного управлять островом, как предателя и сторонника «нелепого феодального режима», который обманул Паоли, «окруженного патриотами» (намек на вернувшихся эмигрантов, желавших для Корсики конституции в английском духе; Наполеон предпочел бы революционную, по французскому образцу). Паоли, который в то время ладил с Буттафуоко, воспринял памфлет Наполеона в штыки и отверг его посвящение на истории Корсики. Паоли сказал, что «историю не пишут в годы молодости», ведь это занятие требует «зрелости и уравновешенности»^[112], добавил к этому, что не может возратить Наполеону рукопись, поскольку не успел ее просмотреть, и отказался предоставить нужные материалы. Надеждам Наполеона стать писателем снова было не суждено сбыться, и помешал ему в этот раз человек, которого он в юности боготворил. Когда позднее пошли слухи (распущенные политическими противниками, но не исключено, что правдивые), будто Жозеф запустил руку в казну Аяччо, Паоли не предложил свою помощь^[113].

Хотя отпуск Наполеона официально закончился 15 октября 1790 года, он явился к месту службы лишь 1 февраля следующего года, забрав с Корсики двенадцатилетнего брата Луи, обучение которого в Оксоне собирался оплатить. Наполеон предъявил своему невероятно терпеливому командиру свидетельства о болезни и даже о препятствовавших приезду штормах, и тот любезно выплатил ему жалованье за три месяца отсутствия. Тем не менее Луи пришлось спать на полу в чулане у кровати Наполеона (всю обстановку комнаты составляли стол и два стула). «Знаете, как я справился? – впоследствии рассказывал Наполеон о том периоде. – Я никогда не заходил в кофейню и не появлялся в обществе; ел черствый хлеб и сам чистил одежду, чтобы она прослужила дольше. Я жил, как медведь в берлоге, в маленькой комнатке, и книги были моими единственными друзьями... Таковы были удовольствия и излишества моей юности»^[114]. Возможно, здесь Наполеон преувеличил, но не слишком. Гораздо выше белья он ценил книги и образованность.

В феврале – августе 1791 года Наполеон работал над сочинением на конкурс Лионской академии. За лучшее сочинение на тему «Какие истины и чувства более необходимы людям для счастья?» академия и аббат Рейналь назначили награду – 1200 франков, что превышало годовое жалованье Наполеона. В сочинении – он потратил на него шесть месяцев – Наполеон обличал честолюбцев и даже критиковал за гордыню Александра Македонского: «Что делал Александр, устремаясь из Фив в Персию и далее в Индию? Он не находил себе места, он обезумел, он считал себя богом. Чем кончил Кромвель? Он правил Англией. Но не чувствовал ли он на себе все кинжалы фурий?»^[115] Наполеон явно сослался и на собственный опыт: «Вы возвращаетесь на родину после четырех лет отсутствия. Вы блуждаете по местам, где играли в первые, молодые годы... Вы чувствуете тот же пламень любви к родине»^[116].

Впоследствии Наполеон утверждал, что отозвал свое сочинение прежде, чем жюри оценило его, но это не так. Эксперты из академии поставили ему низкие оценки за высокопарный слог. Один из судей назвал сочинение «слишком неинтересным, сумбурным, сбивчивым, путанным и слишком плохо написанным для того, чтобы удержать внимание читателя»^[117]. Много лет спустя Талейран получил из архивов академии оригинал сочинения и преподнес его Наполеону. Тот, перечитав текст, заметил: «Я думаю, автор заслуживает порки. Что за нелепости я говорил и как я был бы раздосадован, если бы они сохранились!»^[118] Наполеон «бросил сочинение в огонь и подтолкнул щипцами», опасаясь, что оно «может вызвать... насмешки»^[119]. Хотя Наполеон, конечно, не получил премию, то, что он решился участвовать в конкурсе сочинений на *французском* языке, говорит о его большой самоуверенности.

Это эссе на заданную тему было лишь одним из продуктов литературного конвейера 22-летнего Наполеона. Он написал «Диалог о любви» (*Dialogue sur l'Amour*), в котором свое альтер эго назвал Б, а Александра де Мазе, непридуманного друга, товарища по гарнизону, вывел под настоящим именем. Насколько близким другом был Мазе, вопрос спорный: по сравнению с невозмутимым, уверенным Б он изображен человеком чванливым и беспокойным. В «Диалоге» утверждается, что любовь – это кошмар и для общества, и для конкретного человека и что Провидению для того, чтобы сделать всех счастливее, следует ее упразднить. В другом сочинении, «Размышления о естественном состоянии», Наполеон доказывает, что человеку в дообщественном состоянии жилось лучше (идея, целиком заимствованная у Руссо).

В июне 1791 года Наполеона произвели в лейтенанты и перевели обратно в Валанс, в 4-й артиллерийский полк. Из 69 месяцев, проведенных с полком Ла-Фер, он не менее 35 месяцев находился в отпуске и не собирался менять привычки. «Пришлите мне триста франков, – просил он после приезда своего дядю Жозефа Феша. – Эта сумма позволит мне поехать в Париж. Там можно по крайней мере произвести впечатление и одолеть препятствия. Все говорят, что меня ждет успех. Не лишите же вы меня этого из-за нужды в ста кронах?»^[120] Налицо и необходимость, и амбиции, но или Феш отказал ему, или Наполеон узнал, что на Корсике будут сформированы четыре батальона Национальной гвардии, – и ходатайствовал об отпуске, чтобы туда поехать. Но полковник Компаньон, новый командир полка, отверг его просьбу: Наполеон провел в полку всего два месяца.

В последние дни июня 1791 года королевская семья попыталась бежать из Франции и была задержана в Варенне. Короля и королеву заставили вернуться в Тюильри, где они оказались почти в заточении. 10 июля австрийский император Леопольд II обратился ко всем правящим домам Европы с призывом прийти на помощь его зятю Людовику XVI. К тому времени Наполеон стал секретарем отделения «Общества друзей Конституции» в Валансе. На банкете по случаю второй годовщины падения Бастилии он поднял тост «за патриотов Оксона», которые подали петицию за суд над королем. «Страна полна задора и огня», – писал он другу, также отметив, что, хотя революция может положиться лишь на половину офицеров его полка, нижние чины ее поддерживают^[121]. «Южная кровь бежит в моих венах с быстротой Роны, – прибавил он в постскрипуме, – и вы должны простить меня, если испытываете затруднения, разбирая мои каракули».

Не смирившийся с отказом непосредственного командира, Наполеон 30 августа обратился к генералу дю Тею. (Впоследствии тот заявил своей дочери: «Это человек больших способностей; мы еще услышим о нем»^[122].) Наполеону, получившему четырехмесячный отпуск для путешествия на Корсику, дали понять, что если он не явится на полковой парад 10 января 1792 года, то будет объявлен дезертиром.

Корсика бурлила. С начала революции на острове произошло 130 убийств. Налоги никто не собирал. Денежные затруднения Бонапартов (на улаживание которых после смерти отца Наполеона шестью годами ранее у него ушло столько времени и сил) отчасти разрешились 15 октября 1791 года, со смертью архидиакона Лучано Бонапарте, двоюродного дяди, заве-

щавшего свое состояние семье Наполеона. Эти деньги оченьгодились, когда 22 февраля 1792 года Наполеон принял участие в выборах на должность начальника штаба (в чине подполковника) 2-го батальона корсиканской Национальной гвардии. Большие суммы ушли на подкуп, и в день голосования одного из трех наблюдателей даже похитили и удерживали в доме Бонапартов, пока баллотировка не окончилась с нужным Наполеону результатом. Главным его соперником выступил Маттео Поццо ди Борго, брат влиятельного на острове политика Шарля-Андре Поццо ди Борго. Вооруженные сторонники Наполеона согнали конкурента с трибуны, поставленной у церкви Св. Франциска. Политика на Корсике никогда не была занятием для слабых, но этот прием оказался серьезным нарушением даже островных обычаев, и Паоли, поддерживавший Поццо ди Борго, потребовал официального разбирательства, по его выражению, «коррупции и козней». Делу не дал ход Саличетти, представлявший парижское правительство. Между тем наступил – и кончился – январь, когда Наполеон должен был вернуться в полк. Отметка на его личном деле в военном министерстве гласит: «Оставил профессию; 6 февраля 1792 года заменен»^[123].

Грандиозные хлебные бунты в Париже в январе – марте 1792 года усугубили политический кризис. В начале февраля стало известно о союзе Австрии и Пруссии, имевшем целью (необъявленной, но и не составлявшей тайны) свергнуть революционное правительство и восстановить монархию. Хотя к Первой антифранцузской коалиции не присоединилась Англия, она не скрывала своей враждебности. Когда в воздухе запахло войной, ситуация на Корсике радикально переменилась. 28 февраля Саличетти приказал закрыть старинные монастыри в Аяччо, Бастии, Бонифачо и Кортэ, а изъятые ценности отправить в Париж. Паоли и подавляющее большинство корсиканцев этому воспротивились, и в пасхальное воскресенье в Аяччо начались столкновения солдат национальной гвардии с обывателями-католиками. Рядом с Наполеоном застрелили одного из его заместителей. Во время продолжавшегося четверо суток противостояния горожан и национальной гвардии, сопровождавшегося стычками и сварами, Наполеон предпринял попытку – неудачную – захватить хорошо укрепленную городскую цитадель, охраняемую французскими регулярными войсками, и командир гарнизона полковник Майяр отправил в военное министерство рапорт, в котором фактически обвинил Наполеона в измене. Дороги, ведущие в Аяччо, были запружены крестьянами с пустыми мешками, предвкусывавшими разграбление города.

Паоли встал на сторону Майяра и приказал Наполеону покинуть Аяччо и отправиться в Кортэ. Тот подчинился. К счастью Наполеона, в военном министерстве рапорт Майяра оказался похороненным под грудой срочных бумаг. 20 апреля Франция, предвосхищая события, объявила войну Австрии и Пруссии, а спустя восемь дней заняла Австрийские Нидерланды (совр. Бельгию), чтобы противостоять вторжению с северо-востока (австрийская и прусская армии уже стояли в Кобленце). После конфликта в Аяччо Наполеон не мог оставаться на Корсике, однако не мог и вернуться в Валанс, где считался дезертиром. Поразмыслив, Наполеон уехал в Париж.

Явившись на Вандомскую площадь, Наполеон нашел военное министерство в большом беспорядке: с мая по октябрь 1792 года сменилось шесть министров. Он понял, что никто не удосужился прочесть рапорт Майяра, что никого не заботило ни происходящее в хаосе вроде Аяччо, ни то, что отпуск Наполеона официально закончился в январе – еще до зачисления в корсиканскую национальную гвардию. В июле 1792 года Наполеона произвели (задним числом, зачтя ему год отсутствия) в капитаны, с полным окладом, но без нового назначения. На его дерзком прошении о производстве в чин подполковника армии (на том основании, что он носит этот же чин в национальной гвардии) в министерстве поставили резолюцию: «Оставить без ответа» («SR», то есть «sans réponse»)^[124].

Увиденное в Париже разочаровало Наполеона. «Те, кто возглавляет революцию, – люди невеликие, – писал он Жозефу. – Каждого заботит только собственный интерес, каждый все-

возможными преступлениями стремится добиться своего; люди интригуют столь же подло, как и всегда. Все это вытравляет честолубие. Жаль тех, кто имеет несчастье играть роль в делах общества»^[125]. Хотя роль честного воина, сторонящегося грязной политики, плохо сочеталась с похождениями революционера-склочника из Аяччо, он с успехом играл ее, и не без причины. К тому времени Наполеон окончательно сформировался как революционер: об этом говорит его одобрение свержения монархии и национализации собственности корсиканских монастырей. В политическом отношении он тяготел к радикалам-якобинцам, которые казались наиболее вероятными победителями. Революция приближалась к своему апогею, и, хотя сам Наполеон не участвовал в репрессиях, уже начавшихся в Париже, мы не имеем сведений, что он осуждал их.

20 июня 1792 года, когда толпа ворвалась в Тюильри, захватила Людовика XVI и Марию-Антуанетту и заставила короля появиться на балконе в красном фригийском колпаке, Наполеон находился в Париже. Бурьенн встретился с ним в трактире на улице Сент-Оноре, и, когда они увидели идущую к дворцу вооруженную толпу, Наполеон якобы предложил: «Пойдем за этой сволочью». Расположившись на террасе у реки, они с «удивлением и негодованием» (по-видимому, хорошо скрываемым) наблюдали историческую сцену^[126]. Два дня спустя Наполеон писал Жозефу:

Семь или восемь тысяч человек с пиками, топорами, шпагами, ружьями, вертелами, кольями... отправились к королю. Парк Тюильри был закрыт, его охраняло пятнадцать тысяч национальных гвардейцев. Они выломали ворота, ворвались во дворец, навели пушку на апартаменты короля, выбили четыре двери и предложили королю две кокарды, белую [цвет Бурбонов] и трехцветную, и заставили его выбрать одну. Выбирай, сказали они, где царствовать – здесь или в Кобленце. Король себя хорошо показал. Он надел красный колпак, королева и принц поступили так же. Королю дали выпить. Народ оставался во дворце четыре часа... Все это противоречит конституции и создает опасные примеры. Очень трудно предвидеть, куда пойдет страна в этой бурной обстановке^[127].

Впоследствии Бурьенн рассказывал, что Наполеон воскликнул: «Черт возьми! Как можно было впустить эту сволочь? Смести бы из пушек человек четыреста или пятьсот из них, и остальные бежали бы со всех ног». Этот случай еще сильнее уронил монархию в глазах Наполеона. Он поддержал свержение короля, но не понимал, почему Людовик XVI позволил себя унижить. Королевской чете оставалось менее двух месяцев ненадежной свободы.

Десять дней спустя австрийские и прусские войска вторглись во Францию, и это породило обоснованное подозрение, что Людовик XVI и королева-австриячка симпатизируют интервентам и помогают врагам Франции, уже открыто объявившим о своем желании вернуть монарху трон. Презрение Наполеона к малодушным Бурбонам укрепилось 10 августа, когда вернувшаяся в Тюильри толпа арестовала короля и королеву и перебила швейцарских гвардейцев. Наполеон, покинув квартиру на улице Май, отправился к другу [брату Бурьенна] на площадь Карузель, чтобы оттуда наблюдать за развитием событий. По пути хорошо одетого молодого офицера окружила толпа, и Наполеона заставили крикнуть: «Да здравствует нация!» Десятилетия спустя он вспоминал: «Я, как можете представить, с готовностью повиновался»^[128]. Жилище друга наполняли вещи из домов аристократов, бегущих из Франции и вынужденных за бесценок продавать свое имущество. «Что за олухи!» («Che coglione!») – воскликнул Наполеон по-итальянски, увидев из верхнего окна, что швейцарские гвардейцы не стали стрелять по толпе (это стоило им жизни)^[129]. Когда семь лет спустя Наполеон поселился в Тюильри, он повелел заштукатурить следы, оставленные в тот день пулями.

Наполеон находился в Париже в начале сентября, когда в городских тюрьмах было хладнокровно убито более 1200 человек, в том числе 115 священников. 3 сентября прусская армия герцога Брауншвейгского заняла Верден. За этим последовало четырехдневное избивание «подозрительных». Позднее Наполеон попытался оправдать убийц: «Сентябрьские расправы могут произвести сильное впечатление на солдат вторгшейся армии. Они разом увидели, что против них поднялось все население»^[130]. Наполеон утверждал, что убийцы «почти все были солдатами... решившими не оставлять врага у себя за спиной». О лидерах якобинцев он выразился так: «Что бы о них ни говорили, они не ничтожны. Немногие оставили в мире след, как они»^[131]. Наполеон, уже возглавив Францию, не отрицал собственного якобинского прошлого: «В свое время всякий сильный духом был обязан им [якобинцем] быть» – и назначил двум родственникам Робеспьера ежегодные пенсии (соответственно в 7200 и 1800 франков)^[132]. Наполеон оценил положение и, как и его отец, встал на сторону потенциальных победителей.

21 сентября 1792 года Франция была официально провозглашена республикой и Конвент объявил, что Людовика XVI будут судить за пособничество врагу и преступления против французского народа. Днем ранее революцию спасли генералы Франсуа-Кристоф Келлерман и Шарль-Франсуа Дюмурье, разбившие герцога Брауншвейгского при Вальми (регион Шампань – Арденны). Эта победа показала, что народная армия способна справляться с регулярными войсками монархических держав.

К середине октября Наполеон вернулся в Аяччо отстаивать интересы якобинцев и предпочел звание подполковника корсиканской Национальной гвардии должности капитана 4-го артиллерийского полка французской армии. Антифранцузские настроения на острове оказались гораздо сильнее, чем когда он уезжал, особенно после сентябрьских убийств и провозглашения республики. При этом он, по его словам, был по-прежнему «уверен, что лучшее, что следует сделать Корсике, – это стать французской провинцией»^[133]. Из корсиканского националиста он превратился во француза-революционера не потому, что наконец забыл издевательства в училище, не из-за отца и уж точно не в силу какой-либо из диковинных психосексуальных причин, впоследствии приводимых историками и биографами, а просто потому, что политика Франции и Корсики радикально изменилась, и в ней нашлось место и для него. Паоли, предпочитавший союз с более могущественными и политически влиятельными, чем Бонапарты, кланами Буттафуоко и Поццо ди Борго, выступил против республики, закрытия монастырей и почти всех прочих пунктов революционной программы, которую отстаивал Наполеон и его родственники. Паоли отказался зачислить Люсьена к себе и даже пытался помешать Наполеону вернуть должность в Национальной гвардии. Наполеон не мог оставаться корсиканским патриотом, когда человек, олицетворявший корсиканский национализм, бесповоротно оттолкнул и его самого, и его семью.

Бонапарты проигрывали сторонникам Паоли в запутанной, динамичной клановой политике с заметным оттенком вождизма. Наполеон, даже оставаясь ярким приверженцем корсиканского национализма, уже проникся – через чтение, образование, проведенное в Париже время и погружение во французскую культуру – французскими идеями и теперь соотносил мелкие заботы корсиканцев со всеобщими принципами, провозглашенными революцией, которую грозили задуть Австрия и Пруссия. В следующие месяцы Наполеон привыкал считать себя в большей степени французом и в меньшей – корсиканцем. Много лет спустя какой-то мэр попытался польстить ему, сказав: «Как удивительно, ваше величество, что вы, не будучи французом, так любите Францию и столько сделали для нее». Наполеон вспоминал: «Я почувствовал, как будто он ударил меня. Я повернулся к нему спиной»^[134].

Отчуждение между Бонапартами и сторонниками Паоли усилила казнь Людовика XVI 21 января 1793 года и образование в Париже Комитета общественной безопасности. Очевидец вспоминал произнесенные в узком кругу слова Наполеона, узнавшего о гибели Людо-

вика: «Несчастные! Их ждет анархия»^[135]. Наполеон считал казнь короля (за которой в октябре последовала казнь Марии-Антуанетты) тактическим просчетом. «Если бы французы были умереннее и не лишили Людовика жизни, – говорил он впоследствии, – то вся Европа революционизировалась бы. Война спасла Англию»^[136]. И все же Наполеон в то время открыто одобрял цареубийство и начинал письма с принятого у республиканцев обращения «гражданин»^[137]. 1 февраля Франция объявила войну Англии и Голландии – вскоре после того, как Испания, Португалия и Сардинское королевство объявили войну Франции. Проигнорировав урок Вальми, европейские монархи объединились, чтобы покарать цареубийц-республиканцев. В марте 1793 года Конвент образовал Комитет общественного спасения, к июлю фактически превратившийся в правительство страны. Среди его членов выделялись вожди якобинцев Робеспьер и Сен-Жюст. 23 августа Комитет объявил всеобщую мобилизацию, и годных к военной службе мужчин в возрасте 18–25 лет призвали на защиту революции и родины. Это более чем удвоило численность вооруженных сил республики (с 645 000 до 1,5 млн человек) и сплотило нацию перед лицом опасности.

По-видимому, война началась бы в любом случае, но объявление республикой войны англичанам явилось серьезной ошибкой: к тому времени правительство тори во главе с Уильямом Питтом – младшим (он пришел к власти в 1783 году, когда ему было всего 24 года) испытывало инстинктивную антипатию к революционной Франции¹¹. Пользуясь удобным географическим положением, островная Англия стала гораздо более последовательным, чем кто-либо, противником революции, а следом и Наполеона, и в течение следующих 23 лет находилась в состоянии мира с Францией всего 14 месяцев. «Будьте уверены, – сказал Питт политическому философу Эдмунду Бёрку, который уже в 1790 году в “Размышлениях о революции во Франции” предсказал террор и приход диктатора, – мы не отступимся до самого Судного дня»^[138]. Посрамленная в Америке десятилетие назад Англия увидела возможность при помощи своего могучего флота вышвырнуть французов из морской торговли, заблокировать или отнять их колонии и упрочить собственные позиции крупнейшей торговой державы в мире. Для Питта и его последователей непреклонное противостояние революционной, а позднее – наполеоновской Франции было не только моральным и идеологическим императивом: использование Англией возможности заменить Францию в роли мирового гегемона было совершенно логичным геополитическим шагом. С этой целью сторонники Питта в Лондоне посредством огромных прямых субсидий, которые Наполеон называл «золотом Питта», оплатили создание не менее семи антифранцузских коалиций^[139].

Через месяц после казни Людовика XVI Наполеон занял свой первый крупный пост: ему поручили командовать артиллерией отряда, выделенного для «освобождения» трех принадлежавших Сардинскому королевству островков. Поход возглавил Пьер ди Чезари-Рокка, племянник Паоли, которого Наполеон за глаза называл «щеголем»^[140]. 18 февраля он с корсиканской Национальной гвардией прибыл в Бонифачо на 22-пушечном корвете «La Fauvette» из маленькой эскадры адмирала Лорана де Трюге. К ночи 23 февраля республиканцы заняли остров Санто-Стефано. От двух соседних островков, Ла-Маддалена и Капрера, его отделяло всего 730 метров. Наполеон установил свои орудия так, чтобы стрелять поверх других островков, и на следующий день открыл огонь. Но потом с борта «La Fauvette» новобранцы из провансальских крестьян, составлявшие большую долю отряда, увидели, что хорошо вооруженные и воинственно настроенные сардинцы на берегу не выражают желания быть освобожденными, и взбунтовались. Чезари-Рокка отменил поход. Разъяренному Наполеону пришлось заклепать орудия и сбросить их в море.

¹¹ Его отец Уильям Питт (1708–1778), будучи премьер-министром, привел Англию к победе над Францией в Семилетней войне.

Таким образом, первая военная операция закончилась для Наполеона провалом, но, если бы Паоли выделил для нее не 1800, а 10 000 солдат, как и требовал Конвент, дело могло бы увенчаться успехом. Наполеон пожаловался Паоли, что войска «были лишены необходимого для похода; они выступили без палаток, без мундиров, без плащей и без артиллерийского обоза» и поддерживала их лишь «надежда на успех»^[141]. Неутешительное начало для нового Цезаря, но на этом примере Наполеон усвоил значение боевого духа, тылового обеспечения и организаторских способностей гораздо нагляднее, чем из лекций.

В следующие четыре месяца, по мере того как корсиканское правительство расходилось с французами и сближалось с англичанами, которые 23 июля 1794 года по приглашению Паоли оккупировали остров, Наполеон из всех сил пытался лавировать, даже когда однажды Паоли после ссоры назвал Люсьена «змеей». На западе Франции, в глубоко консервативной Вандее, после казни короля восстали шуаны – за Бурбонов и против революционеров-безбожников. Комиссары исполнительной власти колесили по стране (как рассказывают, возя с собой гильотину¹²) и утверждали идеологическую чистоту, а Паоли укреплял цитадель Аяччо. В этих условиях возможностей у Наполеона становилось все меньше. Уже 18 апреля Наполеон написал в поддержку Паоли «Обращение к Конвенту», но в том же месяце сочинил и «Обращение к коммуне Аяччо», призвав горожан присягнуть на верность республике. Когда Саличетти приказал арестовать Паоли за измену, потребовалось немедленно принять решение. На острове вспыхнуло восстание в поддержку «отца отечества» Паоли. Мятежники сожгли чучело Саличетти и срубили посаженные республиканцами «деревья свободы». Сторону республики теперь держали лишь Бастиа, Сан-Фьоренцо и Кальви, где стояли французские гарнизоны.

В апреле 1793 года, когда стало ясно, что в Конвенте взяли верх якобинцы во главе с Робеспьером, генерал Дюмуре, жирондист и соавтор победы при Вальми, перешел на сторону австро-прусской коалиции. Предательство Дюмуре и другие причины вынудили Робеспьера отдать приказ об аресте жирондистов, и 31 октября в течение тридцати шести минут 22 из них были обезглавлены. Начался террор.

3 мая Наполеон попытался присоединиться к Жозефу в Бастии, но был схвачен паолистами-montagnards (горцами). Вскоре Наполеона освободили крестьяне из деревни Боконьяно, где Бонапарты владели имением, и он смог продолжить свой путь. 23 мая толпа сторонников Паоли в Аяччо разграбила дом Бонапартов, но не сожгла его, вопреки некоторым источникам. (Возможно, дом не так уж пострадал: счет за ремонт, выставленный четыре года спустя, составил всего 131 франк^[142].) Корсиканский парламент, в котором распоряжался Паоли, объявил вне закона Бонапартов – но не тридцать их живших на острове двоюродных родственников. Летицию вновь стали чернить. О семье говорили, что она «рождена в грязи деспотизма, выпестована под присмотром и за счет любострастного паши, покойного Марбёфа, вечного позора»^[143].

31 мая Наполеон и Саличетти (комиссар якобинского правительства на Корсике) участвовали в неудачной попытке вернуть Аяччо. На следующий день Наполеон сочинил «Записку о политическом и военном положении департамента Корсики», в котором все-таки осудил Паоли за «ненависть и жажду мести в сердце»^[144]. Это стало прощанием Наполеона с родной. 11 июня 1793 года Бонапарты покинули Кальви на корабле «Prosélyte» и два дня спустя сошли на берег в Тулоне. Так закончилось пребывание Бонапартов на острове, длившееся почти 2¾ века^[145]. После падения якобинского режима на Корсике Саличетти также пришлось спасаться в Провансе. В конце месяца Паоли признал английского монарха Георга III корсиканским королем¹³.

¹² Первым на гильотине казнили разбойника (в апреле 1792 года). После этого гильотина быстро вошла в обиход и применялась для казни и уголовных преступников, и политических оппонентов.

¹³ Георг III, английский король в 1760–1820 годах (то есть в течение всего периода революционных и Наполеоновских войн), время от времени впадал в безумие. В 1811 году было учреждено регентство, и сын монарха (впоследствии король

Наполеон окончательно не разорвал связи с родиной, хотя с тех пор побывал на Корсике лишь однажды: в 1799 году, возвращаясь из Египта, он остановился на острове на несколько дней. Когда в октябре 1796 года Наполеон приказал захватить остров, он объявил амнистию для всех, кроме виднейших паолистов, которые в любом случае отправились бы в изгнание^[146]. Впоследствии он «с благоговением» отзывался о Паоли, умершем в 1807 году в Лондоне, но, сойдя 13 июня 1793 года на берег в Провансе, он понимал, что именно здесь, во Франции, ему предстоит строить свое будущее^[147].

Бонапарты приехали в Тулон как политические беженцы. Сбережения Летиции и скромное жалованье Наполеона, капитана 1-го артиллерийского полка, – вот почти все, чем располагала лишившаяся кормильца семья из девяти человек. У Наполеона не было ничего, кроме его знаний и стремления содержать родных. Поселив семью в деревне Лавалет, под Тулоном, он явился в свой полк в Ницце, снова запасшись бумагами, объясняющими его отсутствие (в этот раз подписанными Саличетти). К счастью, полковнику Компаньону после казни короля и массового исхода аристократов нужны были люди. Республике остались служить лишь 14 из 80 его офицеров.

Генерал Жан дю Тей (младший брат коменданта Оксона) поручил Наполеону организовать подвоз пороха одной из революционных армий Франции – Итальянской. В середине июля Наполеона перевели в Южную армию генерала Жана-Франсуа Карто, бывшего художника. Армия готовилась осадить захваченный федералистами [контрреволюционерами] Авиньон, где находился крупный склад боеприпасов. Наполеон лично не участвовал во взятии Авиньона 25 июля, но воспользовался этим поводом, чтобы сочинить политический памфлет «Ужин в Бокере» – несомненно, важнейшую из написанных им до тех пор работ. После января 1792 года все его сочинения имели отношение либо к военному делу, либо к политике. Выспренняя риторика, столь неуместная в его юношеских опытах, звучала более искренне и возвышенно, когда речь зашла о грандиозных событиях, главным действующим лицом которых он вскоре стал. После 1792 года Наполеон уже не делал выписки из беллетристики: он занимался описанием пасхального происшествия в Аяччо, защитой своих поступков в сардинской экспедиции и разработкой плана отвоевания Корсики у англичан.

«Ужин в Бокере» (Бокер – деревня между Авиньоном и Арлем) – написанный в конце июля 1793 года рассказ о застольной беседе офицера из армии Карто с двумя марсельскими коммерсантами, жителем Нима и фабрикантом из Монпелье. Они рассуждают о том, что Франция в большой опасности, а потому необходимо поддержать якобинское правительство в Париже, иначе победа достанется европейским тиранам и жаждущему мести французскому дворянству. Офицер – персонаж, в котором узнается Наполеон, – чрезвычайно уверен в своем командующем («при наступлении на Авиньон численность армии составляла 4000 человек; сейчас она составляет 6000 человек; не пройдет и четырех дней, как в ней будет 10 000 человек»). Он утверждает, что в боях Карто потерял всего пять человек убитыми и четверых ранеными, и предсказывает федералистам в Марселе печальную судьбу. Наполеон не удержался и от выпада в адрес Паоли, который «разграбил и присвоил имущество самых состоятельных семей, поскольку они были привержены делу единства республики; и он объявил всех тех, кто останется в наших войсках, врагами родины»^[148].

На страницах «Ужина в Бокере» Наполеон предстает истинным якобинцем. Он язвительно высказывается о федералистах: «Успехи ваши суть предмет забот всех известных аристократов». Сотрапезники главного персонажа подают реплики всего шесть раз, в основном чтобы получить отповедь. Наконец красноречие офицера всех убедило. На столе явилось шампанское, которое «совершенно разогнало тревоги и заботы», и сотрапезники отправились спать «лишь в два часа ночи». Когда Наполеон показал рукопись Саличетти (теперь комиссару в Про-

Георг IV), принц-регент, фактически правил вместо него.

вансе) и Огюстену Робеспьеру (младшему брату Максимилиана Робеспьера), те распорядились опубликовать ее за государственный счет. Наполеон доказал свою благонадежность.

24 августа Карто занял Марсель, и в городе начались массовые казни. Через четыре дня корабли адмирала Александра Худа с 15 000 английских, испанских и неаполитанских солдат вошли в порт Тулона, главной военно-морской базы Франции на Средиземном море. Их пригласили федералисты, восставшие против Конвента месяцем ранее. В ситуации, когда роялистский мятеж вспыхнул и в Лионе, а в Вандее начались волнения, когда испанская и сардинская армии действовали на юге Франции, а прусские и австрийские войска стояли у восточных границ, взятие Тулона стало задачей первостепенной важности. 7 сентября Наполеон стал майором (*chef de bataillon*) 2-го артиллерийского полка и на следующей неделе явился (возможно, по приказу полковника Жана-Батиста Сервони, корсиканца по происхождению) в штаб Карто в Олиуле, к северо-западу от Тулона, и представился командующему^[149].

Одним из политических комиссаров (*représentants-en-mission*) при Карто оказался не кто иной, как Саличетти. Карто слабо разбирался в артиллерийском деле и искал офицера, которому после ранения полковника Доммартена и в отсутствие его заместителя майора Перье можно было бы поручить командование артиллерией правого крыла армии. Саличетти и его коллега Тома де Гаспарен убедили Карто отдать этот пост Наполеону, хотя тому было всего 24 года. Наполеон подозревал, что главной причиной этого первого карьерного успеха стало военное образование. Впоследствии он говорил, что в артиллерии недостает «людей обученных, отраслью заправляли сержанты и капралы». А он-де знал службу^[150]. На его возраст закрыли глаза: армию обескровили казни и массовая эмиграция дворян, прежде составлявших подавляющее большинство офицеров. Конечно, дело было и в том, что назначения Карто происходили под влиянием союзника Наполеона Саличетти.

Под началом Карто (человека, по донесениям Саличетти и Гаспарена в Париж, «некомпетентного») состояли 8000 солдат, занимавших возвышенности между Тулоном и Олиулем. Еще 3000 солдат генерала Жана де ла Пуапа обложили городской район Лавалет. Плана действий у Карто не было. К 9 октября Саличетти и Гаспарен добились передачи под командование Наполеона всей артиллерии. Поскольку в операции главная роль явно отводилась артиллерии, все взоры обратились на Наполеона¹⁴. Вскоре Саличетти и Гаспарен доложили в Париж, что «*Vonna Parte*» – «единственный артиллерийский офицер, хоть сколько-нибудь знающий свое дело, и ему приходится слишком много работать»^[151]. Комиссары ошиблись в одном: Наполеон не знал, что такое «слишком много» работы. Позднее во время трехмесячной осады ему помогли два адъютанта: Огюст де Мармон и Жан-Андош Жюно. Мармон, из хорошей семьи, очень нравился Наполеону, но Жюно, бывшего батальонного квартирмейстера в департаменте Кот-д'Ор, он поистине полюбил, когда ядро обдало их обоих землей и камнями и записывавший под диктовку Жюно хладнокровно заметил, что теперь нет нужды посыпать чернилами песок^[152].

Осматривая в наши дни места, где стояли батареи Наполеона, сразу же понимаешь, какая задача перед ним стояла. Западнее большого и малого рейдов находится господствующая над обоими высота Эгийет. «Чтобы овладеть гаванью, – докладывал Наполеон военному министру Жану-Батисту-Ноэлю Бушотту, – нужно овладеть Эгийет»^[153]. Чтобы стрелять раскаленными ядрами по английским кораблям на малом рейде, было необходимо захватить форт Мюрgrav (Малгрейв), названный по имени его строителя и коменданта и прозванный за свои мощные укрепления «малым Гибралтаром»¹⁵. Хотя значение форта было очевидно всем, именно Наполеон разработал план его захвата. Успех у Мюрграва почти моментально

¹⁴ В завещании Наполеон упомянул Гаспарена, отписав 100 000 франков его наследникам, поскольку Гаспарен его «взял под свою протекцию и избавил от преследований невежественного начальника Генерального штаба, командующего армией до прибытия» друга Наполеона Дюгомье (ed. Jonge, *Napoleon's Last Will and Testament* p. 78).

¹⁵ В 1805–1806 годах Генри Фиппс, 1-й граф Малгрейв, будет занимать пост министра иностранных дел в правительстве Уильяма Питта – младшего.

изменил бы стратегическую обстановку: если английские корабли покинут тулонскую гавань, одни федералисты не смогут удержать город с 28-тысячным населением.

Наполеон с головой ушел в подготовку к штурму. Он выпросил в окрестных городах 14 пушек и 4 мортиры, а также порох, припасы и инструменты; разослал в Лион, Бриансон и Гренобль требования, чтобы Итальянская армия передала ему артиллерию, не занятую в обороне Антиба и Монако; открыл в Олиуле арсенал (с персоналом в 80 человек), чтобы лить пушки и ядра; реквизировал в Ницце, Валансе и Монпелье лошадей. Солдатам передавалась его неутомимость. Умоляя, сетуя и негодуя (мало пороха, зарядные картузы неподходящего размера, артиллерийские лошади реквизированы для других нужд и так далее), Наполеон засыпал письмами министра Бушотта и однажды – через голову Карто и своих непосредственных начальников – обратился даже к Комитету общественной безопасности.

Наполеон, жалуясь другу, квартирмейстеру Шове, на «неразбериху и небрежность» и «очевидную нелепость» настоящего положения, сокрушался, что «снабжение армий всего лишь дело случая»^[154]. В характерном письме Саличетти и Гаспарену он напоминал: «Без пищи можно обойтись двадцать четыре, а если необходимо, и тридцать шесть часов, а без пороха не протянешь и трех минут»^[155]. Письма, кроме напора и энергичности, демонстрируют его внимание ко всем без исключения мелочам: от цены провианта до правил возведения частоколов. Но главной его заботой была следующая. У них имелось всего 600 милье (около 294 000 килограммов) пороха, и, если бы им не удалось достать больше, крупные операции были бы невозможны. 22 октября Наполеон написал Комитету общественной безопасности о своем «огромном беспокойстве, обусловленном недостаточным вниманием к его роду войск» и прибавил: «Мне приходится бороться с невежеством и низкими страстями, которые оно порождает»^[156].

Прибегая к запугиванию, бахвальству, реквизициям и политическим интригам, Наполеон чрезвычайно быстро сформировал солидный артиллерийский обоз. Теперь в его распоряжении имелось литейное производство, изготавливающее боеприпасы и орудия, и мастерская, где чинили ружья. Он принудил марсельские власти доставить ему тысячи набитых песком мешков. Для этого понадобились большие способности к управлению. Свою роль сыграли и угрозы, пущенные в ход офицером-якобинцем в период террора. К концу осады Наполеон командовал почти сотней пушек и мортир, сведенных в одиннадцать батарей.

Наполеон получал мало помощи от Карто, которого стал презирать и которого к 11 ноября Саличетти и Гаспарен сумели заменить генералом Франсуа-Амеде Доппе. Последний, впечатленный своим командующим артиллерией, докладывал в Париж: «Я неизменно нахожу его на позициях; когда ему нужен отдых, то он, завернувшись в плащ, ложится на землю. Он никогда не оставляет батарей»^[157]. Восхищение, однако, не было взаимным. Во время атаки на форт Мюрgrav 15 ноября Доппе слишком рано приказал отступить, и Наполеон, возвратившись на свой редут, бушевал: «Наш удар по Тулону не попал в цель из-за этого <...> [слово опущено еще в XIX веке], который велел сыграть отбой!»^[158]

На батареях и редутах под Тулоном Наполеон проявил немалую храбрость. Однажды он поднял банник, испачканный кровью убитого рядом артиллериста, и помог заряжать и стрелять. Наполеон считал, что именно тогда он заразился чесоткой. «Всего через несколько дней я обнаружил, что страдаю от яростного зуда», – позднее рассказывал он о своей «ужасной болезни»^[159]. Кожное заболевание сопровождало Наполеона в Италии и Египте, и излечился он лишь в 1802 году, когда врач Жан-Николя Корвизар применил серные ванны и, «наложив на грудь три нарывных пластыря... вызвал благотворный кризис. Прежде я неизменно был худощав и бледен, а после этого у меня всегда было хорошее здоровье»^[160]. Некоторые историки сомневаются в том, что кратковременный контакт с кровью на баннике вызвал такие

последствия, но Наполеон мог воспользоваться и перчатками покойника, а это делает заражение дерматитом гораздо вероятнее^{16[161]}.

Во время атаки на внешний форт, защищавший Мюрgrav, артиллерист-англичанин ранил Наполеона, «вогнав пику» ему в левое бедро. Наполеон пытался проникнуть на батарею через амбразуру. К счастью, в этот самый момент подошли подкрепления. Много лет спустя Наполеон демонстрировал врачу «очень глубокий цикатрикс [шрам] над левым коленом» и вспоминал, что «хирурги раздумывали, не придется ли в итоге провести ампутацию»^[162]. В книге о войнах Юлия Цезаря, написанной на острове Святой Елены, Наполеон сравнивал полководцев древности, в битве остававшимися в безопасности, с современными: «Теперь главнокомандующий должен ежедневно бывать под пушечными выстрелами, часто под картечью, а в каждом сражении под ружейным огнем. Ему надобно бывает высмотреть, распределить, приказать, а пределы зрения не довольно обширны для того, чтобы можно было все увидеть, не подставляя себя под пули»^{17[163]}. Одно из обвинений, выдвинутых против него недругами, гласит, что Наполеон не отличался храбростью. «В последнее время Бонапарту было свойственно малодушие», – например, писала в 1815 году англичанка Хелен Уильямс^[164]. Это нелепость: трус не дал бы шестьдесят сражений. Кроме того, Наполеон подвергал жизнь серьезной опасности и между боями, во время рекогносцировок. Множество погибших рядом людей и пуля, попавшая в него при Регенсбурге, также свидетельствуют о большой отваге. Солдаты Наполеона признавали за ним личное мужество и умение укрепить чужое. Когда все артиллеристы, пытавшиеся поставить батарею на расстоянии пистолетного выстрела от форта Мюрgrav, погибли или получили ранения, Наполеон назвал этот форпост *Hommes Sans Peur* («Бесстрашные») и уже не испытывал недостатка в добровольцах. Никто лучше него не понимал психологию простого солдата.

17 ноября командование у Карто принял опытный генерал Жак-Франсуа Дюгомье. Наполеон хорошо поладил с ним. Вскоре осаждающие получили подкрепление, их количество достигло 37 000 человек. К середине ноября Наполеон окружил форт Мюрgrav батареями, а 23 ноября взял в плен его коменданта – английского генерала Чарльза О'Хару, руководившего вылазкой на французскую батарею с целью вывести из строя орудия. «Генерал Дюгомье сражался с истинно республиканской отвагой, – докладывал Наполеон о том бое. – Мы вернули себе батарею... Пушки [армии] Конвента были своевременно расклепаны и увеличили смятение бегущих»^[165]. Мало кому удавалось починить орудие, в запальное отверстие которого заколочен гвоздь, тем более сделать это быстро. Это признак профессионализма, которого Наполеон добился от подчиненных.

В час ночи 17 декабря 1793 года, в четверг, Дюгомье привел в действие план Наполеона. Колонна Клода-Виктора Перрена (позднее – маршал Виктор) прорвала первую линию укреплений Мюрграва, но остановилась перед второй. Около 3 часов ночи Дюгомье отдал приказ о новой атаке, и 2000 солдат под проливным дождем с громом и молниями и сильным ветром пошли вперед. В ходе атаки, которую возглавили Наполеон (под ним подстрелили лошадь) и капитан Жан-Батист Мюирон, и тяжелого рукопашного боя форт был наконец взят. Наполеон начал обстреливать раскаленными ядрами английские корабли в гавани. Взрыв двух испанских кораблей, груженных порохом, он запомнил до конца своей жизни. Десятки лет спустя он вспоминал: «Вихрь огня и дыма, вырывавшийся из арсенала, напоминал извержение вулкана.

¹⁶ Наполеон, заполучивший это крайне заразное, передающееся клещами заболевание, не был в этом одинок: чесотка, la Gale, была обычным явлением в армиях того времени. Французы называли чесотку la Grattelle и – иронически – la Charmante («чаровница»). «Чесались все», – вспоминал ветеран. В рапорте Комитету по здравоохранению говорилось, что в армии не менее 400 000 больных чесоткой. Впоследствии Наполеон учредил для них специализированные походные госпитали. (Desclaux, A Propos de la «Gale» p. 868, Brice, The Riddle p. 139, Friedman, Emperor's Itch p. 32.)

¹⁷ Цит. по: Наполеон I. История Юлия Цезаря (его войны): Пер. с франц. / Соч. Наполеона I, диктованное им на о-ве Св. Елены г. Маршану. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1865.

Тринадцать судов, горевших на рейде, напоминали фейерверочные фигуры: пламя очерчивало их мачты и корпуса. Пожар продолжался много часов и являл собой беспримерное зрелище». Наполеон преувеличил (загорелось два корабля, не все), но эффект получился грандиозный. Дюгомье дал хвалебный отзыв о Наполеоне, которого назвал «редким офицером»^[166].

На следующее утро союзники оставили Тулон. Началась неразбериха, особенно когда генерал де ла Пуап занял гору Фарон на востоке и начал обстреливать город и оттуда. Вскоре Саличетти и Гаспарен распорядились казнить около 400 предполагаемых федералистов (Наполеон в этом участия не принимал)^[167]. После успеха в Тулоне на Наполеона пролился дождь заслуженных почестей. 22 декабря ему присвоили чин бригадного генерала и назначили инспектором береговой линии укреплений от Роны до Вара. Саличетти обратил на Наполеона внимание крупных политиков Поля Барраса и Луи-Мари-Станисласа Фрерона. Но прежде всего, как позднее выразился Наполеон, Тулон «дал ему уверенность в себе»^[168]. Наполеон доказал, что заслуживает высшей командной должности.

Редко когда в военной истории генералами становились (и утрачивали это звание) так стремительно, как во Франции в 1790-х годах. Из-за террора, эмиграции, войны, репрессий, разжалований после поражения, политической неблагонадежности и поисков виноватых (кроме обычных причин отставки) способные молодые люди делали карьеру с небывалой быстротой. Луи-Лазар Гош – в 1789 году всего только капрал! – к 1793 году стал генералом, а Мишель Ней (в 1792 году лейтенант) получил генеральские эполеты в 1796 году. Таким образом, взлет Наполеона не был уникальным в тех военных и политических обстоятельствах^[169]. Но его карьеру нельзя назвать и непримечательной: он провел пять с половиной лет в чине сулейтенанта, год – лейтенанта, шестнадцать месяцев – капитана, три месяца – командира батальона, ни минуты – в чине полковника. 22 декабря 1793 года, менее чем через четыре года действительной военной службы и после проведенных в отпуске 58 – из 99 – месяцев (и с решением начальства, и без), 24-летний Наполеон стал генералом.

Дезире

Когда толпа одерживает победу, она перестает быть толпой и отныне называется нацией. Если толпа не одерживает победу, то некоторых казнят, а ее называют отребьем, мятежниками, ворами и так далее.

Наполеон – врачу Барри О’Мира, на острове Святой Елены

Я выигрывал только сражения, а Жозефина добротой и великодушием покорила всех.

Наполеон – барону де Боссе-Рокфору, своему камергеру

7 февраля 1794 года Наполеона назначили командующим артиллерией Итальянской армии. Он сыграл достойную, но непримечательную роль в Пьемонтской кампании против союзного австрийцам Сардинского королевства, занимавшего северо-запад Апеннинского полуострова и владевшего островом Сардиния. Под командованием генерала Пьера Думбериона французы одержали три скромные победы. Наполеон познакомился с красивыми, но коварными вершинами и перевалами Лигурийских Альп. Он сражался вместе с блистательным и яростным генералом Андре Массена. Решение Массена в мае выбить сардинцев из Вентимильи и обойти австрийцев и сардинцев у перевала Колле-ди-Тенда (совр. Коль-де-Танд) принесло ему прозвище «любимец победы».

Поход длился пять недель. К началу лета Наполеон вернулся в Ниццу и Антиб, где стал ухаживать за Эжени-Дезире Клари, прелестной шестнадцатилетней дочерью покойного роялиста-миллионера, текстильного и мыльного фабриканта. Жюли, старшая сестра Дезире, 1 августа 1794 года вышла замуж за Жозефа, брата Наполеона, и ее солидное приданое – 400 000 франков – наконец разрешило денежные затруднения Бонапартов. Роман Наполеона и Дезире сводился почти исключительно к переписке. В апреле следующего года они были помолвлены. Годом ранее 19-летний Люсьен Бонапарт женился на Кристине Буайе, очаровательной, но неграмотной 22-летней дочери трактирщика. Брачные бумаги он подписал своим новым, республиканским именем Брут (Люсьен – единственный из Бонапартов, сменивший имя таким образом).

В апреле 1794 года Наполеон представил Комитету общественной безопасности свой план похода в Италию через Пьемонт. В Париж бумаги отвез Огюстен Робеспьер, прикомандированный к Итальянской армии. План (к счастью, изложенный рукой Жюно, а не неуклонно портящимся почерком самого Наполеона) содержал, кроме прочих, следующие стратегические соображения: «Атаки должны быть не разрозненными, а массированными», «Необходимо уничтожить Австрию; после этого Испания и Италия падут сами», «Ни один беспристрастный человек не может думать о взятии Мадрида. В отношении испанцев следует применить оборонительную систему, на пьемонтской границе – наступательную». Стремящийся даже в этом случае к централизации власти, Наполеон написал: «Альпийская и Итальянская армии должны быть объединены и подчинены единой воле»^[170].

Майор Берлье, незадачливый командир батальона, стал главной жертвой беспокойства Наполеона, его поглощенности деталями и желанием сделать все как можно быстрее и лучше. «Я чрезвычайно недоволен тем, как выполняется зарядание шестнадцати орудий, – читаем мы в одном из писем. – Вы, несомненно, захотите ответить на следующие вопросы... и я даю вам на это двадцать четыре часа». А вот другое письмо: «Я удивлен, что вы так медлите с исполнением приказов. Вечно приходится трижды повторять одно и то же. Ни одно обстоятельство Наполеон не считал незначительным. «Посадите под арест командира батареи капрала Карли, – приказал он Берлье, – который самовольно отлучился в Антиб за вином»^[171].

Во время Пьемонтской кампании Наполеон получил официальное подтверждение своего производства в бригадные генералы. Для этого ему пришлось ответить на вопрос, дворянин ли он, и Наполеон благоразумно – террор еще продолжался – солгал^[172]. 5 марта Комитет общественной безопасности приговорил к казни радикалов-эбертистов, а 5 апреля – Жоржа Дантона и Камиля Демулена. Революция безжалостно истребляла собственных детей. Современник отмечал, что «тысячи женщин и детей сидят на мостовой перед булочными» и «более половины населения Парижа едят лишь картофель. Бумажные деньги не стоят ничего»^[173]. Город созрел для выступления против якобинцев, которые не смогли дать людям ни хлеба, ни мира. В 1794 году, когда союзники отступали в Испании, Бельгии и на Рейне, группа заговорщиков почувствовала себя достаточно уверенно для того, чтобы свергнуть якобинцев и покончить с «царством террора».

В середине июля Наполеон по тайному поручению Огюстена Робеспьера провел шесть дней в Генуе. Он осмотрел городские укрепления, провел пятичасовую встречу с французским поверенным Жаном Тийи и убедил генуэзского дожа в необходимости улучшения отношений с Францией.

Наполеон сблизился с окружением Робеспьеров в самое неподходящее время. Контрреволюционеры-термидорианцы во главе с Баррасом и Фрероном 27 июля (9 термидора по революционному календарю) свергли Максимилиана Робеспьера. На следующий день братьев Робеспьеров и еще шестьдесят «террористов» казнили на гильотине. Если бы Наполеон оказался в то время в Париже, скорее всего, его тоже схватили бы и он бы лишился головы. Наполеон узнал о падении якобинцев 5 августа, вернувшись в расположение армии в Сиге, неподалеку от Ниццы, со свадьбы своего брата Жозефа. «Меня до некоторой степени тронула судьба младшего Робеспьера, – писал он Жану Тийи, – который мне нравился и которого я считал человеком порядочным, но, даже если б он был мне родным братом и стремился к тирании, я своими руками заколол бы его»^[174].

Наполеон, пользовавшийся покровительством Огюстена Робеспьера, закономерно попал под подозрение. 9 августа в Ницце в квартиру Наполеона явился офицер с десятком солдат и арестовал его. Наполеон провел один день в крепости в Ницце, а затем был переведен в Антиб, в форт Карре, и там находился следующие десять дней. Оба этих места он прежде посещал с инспекцией.

Саличетти, движимый совершенно понятным чувством самосохранения, не сделал ничего, чтобы защитить Наполеона, и даже перетряхнул его бумаги в поисках доказательств измены^[175]. «Он едва соизволил взглянуть на меня с заоблачных высот своего величия», – с досадой отзывался Наполеон о земляке-корсиканце и – в течение пяти лет – своем политическом союзнике^[176].

В 1794 году отсутствие вины не избавляло от гильотины, как и несомненные подвиги в войне за республику, поэтому Наполеону угрожала большая опасность. Официальным поводом к аресту стал донос некоего марсельца, посчитавшего, что размещенные у города со стороны суши пушки Наполеона не защищают Марсель, а угрожают ему.

Ранее, в январе, Наполеон писал военному министру Бушотту: «батареи, защищающие гавань Марселя, находятся в плачевном состоянии. Их устройство обнаруживает полнейшее незнание всех принципов обороны»^[177]. Истинной же причиной ареста, конечно, стала политика: Наполеон пользовался покровительством Огюстена Робеспьера и написал якобинский памфлет «Ужин в Бокере», изданный при помощи последнего. «Люди могут быть несправедливы ко мне, дорогой Жюно, – объяснял Наполеон верному адъютанту, – но мне достаточно быть невиновным. Моя совесть – это тот трибунал, перед которым я отвечу за свои поступки»^[178]. (Порывистый Жюно предложил отчаянный план побега из крепости, который Наполеон благоразумно и твердо отклонил: «Ничего не предпринимайте. Вы лишь скомпрометируете меня»^[179].)

Наполеону повезло: термидорианцы не расправлялись с врагами столь же безжалостно, как якобинцы, и не прибегали ко внесудебным расправам наподобие сентябрьских. 20 августа Наполеона освободили за недостатком улик. Заточение Наполеона не было тяжелым; впоследствии, придя к власти, он сделал своего бывшего тюремщика дворцовым лакеем. Оказавшись на свободе, Наполеон вернулся к планированию экспедиции на Корсику и третированию бедолаги Берлье. Кроме того, Наполеон имел время возобновить ухаживания за Дезире Клари (которую он называл Эжени). 10 сентября он признался ей: «Очарование вашего облика и нрава покорили сердце вашего поклонника»^[180]. Чтобы сделать привлекательнее ее ум, Наполеон вручил Дезире список рекомендованных к чтению книг и пообещал вслед за тем поделиться мыслями о музыке. Кроме того, он призывал ее тренировать память и «образовывать ум».

Хотя Наполеон обыкновенно смотрел на женщин свысока, как на людей второго сорта, он ясно представлял себе, как их следует обучать, чтобы сделать достойными спутницами мужчин. Наполеон расспрашивал Дезире об эффекте, произведенном чтением «на ее душу», и пытался привить ей интеллектуальное отношение к музыке, которая имеет «благоприятнейшее влияние на жизнь». (Гектор Берлиоз впоследствии утверждал, что нашел в Наполеоне тонкого знатока музыки Джованни Паизиелло, которому Бонапарты почти беспрерывно давали заказы в Париже и Риме в 1797–1814 годах.) Письма Наполеона к Дезире не были ни особенно цветистыми, ни даже романтическими, но его заинтересованность очевидна, а ей льстило пристальное внимание, пусть даже, вопреки республиканскому этикету, он продолжал обращаться к ней на «вы» (vous)^[181].

Наполеон, по-видимому, получал удовольствие от ее шуточных наказаний. «Если бы вы, мадемуазель, могли удостовериться в чувствах, – писал он в феврале 1795 года, – которые ваше письмо мне внушило, то убедились бы в несправедливости своих упреков... Нет такого удовольствия, которое я не желал бы разделить с вами, и нет такой мечты, которая наполовину не принадлежала бы вам. Поэтому будьте уверены, что суждение “самые чувствительные женщины любят самых равнодушных из мужчин” – несправедливое и ошибочное, вы не верите написанному. Пусть ваша рука начертала это; ваше сердце с этим несогласно»^[182]. Он прибавил, что писать к ней – это для него и величайшее удовольствие, и «настоятельнейшая потребность» души. По просьбе Дезире Наполеон подписался на журнал с нотами для клавино, чтобы она могла получать из Парижа модную музыку, и был озабочен тем, что ее учитель уделяет недостаточно внимания урокам сольфеджио. Наполеон присовокупил длинный абзац о вокальной технике, из которого видно, что он разбирался в вокальной музыке (или хотя бы составил о ней мнение). К 11 апреля 1795 года Наполеон наконец стал обращаться к ней на «ты» (tu) и подписывать письма: «Навсегда твой»^[183]. Наполеон был влюблен.

3 марта 1795 года Наполеон отправился из Марселя с 15 кораблями, 1174 орудиями и 16 900 солдат, чтобы отнять Корсику у Паоли и англичан. Вскоре французов рассеяла английская эскадра из 15 кораблей, слабее вооруженных и с экипажем вдвое менее многочисленным. Два французских корабля были захвачены. Наполеон был невиновен в провале и, человек до мозга костей сухопутный, так и не извлек урока из противоборства с равными по численности, но гораздо грамотнее развернутыми морскими силами англичан. В 1793–1797 годах французы потеряли 125 военных кораблей (англичане – 38), в том числе 35 линейных (англичане – 11, причем большую их часть – из-за пожаров, крушений и штормов, а не из-за действий неприятеля)^[184]. Наполеон всегда недооценивал роль ВМФ в большой стратегии: он одержал множество побед на суше и ни одной – на море.

Когда экспедицию отменили, Наполеон остался без места и лишь 139-м по старшинству в генеральском списке. Бартеlemi Шерер, новый командующий Итальянской армией, не пожелал сотрудничать с Наполеоном, поскольку тот (хотя и признанный специалист в артиллерийском деле) «питает сильную склонность к интригам ради повышения»^[185]. Действительно,

Наполеон отделял военное дело от политики не в большей степени, чем его кумиры Цезарь и Александр Македонский. Но всего через восемь дней после возвращения из корсиканской экспедиции Наполеону поручили командование артиллерией Западной армии генерала Гоша, стоявшей в Бресте. Армии предстояло подавить восстание роялистов в Вандее.

Правительство, теперь состоявшее главным образом из уцелевших при Робеспьере жирондистов, вело на западе Франции грязную войну, в ходе которой погибло больше французов, чем в Париже за весь период террора. Наполеон понимал: если даже он и добьется здесь успеха, эта слава его не украсит. Гош был всего на год старше, и шансы Наполеона на повышение были ничтожными. К тому же он воевал с англичанами и сардинцами, а война с французами была ему не по вкусу. 8 мая Наполеон отправился в Париж, чтобы добиться другого назначения, и взял с собой шестнадцатилетнего брата Луи, для которого надеялся найти место в артиллерийском училище в Шалон-сюр-Марн, и двух своих адъютантов – Мармона и Жюно (Мюиرون теперь был третьим)^[186].

Поселившись 25 мая в парижском Отеле де ла Либерте, Наполеон посетил военного министра капитана Франсуа Обри, который предложил ему лишь командование пехотой в Вандее. «Это показалось Наполеону оскорбительным, – отметил Луи, – и он отказался и жил в Париже без должности, получая довольствие как генерал резерва»^[187]. Наполеон снова назвался больным и с трудом жил на половинное жалованье, но все же определил Луи в Шалонское училище. Наполеон продолжал игнорировать требования военного министерства: или отправиться в Вандею, или предоставить доказательства своей болезни, или подать в отставку. Это был непростой период, но он относился к своему положению философски. В августе Наполеон сказал Жозефу: «Я очень мало привязан к жизни... так как вечно оказываюсь в положении человека перед битвой, уверенного лишь в том, что глупо тревожиться, когда смерть, которая кладет всему конец, может его настичь». Далее он пошутил на свой счет (историки, принявшие сказанное всерьез, лишили шутку ее очарования): «Я всегда верю себя року и судьбе, и если и впредь будет так, то, друг мой, все кончится тем, что я не уступлю дорогу приближающейся карете»^[188].

На самом деле Наполеон твердо решил насладиться парижскими удовольствиями. «Память о терроре здесь не более чем кошмар, – рассказывал он Жозефу. – Все будто решили вознаградить себя за страдания; решили, кроме того, из-за туманного будущего, не пропускать ни единого развлечения, которое сулит настоящее»^[189]. Он заставил себя появляться в обществе, хотя по-прежнему был неловок с женщинами. Отчасти это, вероятно, объяснялось его обликом. Женщина, той весной видевшая его несколько раз, сочла его «самым худым и странным из всех, кого я встречала... Настолько худым, что он вызывал жалость»^[190]. Другая прозвала его «котом в сапогах»^[191]. Лора д'Абрантес, светская львица, знавшая в то время Наполеона (хотя, возможно, не настолько коротко, как она впоследствии утверждала в своих злобных мемуарах), изобразила его «в надвинутой на глаза дурной круглой шляпе, из-под которой торчат два собачьих ушка, худо напудренные и падающие на воротник серого сюртука волосы, без перчаток (потому что это бесполезная трата денег, говорил он), в плохо сшитых и нечищенных сапогах, с болезненным видом»^{[18][192]}. Неудивительно, что Наполеон, чувствовавший себя чужим в модных салонах, презирал тех, кто пользовался там успехом. В разговорах с Жюно (за которого Лора д'Абрантес впоследствии вышла замуж) Наполеон осуждал модников за их манеру одеваться и усвоенную шепелявость и, став императором, был убежден, что хозяйки салонов в парижских предместьях возбуждают против него умы. Сам Наполеон предпочитал интеллектуальные развлечения общественным: посещал лекции, обсерваторию, театр и оперу. «Трагедия волнует душу, – позднее заявил он одному из своих секретарей, – радует сердце, она может и должна порождать героев»^[193].

¹⁸ Пер. К. Полевого (внесены исправления).

В мае 1795 года, по пути в Париж, Наполеон написал Дезире, что он «сильно страдает при мысли столь надолго оказаться так далеко»^[194]. К тому времени он сумел, откладывая из жалованья, скопить денег достаточно для того, чтобы задуматься о покупке маленького замка в Раньи, в Бургундии. Наполеон подсчитал возможную прибыль от продажи разных видов зерновых, прикинул, что столовая в замке в четыре раза больше столовой в доме Бонапартов в Аяччо, и, как добрый республиканец, предположил, что, «если снести три или четыре башни, придающие ему аристократический вид, замок станет не более чем просторным, привлекательным семейным домом»^[195]. Он рассказал Жозефу о своем желании завести семью.

«В доме Мармона в Шатийоне я видел много хороших, благосклонно расположенных женщин, – 2 июня писал Наполеон Дезире, явно желая заставить ее ревновать, – но мне и на мгновение не показалось, что любая из них может сравниться с моей милой, доброй Эжени». Два дня спустя он написал: «Обожаемый друг, я больше не получаю от вас писем. Как вы сумели прожить одиннадцать дней, не написав мне?»^[196] Вероятно, он понял, что мадам Клари (решившая, что в семье довольно и одного Бонапарта) посоветовала дочери более не поощрять его ухаживания. Неделью спустя Наполеон назвал ее просто «мадемуазель». К 14 июня он уяснил свое положение: «Я знаю, что вы всегда сохраните привязанность к своему другу, но отныне это не будет нежное чувство»^[197]. Судя по письмам Жозефу, Наполеон еще был влюблен в Дезире, но в августе (снова обращаясь к ней на «вы») написал ей: «Следуйте вашим природным склонностям, позвольте себе любить то, что рядом... Вы знаете, что мое предназначение – в опасностях битвы, в славе или в смерти»^[198]. Эти слова, несмотря на их приторность и напыщенность, – правда.

24 июня, сидя за письмом Жозефу, Наполеон расплакался. Что это было: жалость к себе, оставленному Дезире? Или в той же мере любовь к брату? Письмо как будто посвящено прозаическому предмету – планам Жозефа заняться в Генуе торговлей оливковым маслом. «Жизнь подобна исчезающей пустой мечте, – написал он Жозефу, прося его прислать свой портрет. – Мы прожили вместе столько лет, мы так тесно связаны, что наши сердца слились, и ты лучше всех знаешь, сколь несомненно мое сердце принадлежит тебе»^[199]. К 12 июля Наполеон, пытаясь убедить себя, что с Дезире покончено, жалуется Жозефу на изнеженность мужчин, интересующихся женщинами, «сходящих по ним с ума, думающих лишь о них, живущих только ими и для них. Женщине нужно провести всего шесть месяцев в Париже, чтобы узнать, что ей причитается, и расширить свое господство»^[200].

Разрыв с Дезире стал одной из причин глубокого скептицизма Наполеона по отношению к женщинам и к самой любви. На острове Святой Елены он назвал любовь «временным занятием для праздного человека, развлечением для воина, крахом для монарха» и заявил члену своей свиты: «В действительности любви не существует. Это искусственное чувство, рожденное обществом»^[201]. Менее чем через три месяца после отказа от ухаживания за Дезире Наполеон был снова готов влюбиться, хотя как будто и не вырвал ее из своего сердца даже после того, как она вышла замуж за генерала Жана-Батиста Бернадота, а позднее стала королевой Швеции.

«Мы настолько уверены в превосходстве нашей пехоты, что смеемся над угрозами англичан», – писал Наполеон Жозефу в конце июня 1795 года, после высадки британцами десанта в бухте Киберон, у Сен-Назера, для помощи вандейским мятежникам^[202]. Это один из первых после Тулона примеров его недооценки англичан – впрочем, в этот раз совершенно простительной: к октябрю экспедиционные силы были разгромлены. Кроме Тулона, ему довелось непосредственно столкнуться с англичанами еще лишь дважды: при осаде Акры и при Ватерлоо.

В начале августа Наполеон еще добивался возвращения на пост командующего артиллерией Итальянской армии, но, кроме того, всерьез рассматривал предложение отправиться в Турцию для реформирования султанской артиллерии. Согласно мемуарам Люсьена, в тот

период полнейшей неопределенности Наполеон подумывал даже завербоваться в армию [Французской] Ост-Индской компании – скорее по финансовым, нежели по военным причинам, и говорил: «Я вернусь через несколько лет богатым набобом и обеспечу трем сестрам изрядное приданое»^[203]. Будущая Мадам Мер [Madame Mère de l'Empereur; «государыня-мать»] отнеслась к этому достаточно серьезно и выбрала его за обдумывание предложения, которое, по ее мнению, Наполеон вполне мог принять «в минуту обиды на правительство». Имеются также сведения, что Наполеона обхаживали русские, желавшие, чтобы он помог им сражаться с турками.

В середине августа 1795 года ситуация сделалась критической. Военное министерство потребовало, чтобы Наполеон предстал перед медицинской комиссией и доказал, что он в самом деле болен. Наполеон обратился к Баррасу, Фрерону и другим знакомым политикам и благодаря вмешательству одного из них получил назначение в Топографическое бюро Конвента. Вопреки своему названию, это учреждение фактически координировало военную стратегию Франции. 17 августа Наполеон написал Симону Сюси де Клиссону, квартирмейстеру стоявшей в Ницце Итальянской армии: «Меня назначили командовать Вандейской армией; я не приму назначение». Три дня спустя он поделился с Жозефом радостной новостью: «В настоящий момент я прикомандирован к Топографическому бюро Комитета общественной безопасности для управления армиями»^[204]. Бюро руководил генерал Анри Кларк, протеже великого военного администратора Лазара Карно, «организатора победы».

Топографическое бюро было маленьким и чрезвычайно эффективным подразделением военного министерства, «самой опытной планирующей организацией своей эпохи»^[205]. Бюро, организованное Карно и подчиняющееся непосредственно Комитету общественной безопасности, собирало данные у командующих армиями, намечало передвижения войск, готовило подробные оперативные директивы и координировало тыловое обеспечение. При Кларке в руководство входили генералы Жан-Жирар Лакюэ, Сезар-Габриэль Бертье и Пьер-Виктор Гудон – все талантливые и целеустремленные стратеги.

Едва ли Наполеон мог найти лучшее место для изучения всех необходимых аспектов снабжения, обеспечения и логистики, входящих в стратегию (это слово вошло в военный лексикон лишь в начале XIX века; Наполеон его не употреблял)^[206]. С середины августа до начала октября 1795 года (недолгий, но интеллектуально напряженный период) Наполеон изучал практические стороны стратегии (большой стратегии), отличной от тактики (малой стратегии), совершенное владение которой он продемонстрировал под Тулоном. Военными успехами Наполеон в конечном счете обязан собственному таланту и умению напряженно работать, но в его время во Франции имелись исключительно талантливые военные теоретики и администраторы, способные его обучить и – в перспективе – выполнить изыскания, необходимые для воплощения его идей. Кроме того, в Топографическом бюро Наполеон увидел, какие генералы достойны внимания, а какие нет.

Бюро не определяло «большую стратегию»: это делали политики из Комитета общественной безопасности, очень уязвимого для борьбы партий. Так, споры о том, где и когда следует перейти Рейн, чтобы напасть в 1795 году на Австрию, развернулись именно там, а роль бюро свелась к советам касательно вариантов. В августе комитет похоронил планы сражаться на стороне Турции или же против нее, запретив Наполеону до конца войны уезжать из страны. У него все еще имелись разногласия с бюрократами из министерства по вопросу его пребывания в резерве, и 15 сентября Наполеона даже вычеркнули из списка генералов действительной службы.

«Я дрался за республику как лев, – написал он другу, актеру Франсуа-Жозефу Тальма, – а она оставила меня умирать от голода»^[207]. (Вскоре его восстановили.)

Благодаря странному графику работы Топографического бюро (с часа дня до пяти и с 23 часов до 3 часов ночи) у Наполеона оставалось достаточно времени для сочинения роман-

тической повести «Клиссон и Эжени» – прощания со своей неразделенной любовью к Деэзире. Повесть написана короткими, сжатыми фразами «героической традиции». Автор, сознавал он это или нет, подражал роману Гёте «Страдания юного Вертера» (1774): с этим произведением Наполеон впервые ознакомился, вероятно, в восемнадцать лет, а в Египетском походе перечитал его не менее шести раз. «Страдания» – главный европейский роман периода «Бури и натиска», бестселлер своего времени – оказали глубокое влияние на движение романтизма, в том числе на сочинения Наполеона. Хотя имя Клиссон Наполеон позаимствовал у Сюси де Клиссона, одного из своих друзей того периода, персонаж – вылитый Наполеон, даже его возраст тот же – 26 лет.

«С рождения Клиссон испытывал сильную склонность к войне, – начинается повесть. – Когда его сверстники еще с жадностью слушали сказки, он уже страстно мечтал о битве». Клиссон вступил в революционную Национальную гвардию и «вскоре превзошел все надежды, которые народ на него возлагал. Победа неизменно была его спутницей»^[208].

Клиссон стоит выше пустых занятий своих современников вроде флирта, игры и остроумной беседы: «Его, человека с пылким воображением, горящим сердцем, холодным и трезвым умом, неизбежно раздражали жеманные речи кокеток, галантные игры, логика игровых столов и обмен язвительными колкостями»^[209]. Этот образец совершенства чувствует себя свободным, вслед за Руссо, лишь наедине с природой, в лесах, где «он обретал покой, отвергая людскую злобу и презирая глупость и жестокость».

Когда Клиссон на водах встретил шестнадцатилетнюю Эжени, она, улыбнувшись, «показала красивые, ровные жемчужно-белые зубки».

Их взгляды встретились. Их сердца слились, и очень скоро они поняли, что их сердца созданы, чтобы любить друг друга. Его любовь была любовью самой пылкой и чистой, которая когда-либо трогала сердце мужчины... Они почувствовали, что их души соединились. Они преодолели все препоны и соединились навечно. Все, что есть самого благородного в любви, – нежнейшие переживания, самая изысканная чувственность – переполнило сердца восхищенных влюбленных^[210].

Клиссон и Эжени поженились, обзавелись детьми и счастливо жили, обожаемые бедняками за щедрость и человеколюбие. Но идиллия не могла длиться вечно. Однажды Клиссон получил предписание в течение суток выехать в Париж.

«Там ждало важное назначение, требовавшее человека его способностей». Клиссона, теперь командующего армией, «ждал успех во всем; он превзошел ожидания народа и армии; он сам явился причиной успеха армии». Клиссон, однако, опасно ранен в перестрелке. Он отправляет своего офицера, Бервиля, рассказать обо всем Эжени «и развлекать ее до тех пор, пока он сам совершенно не поправится». По неизвестным читателю причинам Эжени очень скоро сходится с Бервилем. Выздоровливающий Клиссон узнает об этом и, естественно, жаждет мести. «Но покинуть войско, забыть свой долг? Ведь Отечество нуждается в нем!» Выход найден: славная смерть на поле боя. Поэтому, когда «бой барабанов известил о фланговой атаке и среди шеренг начала свое шествие смерть», Клиссон написал Эжени соответствующее случаю патетическое письмо, отдал его адъютанту, «с готовностью бросился туда, где решался исход битвы, и пал, сраженный тысячей ударов»^[211]. Конец.

Нам следует попытаться взглянуть на «Клиссона и Эжени» сквозь призму литературы XVIII века, а не как на нынешний низкопробный роман. Семнадцатистраничную повесть называли «последним проявлением первоначальной мечтательности у человека, впоследствии изумлявшего своей исключительной практичностью». Наполеон явно дал волю фантазии, сделав Эжени отвратительной изменницей, а Клиссона – доблестным, безоговорочно верным и в итоге даже прощающим измену^[212]. И все же трудно простить Наполеону мелодраму, сентимен-

тальность и ходульность, ведь «Клиссон и Эжени» – не скороспелый плод отчаяния и обиды. Он много раз переписывал повесть.

Во второй половине 1795 года руководство Франции решило, что стране, если она хочет предать забвению дни якобинского террора, нужна новая конституция. «Роялисты пришли в волнение, – написал Наполеон Жозефу 1 сентября. – Увидим, чем это закончится»^[213]. Позднее Алексис де Токвиль заметил, что государства наиболее уязвимы тогда, когда проводят преобразования. Это наблюдение было особенно верным в отношении Франции осенью 1795 года.

23 августа Конвент принял третью со времени падения Бастилии конституцию – Конституцию III года. Она должна была вступить в силу в конце октября. Двухпалатное Законодательное собрание, образованное Советом пятисот и Советом старейшин, заменило Конвент, а состоящее из пяти членов правительство, названное Директорией, – ставший олицетворением террора Комитет общественной безопасности. В этот период преобразований противники революции и республики увидели свой шанс. 20 сентября австрийцы на Рейне перешли в контрнаступление, экономика Франции все еще была очень слаба, а коррупция процветала. Враги республики объединились и тайно привезли в Париж большое количество оружия и боеприпасов, чтобы в первую неделю октября свергнуть новое правительство.

Хотя террор закончился и Комитета общественной безопасности уже не существовало, гнев и горечь обратились против сменившей его Директории. Подготовка восстания сосредоточилась в 48 секциях Парижа – выделенных в 1790 году районах, которые контролировали местные комитеты и подразделения Национальной гвардии. Хотя восстало всего семь секций, к ним присоединились гвардейцы из других районов.

Не все (и даже не большинство) в восставших секциях были роялистами. Генерал Матье Дюма отмечал в мемуарах, что «первейшим желанием населения Парижа было возвращение к Конституции 1791 года» и горожане не хотели гражданской войны, к которой привела бы реставрация Бурбонов^[214]. Секции составляли национальные гвардейцы – выходцы из среднего класса, роялисты, часть умеренных и либералов, а также простые парижане, выражавшие свое недовольство правительством из-за коррупции и неудач во внутренней и внешней политике. Исключительная политическая неоднородность мятежников сделала невозможной общую координацию выступления, кроме назначения его даты, и об этом стало известно правительству.

Сначала Конвент поручил подавление восстания генералу Жаку-Франсуа Мену, командующему Внутренней армией. Тот попытался договориться с секциями, чтобы избежать кровопролития. Вожди Конвента увидели в этом признак измены и приказали арестовать Мену. (Впоследствии его оправдали.) Близилось время вероятного нападения, и термидорианцы назначили одного из своих предводителей, президента Конвента Поля Барраса, командующим Внутренней армией, хотя после 1783 года он не имел военного опыта. Под его руководством революция была спасена.

Наполеон узнал, что секции готовятся на следующий день восстать, вечером 4 октября, в воскресенье, когда в театре «Фейдо» смотрел пьесу Сорена «Беверли»^[215]. Ранним утром – было 13 вандемьера по революционному календарю – Баррас назначил его заместителем командующего Внутренней армией и поручил изыскать меры для подавления мятежа. Прежде Наполеон смог произвести впечатление на тех, кто принимал судьбоносные для него решения, – на Кералию, братьев дю Тей, Саличетти, Доппе, Дюгомье, Огюстена Робеспьера и других, а теперь он удивил и Барраса (узнавшего о Наполеоне от Саличетти после успеха в Тулоне). Служившего в Топографическом бюро Наполеона знали такие заметные политики, как Карно и Жан-Ламбер Тальен^[216]. (Впоследствии Наполеон с удовольствием вспоминал, что в вандемьере из политиков меньше всего сомневался в необходимости кровопролития политический теоретик аббат Эммануэль-Жозеф Сийес.) Удивительно мало старших офицеров в Париже взялось за это дело – по крайней мере, было мало согласившихся расстреливать горожан. Судя

по реакции Наполеона на два похода на Тюильри, свидетелем которых он стал в 1792 году, он определенно мог это сделать.

Наполеон впервые оказался на переднем крае большой политики, и это ощущение опьянило его. Наполеон приказал Иоахиму Мюрату, капитану 21-го конно-егерского полка, с сотней кавалеристов скакать в Саблонский лагерь в двух милях от города, взять там пушки и доставить в центр Парижа, а всех, кто попытается им помешать, изрубить. Секционеры упустили прекрасную возможность: орудия в Саблоне в тот момент охраняло всего полсотни солдат.

Между 6 и 9 часами, удостоверившись в верности своих солдат и офицеров, Наполеон поставил две пушки в начале улицы Сен-Никез, одну – перед церковью Святого Роха, в конце улицы Дофине, еще две – на улице Сент-Оноре, у Вандомской площади, и две – на набережной Вольтера, перед мостом Руаяль. За орудиями построилась пехота. На площади Каррузель Наполеон сосредоточил свои резервы, прикрывая Тюильри, где заседали Конвент и правительство. Кавалерия встала на площади Революции (совр. площадь Согласия)^[217]. Затем Наполеон три часа инспектировал батареи. «Добрых и честных людей нужно увещевать, – позднее писал Наполеон. – На чернь нужно воздействовать страхом»^[218].

Наполеон приготовил картечные заряды, представлявшие собой металлический цилиндр с сотнями свинцовых пуль. При выстреле картечный стакан разрывало, и пули разлетались широким веером со скоростью большей, чем у ружейной пули (536 метров в секунду). Предельная дальность стрельбы таким боеприпасом составляет около 550 метров, оптимальная – около 230 метров. Парижанам было в новинку применение картечи против гражданского населения, и Наполеон хотел, чтобы его считали безжалостным. Он не собирался быть «coglione». «Если обращаться с толпой ласково, – позднее объяснял он Жозефу, – то эти создания начинают считать себя неуязвимыми; а если повесить парочку из них, им наскучивает игра и они становятся покорными и смиренными, каковыми и должны быть»^[219].

В распоряжении Наполеона находилось 4500 солдат, а также около 1500 «патриотов» – жандармов и ветеранов из Дома инвалидов. Им противостояла слабо организованная масса сторонников секций (до 30 000), которыми формально командовал генерал Даникана (он потратил большую часть дня на попытки договориться). Лишь в 16 часов колонны мятежников показали из переулков севернее Тюильри. Наполеон открыл огонь по ним не сразу же, а когда со стороны секционеров раздались первые ружейные выстрелы. Между 16:15 и 16:45 он нанес сокрушительный ответный удар из пушек. Он также расстрелял картечью сторонников секций, пытавшихся перейти по мостам Сену, и они, понеся тяжелые потери, бежали. К 18 часам в большинстве районов Парижа атаки прекратились, но у церкви Святого Роха на улице Сент-Оноре, где фактически располагался штаб восстания и куда несли раненых, отдельные мятежники продолжали стрелять с крыш и из-за баррикад. Бой продолжался много часов. Наконец Наполеон выдвинул пушки на расстояние 55 метров от церкви, и противнику не осталось иного выхода, кроме сдачи в плен^[220]. В тот день погибло около трехсот мятежников и полдюжины солдат Наполеона. Позднее Конвент (проявив, по меркам тех дней, великодушие) казнил всего двух руководителей секций¹⁹. После «залпа картечи» парижская толпа в следующие тридцать лет не играла во французской политике никакой роли.

В 1811 году генерал Жан Сарразен опубликовал в Лондоне книгу «Признание генерала Буонапарте аббату Мори». Поскольку к тому времени Наполеон заочно приговорил Сарразена к смертной казни за измену, он с легкостью смог написать, что 13 вандемьера «Буонапарте отнюдь не удерживал своих ослепленных яростью солдат и даже сам явил им пример бесчеловечности. Он рассекал саблём тех несчастных, кто в ужасе бросал оружие и молил его о пощаде»^[221]. Далее Сарразен пишет, что капитан Монвуазен, заместитель Наполеона, сложил

¹⁹ Для сравнения: в 1780 году во время мятежа Гордона в Лондоне 285 человек погибли, 200 были ранены, еще 20 – казнены.

полномочия, бросив Наполеону упрек за проявленную в тот день жестокость. Все это неправда, но стало частью «черной легенды» о Наполеоне.

Ночью 13 вандемьера ливень смыл с мостовой кровь, но память осталась. Даже пламенный антиякобинский журнал *Annual Register*, основанный Эдмундом Бёрком, отметил, что «именно в этом конфликте Буонапарте впервые появился на театре войны и своей отвагой и поступками положил начало той уверенности в своих силах, которая столь скоро привела его к возвышению и славе»^[222]. Из-за требований политического момента ему больше не стоило ждать от военного министерства нелепостей вроде соблюдения старшинства, предложения предстать перед медкомиссией или оправдаться по делу о дезертирстве. Еще до конца вандемьера Баррас – в знак признания заслуг Наполеона в спасении республики и предотвращении гражданской войны – произвел его в дивизионные генералы и вскоре назначил командующим Внутренней армией. По иронии, Наполеон сначала отказался от назначения в Вандею – отчасти потому, что не желал убивать сограждан, а затем, после головокружительного повышения, делал именно это. Но он проводил разграничение между легальными комбатантами и «сбродом». Еще некоторое время Наполеона иногда называли (за глаза) «генералом Вандемьером». Отнюдь не смущенный своей причастностью к гибели стольких соотечественников, он, сделавшись первым консулом, распорядился ежегодно отмечать эту дату, а когда некая дама поинтересовалась, как он смог хладнокровно стрелять по толпе, ответил ей: «Солдат всего лишь машина, исполняющая приказы»^[223]. Наполеон не уточнил, что в том случае приказы отдавал именно он.

«Залп картечи» вознес семейство Бонапартов. Годовое жалованье Наполеона теперь составляло 48 000 франков. Жозеф получил пост в дипломатическом ведомстве, Луи учился в артиллерийском училище в Шалоне и позднее стал членом растущей команды адъютантов Наполеона, а одиннадцатилетнего Жерома – младшего мальчика в семье – определили в школу получше.

«Семья ни в чем не будет нуждаться», – заявил Наполеон Жозефу, и следующие двадцать лет это было правдой. Лора д'Абрантес утверждала, что сразу заметила перемену:

После 13 вандемьера нечего было и думать о грязных сапогах. Бонапарт теперь ездил, и не иначе как в прекрасном экипаже, а жил в хорошем доме на улице Капуцинов... Все, что было в нем костляво, желто, даже болезненно, позже просветлело, украсилось. Черты лица его, которые почти все были угловаты и резки, округлились. Его улыбка и взгляд оставались всегда удивительны^{20[224]}.

Никто уже не называл Бонапарта «котом в сапогах».

Сразу же после вандемьера Наполеону поручили закрытие оппозиционного клуба «Пантеон» и изгнание тайных роялистов из военного министерства, а также надзор за театральными постановками. В этой последней роли он почти ежедневно докладывал правительству о поведении публики в четырех парижских театрах: «Опера», «Опера-Комик», «Фейдо» и «Републик». Обычный доклад гласил: «В двух [из четырех театров] патриотические выступления публики принимает благосклонно, в третьем – спокойно. Полиции пришлось арестовать человека (вероятно, из Вандеи), свистевшего в “Фейдо” во время пения предпоследнего куплета “Марсельезы”»^{21[225]}. Другим поручением стала конфискация у горожан оружия. По семейному преданию, это привело Наполеона к встрече с женщиной, слухи о которой до него, вероятно, доносились, но с которой прежде он не встречался: виконтессой Мари-Жозефа-Роз Таше де ла Пажери, вдовой Богарне. Наполеон стал называть ее Жозефиной.

²⁰ Пер. К. Полевого.

²¹ Пение великого революционного, антимонархического гимна 1792 года Наполеон, став императором, не поощрял, но в 1815 году его восстановил.

Дед Жозефины, дворянин Жозеф-Гаспар Таше, в 1726 году переехал из Франции на Мартинику, рассчитывая нажить состояние на производстве сахара, но из-за ураганов, неудач и его собственной лени плантация не принесла ему богатства. Семейное поместье в Сан-Доминго (совр. Гаити) называлось Ла Пажери. Отец Жозефины служил пажом при дворе Людовика XVI, но возвратился в отцовское имение. Жозефина родилась на Мартинике 23 июня 1763 года. (Позднее она утверждала, что родилась в 1767 году^[226].) В 1780 году, в возрасте семнадцати лет, она приехала в Париж и была настолько дурно образованна, что ее первый муж, генерал виконт Александр де Богарне (кузен, с которым она была помолвлена в пятнадцать лет), не мог скрыть своего презрения. У Жозефины были очень плохие зубы (считается, что это результат жевания в детстве на Мартинике сахарного тростника), но она научилась улыбаться, не разжимая губ^[227]. «Будь у нее хорошие зубы, – рассуждала Лора д'Абрантес, впоследствии ставшая фрейлиной государыни-матери, – я предпочла бы ее самой красивой даме ее двора»^{22[228]}.

Хотя Богарне дурно обращался с женой (однажды, когда Жозефина сбежала от побоев в монастырь, он похитил их трехлетнего сына Евгения), после его ареста в 1794 году она храбро пыталась спасти мужа от гильотины. Его казнили 22 июля. С 22 апреля саму Жозефину – как вероятную роялистку – содержали под арестом в крипте церкви Святого Иосифа на улице Вожирар²³. Одна из ее сокамерниц, англичанка Грейс Эллиот, вспоминала, что «на стенах и даже деревянных стульях еще виднелись пятна крови и мозга священников»^[229]. Жозефине пришлось перенести поистине нечеловеческие испытания: воздух в подземную тюрьму поступал лишь из трех глубоких шахт, причем туалета не было; Жозефина и ее подруги по несчастью жили в постоянном страхе перед гильотиной; в день каждой узнице выдавали (для всех нужд) по бутылке воды; поскольку беременных не казнили, ночами по коридорам разносились звуки совокупления с тюремщиками^[230]. В крипте даже в середине лета было холодно, и узницы быстро теряли здоровье. Возможно, Жозефине удалось спастись лишь потому, что она была слишком больна. Мужа Жозефины обезглавили всего за четыре дня до падения Робеспьера, и, если бы тот удержался чуть дольше, на эшафот, вероятно, вошла бы и она. Парадокс: термидорианский переворот дал Жозефине свободу – и лишил свободы Наполеона.

Недели, проведенные в смраде, темноте и холоде, унижениях и ежедневном страхе жестокой смерти (период террора не зря называется именно так), дали о себе знать, и, по-видимому, еще долгие месяцы и даже годы Жозефина страдала от того, что мы теперь называем посттравматическим стрессовым расстройством. Учитывая пережитое, трудно упрекать ее в том, что она стала легкомысленной и разгульной, участвовала в сомнительных сделках, обожала роскошь (ее расходы на портных превышали расходы Марии-Антуанетты) и вышла замуж не по любви, а ради стабильности и денег^[231]. Жозефину нередко считают развратной, недалекой, сумасбродной женщиной, но она явно была эстетически развитой, отличалась хорошим вкусом в музыке и декоративно-прикладном искусстве. Она была щедрой (хотя речь в этом случае шла обычно о государственных деньгах). Клеменс фон Меттерних, один из лучших дипломатов эпохи, отмечал ее «уникальный социальный такт»^[232]. Жозефина хорошо играла на арфе – хотя, как утверждали, одну и ту же мелодию, а в постели умела проделывать «зигзаги»^[233]. Она не рисовала, зато умела ткать гобелены, иногда играла в триктрак, целый день принимала визитеров и с удовольствием делилась за обедом сплетнями со своими многочисленными подругами.

К концу 1795 года бесспорно привлекательная, уже за тридцать *femme fatale* с неповторимой (без демонстрации зубов) улыбкой нуждалась в покровителе и защитнике. После тюрьмы у Жозефины начался роман с генералом Гошем. Тот отказался расстаться ради нее

²² Пер. К. Полевого.

²³ Туда можно попасть, если прийти в субботу точно в 15 часов. Во время сентябрьских убийств 1792 года толпа убила здесь 115 священников, и черепа и кости 35 из них сейчас можно осмотреть.

с женой, но Жозефина не оставляла надежды до того дня, когда она скрепя сердце вышла за Наполеона^[234]. Другим ее любовником был Поль Баррас, но связь с ним оборвалась после лета 1795 года. «Она уже давно мне наскучила», – объяснял Баррас в мемуарах, в которых неучтиво называет Жозефину «льстивой куртизанкой»^[235]. (Хорошо известное в истории явление – период свободы нравов после долгого кровопролития. «Ревущие двадцатые» после Первой мировой войны и распущенность древнеримского общества после гражданских войн – вот лишь два примера.) После террора решение Жозефины выбирать в любовники людей могущественных соответствовало, как и многое другое в ее жизни, моде. При этом она не была распутницей, в отличие от ее подруги Терезы Тальен, прозванной «собственностью правительства» из-за того, что в ее постели побывало много министров. Жозефина исполняла «зигзаги» и для других – кроме Богарне, Гоша и Барраса – мужчин и получила гораздо более солидное любовное образование (*éducation amoureuse*), нежели ее почти невинный второй муж.

Жозефина, воспользовавшись возможностью (власти после вандемьера объявили о конфискации оружия), отправила в штаб Наполеона своего четырнадцатилетнего сына Евгения де Богарне с просьбой оставить в семье на память отцовскую шпагу. Наполеон верно воспринял это как приглашение и уже через несколько недель был страстно влюблен в Жозефину. Его страсть росла, и пять месяцев спустя они поженились. У них было довольно много общего: и Наполеон, и Жозефина были чужаками, иммигрантами, уроженцами островов и бывшими политзаключенными. Первое время Жозефине не нравилось его желтоватое лицо, прямые волосы и неухоженный вид и, можно предположить, его чесотка, и она определенно не была в него влюблена. Однако и у Жозефины начали появляться морщины, красота увядала, к тому же у нее были долги. (Их размер она осмотрительно не раскрывала до тех пор, пока Наполеон не надел ей на палец кольцо.)

Жозефина всегда очень заботилась о нарядах и макияже. В спальнях ее домов и дворцов висели зеркала. Она была обаятельной и обходительной (но недостаточно образованной для того, чтобы быть остроумной) и прекрасно понимала, как понравиться преуспевающим мужчинам.

Как утверждают, Талейран на вопрос, умна ли была Жозефина, ответил: «Никто и никогда с таким блеском не обходился без этого». Наполеон, в свою очередь, ценил ее политические связи, статус виконтессы, которую принимали и революционеры, а также то, как она компенсировала отсутствие у него такта (*savoir-faire*) и дурные манеры. В гостиных он не блистал остроумием. «Никогда из его уст в разговоре с женщинами не выходило не только изысканной, но даже просто уместной фразы, – вспоминал признанный льстец Меттерних, – хотя усилия найти ее часто выражались на его лице и в тоне голоса»^[236]. Наполеон говорил с дамами об их туалетах или же о количестве их детей, и одним из его обычных вопросов было, кормят ли они сами (причем этот вопрос, по словам Меттерниха, Наполеон «предлагал обыкновенно в выражениях, совершенно не принятых в хорошем обществе»). В отличие от Наполеона, неловкого с женщинами, Жозефина занимала очень видное положение в парижском обществе и была вхожа во влиятельные политические салоны Тальен, Рекамье, де Сталь и так далее.

После революции духовенство лишилось полномочий регистрировать рождение, смерть и брак, поэтому Наполеон и Жозефину в 22 часа 9 марта 1796 года, в среду, женил сонный мэр 2-го округа, на улице д'Антен. Невеста надела трехцветную перевязь поверх свадебного платья из белого муслина^[237], а жених опоздал на два часа. Свидетелями были, кроме прочих, Баррас, адъютант Наполеона Жан Лемаруа (с точки зрения закона – несовершеннолетний), супруги Тальен, сын Жозефины Евгений и его одиннадцатилетняя сестра Гортензия.

Чтобы сгладить шестилетнюю разницу в возрасте, Наполеон указал в документах, что он родился в 1768 году, а она сбросила себе четыре года, так что обоим стало по 28 лет^[238]. (Позднее в *Almanach Impérial* указали, что Жозефина родилась 24 июня 1768 года^[239]. Наполеона всегда забавляло упорство, с которым жена лгала о своем возрасте. Он шутил: «По ее

подсчетом, Евгений должен был родиться двенадцатилетним!»^[240]) В виде свадебного подарка Наполеон преподнес Жозефине золотой медальон с эмалью и гравировкой: «Судьбе»^[241].

Причина, по которой Наполеон опоздал на собственную свадьбу, а его медовый месяц длился менее сорока восьми часов, заключалась в том, что 2 марта Баррас и четыре остальных члена Директории, нового правительства Франции, преподнесли ему свадебный подарок, о котором он мог лишь мечтать: пост командующего Итальянской армией. Впоследствии Баррас утверждал: чтобы убедить коллег (бывших якобинцев Жана-Франсуа Ребелля и Луи де Ларевельера-Лепо, а также умеренных Лазара Карно и Этьена-Франсуа Летурнера) выбрать для похода в Лигурийские Альпы Наполеона, он заявил, что тот – «горец» с Корсики – «с рождения привык лазать по горам»^[242]. Это едва ли веский довод: Аяччо расположен на уровне моря. Но еще Баррас настаивал, что Наполеон способен вывести Итальянскую армию из сонного оцепенения, и это гораздо ближе к правде.

За девять дней между своим назначением и отъездом 11 марта в Ниццу, в штаб армии, Наполеон затребовал в военном министерстве все книги, карты и атласы Италии, которые только можно было достать. Он читал биографии полководцев, которые сражались там, и, если чего-либо не знал, имел мужество это признать. «Я оказался в помещении Генерального штаба на Новой улице Капуцинов, когда вошел генерал Бонапарт», – много позднее вспоминал другой офицер.

Я и теперь помню маленькую шляпу, увенчанную растрепанным плюмажем, его кое-как скроенный мундир и шпагу, которая, говоря по правде, не казалась орудием достаточно надежным для того, чтобы проложить дорогу в жизни. Швырнув шляпу на большой стол посередине комнаты, он направился к пожилому генералу по имени Криг, знающему все в подробностях, автору очень хорошего наставления для солдат. Он усадил его рядом за стол и с пером в руке принялся расспрашивать о многочисленных обстоятельствах, имеющих отношение к службе и дисциплине. Некоторые его вопросы выдали такое его незнание простейших вещей, что кое-кто из моих товарищей улыбнулся. Меня самого поразило количество заданных вопросов, их очередность и быстрота, а также то, как он постигал сообщенное и часто извлекал из него новые вопросы. Но еще сильнее меня поразило зрелище – главнокомандующий, совершенно спокойно демонстрирующий подчиненным, сколь глубоко несведущ он в различных аспектах дела, которые и самые юные из них обязаны были превосходно знать, и это подняло его в моих глазах на тысячу локтей^[243].

11 марта 1796 года Наполеон уехал из Парижа в почтовой карете вместе со своим другом Шове, новым квартирмейстером Итальянской армии, и Жюно. В письме Жозефине, отправленном 14 марта из Шансо, Наполеон выбросил *и* из своей фамилии. Впервые в газете (официальной *Le Moniteur Universel*) его упомянули в 1794 году, причем фамилию записали через дефис (Buono-Parte)²⁴.

Теперь Наполеон «офранцузил» фамилию, сознательно желая подчеркнуть свою принадлежность в первую очередь к французам, а не к итальянцам и корсиканцам^[244]. Еще одна нить, связывавшая с прошлым, была разорвана. Через пятнадцать дней Наполеон приехал

²⁴ Десятилетиями после этого английские и бурбонские пропагандисты аккуратно вписывали *и*, чтобы подчеркнуть чуждость Наполеона. Так, Франсуа-Рене де Шатобриан в памфлете с броским названием «О Буонапарте, Бурбонах и необходимости восстановить законных наших королей для благоденствия Франции и Европы» (1814) писал: «Никто не ожидал, чтобы француз отважился носить корону Людовика XVI. Иностранец вызвался; он был избран» (Chateaubriand, Of Buonaparte p. 5; цит. по: Вестник Европы. 1814. № 12). Даже после того, как в 1917 году британская королевская династия стала называться Виндзорской вместо Саксен-Кобург-Готской, некоторые английские историки продолжали осмеивать Наполеона за то, что он выбросил *и* из своей фамилии.

в Ниццу. Если кто-нибудь делал ненужное замечание, что он чересчур молод, чтобы командовать армией, 26-летний Наполеон отвечал: «Я вернусь уже старым»^[245].

Италия

15 мая 1796 года генерал Бонапарт вступил в Милан во главе молодой армии, которая перешла через мост у Лоди, показав всему миру, что спустя много столетий у Цезаря и Александра появился преемник.
Стендаль. Пармская обитель²⁵

Самый важный дар полководца – понимать солдата и завоевать его доверие, и в обоих отношениях французского солдата вести труднее, чем какого-либо иного. Он не машина, которую надо привести в движение, а мыслящее существо, которым нужно руководить.
Наполеон – Шатталю

Позднее говорили, что Наполеон, явившийся 26 марта 1796 года в штаб Итальянской армии в Ницце, не был никому известен и что командиры дивизий при первой встрече его невзлюбили, поскольку он (как язвил современник) «завоевал репутацию, громя бунтовщиков на улицах, а командный пост получил на брачном ложе»^[246]. На самом деле он лишь два года назад командовал артиллерией той же Итальянской армии, был многим известен своим успехом в Тулоне и подготовил для Топографического бюро не менее трех подробных рапортов о том, как выиграть кампанию в Италии. Конечно, сначала назначение Наполеона в обход более опытных командиров вызвало некоторое раздражение, но его офицеры прекрасно знали, кто он такой.

Под началом Наполеона служило пятеро командиров дивизий. Старший из них, Жан Серюрье, провел на военной службе уже 34 года. Он принимал участие еще в Семилетней войне. Когда началась революция, Серюрье подумывал об отставке, но остался в армии и в декабре 1794 года стал дивизионным генералом. 38-летний Пьер Ожеро был высоким, чванливым, грубоватым человеком. Ожеро – бывшего наемника, торговца часами и учителя танцев – прозвали «сыном народа» и «благородным разбойником». Он убил двоих противников на дуэли и кавалерийского офицера в драке, а в Лиссабоне избежал встречи с палачами инквизиции лишь благодаря усилиям своей отважной жены-гречанки. Андре Массена (также 38-летний) в возрасте тринадцати лет стал юнгой на корабле, но в 1775 году вступил в армию, дослужился до прапорщика и в канун революции вышел в отставку. Массена стал контрабандистом и торговал в Антибе фруктами. Вступив в 1791 году в Национальную гвардию, он сделал быструю карьеру. Заслуги Массена при осаде Тулона принесли ему чин дивизионного генерала Итальянской армии, в которой он беспорочно служил с 1795 года. Амеде Лагарп был 32-летним швейцарцем с пышными усами. Жан-Батист Менье сражался в Германской армии, но в середине апреля Наполеон доложил Директории, что тот «некомпетентен и не годится командовать и батальоном в кампанию настолько маневренную, как нынешняя»^[247]. Все пятеро были опытные воины, тогда как Наполеон еще не командовал формированием крупнее пехотного батальона. Этих людей было трудно удивить, тем более воодушевить. Впоследствии Массена вспоминал:

Сначала они были о нем невысокого мнения. Его subtilité и худое лицо не преисполнили их симпатиями к нему. Портрет жены, который он вертел в руках и всем показывал, его юный возраст – все это навело их на мысль, что его назначение явилось результатом интриги, но через мгновение после того, как он примерил генеральскую шляпу, он будто подрос

²⁵ Пер. Н. Немчиновой.

на два фута. Он расспросил нас о позиции наших дивизий, их снаряжении, духе и численности каждой части, отдал нам распоряжения и объявил, что на следующий день даст всем частям смотр, а еще через день они двинутся против врага и дадут битву^[248].

В последнем Массена ошибается (битв не было еще месяц), но верно передает энергичность, которой заражал Наполеон, его уверенность в себе, любовь к жене и всегда отличавшую его жажду знаний.

Во время первой встречи Наполеон указал командирам, что дорога Савона – Каркаре идет к трем долинам, а те ведут к богатым равнинам Ломбардии. Владевшее Пьемонтом Сардинское королевство, не принявшее революцию во Франции, с 1793 года находилось в состоянии войны с ней. Наполеон считал, что, отбросив австрийцев на восток и захватив крепость Чева, он сможет угрожать Турину, столице сардинцев, и так выведет их из войны. Для этого 40 000 французов пришлось бы драться с 60 000 австрийцев и сардинцев, но Наполеон заявил офицерам, что скорость и хитрость помогут ему перехватить инициативу. В основу его плана легли «Принципы горной войны» (*Principes de la guerre des montagnes*, 1775) Пьера-Жозефа де Бурсе и план кампании 1745 года в Пьемонте, от которого отказался Людовик XV и в котором особенное внимание также уделялось взятию крепости Чева. Бурсе указывал на необходимость четкого планирования, сосредоточения собственных сил и средств и умения сбить противника с толку. Наполеон действовал буквально по учебнику – и его кампании суждено было войти в учебники.

Италия, с точки зрения Директории, представляла собой второстепенный театр военных действий. Правительство сосредоточило силы и средства на западе и юге Германии, где в июне 1796 года начали наступление две крупные республиканские армии (Рейнско-Мозельская Жана Моро и Самбро-Маасская Жана-Батиста Журдана). Они добились некоторого успеха, но грозный австрийский полководец эрцгерцог Карл, младший брат императора Франца, умело вел войну и в августе разбил Журдана при Амберге, а в сентябре – при Вюрцбурге. Затем

Карл занялся Моро, в октябре нанес ему поражение при Эммендингене, а после этого отогнал обе французские армии за Рейн. В итоге Наполеону на поход выделили всего 40 000 франков (менее его годового жалованья)^[249]. Согласно одному свидетельству (возможно, недостоверному), Наполеон, чтобы из Парижа добраться с адъютантами в Ниццу, продал свою саблю с серебряной отделкой и отправил Жюно играть на вырученные деньги^[250].

Приехав в Ниццу, Наполеон нашел армию в состоянии, исключавшем всякую возможность выступить в поход. Было холодно, но у солдат не было шинелей. Мяса им не выдавали уже три месяца, хлебом снабжали лишь время от времени. Пушки везли на мулах, поскольку все упряжные лошади пали от голода. Целые батальоны не имели ни кожаной, ни даже деревянной обуви. Солдаты носили сделанные из чего попало мундиры, нередко снятые с покойников. О принадлежности к армии некоторых подчиненных Наполеона можно было судить лишь по их патронным сумам казенного образца. У многих ружей не хватало штыков. Военным не платили месяцами, что порождало ропот и разговоры о бунте^[251]. Свирепствовала лихорадка: за двадцать дней умерло не менее шестисот солдат 21-й полубригады²⁶. Англичанка Марианна Старк, жившая во Флоренции, точно описала «отчаянное положение» французской армии перед прибытием Наполеона: «Полнейшее отсутствие необходимого, заразная лихорадка – естественное следствие голода... [Армия] удручена и ослаблена болезнями, нуждалась в лошадях, пушках, почти всех остальных орудиях войны»^[252].

Наполеон в ответ на «отчаянное положение» армии сместил с должности Менье и поручил главному квартирмейстеру Шове радикально реорганизовать комиссариат, в том числе чтобы (как он объяснил 28 марта Директории) «припугнуть подрядчиков, много награвивших и имеющих кредит»^[253]. Наполеон также приказал гражданину Фэпу, французскому послу в Генуе, занять там у финансистов-евреев («не привлекая внимания») 3 млн франков, а также отозвал кавалерию с зимних пастбищ в долине Роны. В течение двух дней после приезда в Ниццу Наполеон раскассировал взбунтовавшийся 3-й батальон 209-й полубригады, уволил офицеров и сержантов 3-го батальона, а рядовых группами по пять человек распределил по другим подразделениям. Наполеон считал необходимым применять ко всем одни и те же правила. Он понимал, что «если предоставить кому-либо привилегии, все равно кому, то ни один человек не подчинится приказу выступать»^[254]. 8 апреля он доложил Директории, что пришлось наказать солдат за контрреволюционные песни и отдать под трибунал двух офицеров за крики «Да здравствует король!»^[255].

Командиры дивизий немедленно оценили умение Наполеона упорно работать. Подчиненным не удавалось более бросать начатое дело. Штаб в Ницце, уже четыре года бездействовавший, неожиданно почувствовал на себе энергию Наполеона. За девять месяцев с момента своего приезда до конца 1796 года он отправил более восьмисот писем и депеш, касающихся буквально всего: от того, где во время парада должны находиться барабанщики, до ситуаций, в которых надлежало исполнять «Марсельезу». Первым из генералов Наполеону покорился Ожеро, за ним последовал Массена. «Ну и нагнал же на меня страху этот мелкий сукин сын генерал!» – признается позже Ожеро Массена^[256].

Наполеон решил извлечь максимальную пользу из своей «политической» репутации. 29 марта в приказе по войскам он объявил, что солдаты «найдут в нем товарища с полной поддержкой правительства, гордящегося уважением патриотов и полного решимости добиться для Итальянской армии доли, ее достойной»^{27[257]}. Как-никак полководец с доступом к Директории мог накормить своих солдат. Наполеон опасался неподчинения, которое возникает,

²⁶ Полубригада – предшественница пехотного полка. В период революционных войн полубригады редко бывали укомплектованы полностью. Как правило, численность полубригады достигала около 2400 человек, разделенных на три батальона.

²⁷ Приказы по войскам – это, как правило, документы уведомительно-распорядительного характера, зачитываемые во время построения в 13 часов (в лагере) или на привале (в походе). Приказ по войскам не то же, что воззвание, имеющее целью воодушевить солдат, подобно речи полководца.

когда вооруженные люди оказываются на грани голода. «Без хлеба солдат склонен к излишнему насилию, – писал он, – которое заставляет краснеть за принадлежность к роду человеческому»^{28[258]}. В Париж постоянно летели его требования, и 1 апреля он сумел добиться присылки 5000 пар обуви. Впечатляющая доля переписки Наполеона за все время его карьеры посвящена солдатской обуви. Хотя (вопреки легенде) Наполеон, возможно, и не говорил, что «армия марширует на брюхе», однако он хорошо помнил, что она передвигается на ногах^[259].

Тем же приказом от 29 марта Наполеон назначил начальником своего штаба 43-летнего Луи-Александра Бертье – бывшего инженера, участвовавшего в Войне за независимость США. Этот пост Бертье сохранял до 1814 года. Бертье хорошо зарекомендовал себя в Аргоннскую кампанию 1792 года и в следующие три года в Вандее. Его брат служил в Топографическом бюро вместе с Наполеоном.

Наполеон первым из полководцев стал пользоваться услугами начальника штаба в современном смысле, и он не сумел бы найти на эту роль человека более подходящего, чем Луи-Александр Бертье. Обладавший памятью, уступавшей лишь памяти самого Наполеона, Бертье умел сохранять ясный ум даже после двенадцатичасовой диктовки. Однажды ночью в 1809 году его вызывали не менее семнадцати раз^[260]. В Национальном архиве, Национальной библиотеке и Архиве Великой армии в Венсене хранится множество приказов, написанных аккуратным секретарским почерком и сформулированных в лаконичных предложениях, которыми Бертье пользовался в переписке с коллегами, донося желания Наполеона вежливо, но твердо. Письма неизменно начинаются с формулы: «Генерал! Император требует, чтобы после получения этого приказа вы...»^[261]. Помимо прочих достоинств, Бертье отличался столь блестящими дипломатическими способностями, что сумел убедить супругу, баварскую принцессу Марию-Елизавету, разделить замок с его любовницей мадам Висконти (и наоборот). Он крайне редко противился требованиям Наполеона, и то лишь по соображениям логистики, и создал штат, заботящийся, чтобы желания главнокомандующего осуществлялись почти мгновенно. У Бертье был талант, почти гениальное умение: он превращал самые общие соображения в детальные инструкции для каждой полубригады. Едва ли когда-либо штабная работа была организована эффективнее. Для обработки буквально выстреливаемых Наполеоном приказов требовался штат опытных писарей, ординарцев, адъютантов, а также опередившая свое время система учета. Причем он нередко работал ночью. Однажды, когда Наполеон заметил ошибочно указанную численность одной полубригады (редкий случай), он в письме поправил Бертье и прибавил: «Я читал диспозицию с упоением, как роман»^[262].

2 апреля 1796 года Наполеон перенес штаб армии в Альбенгу, город на берегу Генуэзского залива. В тот же день Шове умер в Генуе от лихорадки. Его смерть явилась, по словам Наполеона, «настоящей потерей для армии. Он был деятельным и предприимчивым человеком. Армия скорбит, вспоминая о нем»^[263]. Наполеон искренне горевал о Шове. Тот стал первым из множества погибших в походе друзей и помощников Наполеона.

Австрийцы, владевшие с 1714 года севером Италии, отправили в Пьемонт против французов крупные силы. Кроме того, английский флот снабжал пьемонтцев с Корсики. Это вынудило Наполеона доставлять все необходимое через лигурийские перевалы. Прибыв 5 апреля в Альбенгу, он изложил Массена и Лагарпу свой план: запереть врага между Каркаре, Альтаре и Монтенотте. У австрийского командующего Иоганна Больё имелся большой опыт и некоторые способности, однако ему шел 71 год, и в прошлом он уже терпел поражения от францу-

²⁸ Во французской армии, в отличие от английской, телесные наказания применялись реже, однако расстреливали гораздо чаще. Когда перед сражением при Ваграме в Департаменте продовольственного обеспечения изобличили 12 писарей, раздававших пайки императорской гвардии, их расстреляли уже через несколько часов (Blaze, *Life in Napoleon's Army* p. 190). В Испании солдата расстреляли за то, что он съел гроздь винограда (считалось, что это вызывает дизентерию). Намек на насилие в отношении старшего по званию влек за собой смертную казнь. Позднее в Испании одного вольтижера расстреляли только за то, что он сшил себе галстук из женского черного передника.

зов. Наполеон, внимательно изучивший войны прошлого, знал, что Больё осторожен, и решил этим воспользоваться. Австрийско-сардинский альянс был ненадежен, и Больё посоветовали не слишком полагаться на союзников. («Теперь, когда я столько знаю о коалициях, – шутил во время Первой мировой войны маршал Фош, – я меньше уважаю Наполеона!») Уже из-за «лоскутности» империи Габсбургов австрийские солдаты из разных формирований нередко не понимали друг друга. Офицерскому корпусу языком общения служил французский. Больё, ко всему, приходилось отчитываться перед неповоротливым гофкригсратом в Вене, который часто отдавал приказ настолько поздно, что к моменту доставки тот утрачивал актуальность. Наполеон, напротив, готовил дерзкий маневр, теперь известный слушателям военных академий как «стратегия центральной позиции»: держась между двумя неприятельскими армиями, не дать им соединиться, разбить их поодиночке. Этой стратегии он придерживался всю жизнь. «Действовать отдельными корпусами, не имеющими никакого сообщения между собой, против армии, сосредоточенной и имеющей свободные сообщения, значило бы идти против всех принципов», – гласила одна из военных максим Наполеона²⁹[264].

«Здесь у меня много забот, – писал он Жозефине из Альбенги. – Больё ведет свою армию. Мы с ним лицом к лицу. Я слегка устал. Всякий день в седле»³⁰[265]. Из похода он писал Жозефине ежедневно, покрывая сотни страниц каракулями. Некоторые письма отправлены в дни крупных сражений. Наполеон постоянно переходит от романтических признаний («Я ни дня не прожил, не любя тебя») к самонаблюдениям («Я не выпил ни чашки чая, не посылая проклятья той славе и тому честолюбию, которые держат меня вдали от души моей жизни») и сентиментальным рассуждениям на тему, отчего Жозефина почти никогда не отвечает на письма. Когда же она отвечала, то обращалась на «вы» (vous), и это очень его задевало. Письма Наполеона полны игривых намеков, что после ее приезда в Италию он ею немедленно овладеет.

«Поцелуй в грудь, и – чуть ниже, и – гораздо, гораздо ниже», – фантазировал Наполеон в одном из писем^[266]. Была ли «малютка баронесса де Кепен» (иногда – «Кеппен») из его писем прозвищем гениталий Жозефины, спорный вопрос. Теперь это установить невозможно. Если это просто кличка одной из многочисленных собачек Жозефины, то во фразе «Мое почтение малютке баронессе де Кеппен» сексуального подтекста нет^[267]. Мало простора для фантазии читателя оставляет «черный лесок» («Тысячу раз целую его и с нетерпением жду момента, чтобы там оказаться», – пишет Наполеон)^[268]. Любовные письма он нередко подписывал прозаически: *Бонапарт* или *Бп*, совсем как приказы войскам^[269]. «Прощай, женщина, источник страданий, отрада, мечта, душа моя, та, которую я люблю, которой боюсь, та, которая будит во мне нежные чувства, призывающие Природу, и эмоции столь же бурные и неудержимые, как гром» – вот в высшей степени характерный пассаж из переписки.

«Армия испытывает ужасные лишения, – докладывал Наполеон Директории 6 апреля из Альбенги. – Мне еще предстоит справиться с огромными трудностями, впрочем преодолимыми. Бедствия ведут к неподчинению, а без дисциплины не может быть и речи о победе. Надеюсь, в течение нескольких дней все переменится»^[270]. Итальянской армии (49 300 солдат) противостояло до 80 000 австрийцев и сардинцев. К счастью, к тому времени Бертье справился с перебоями в поставках самого необходимого. Наполеон планировал начать наступление 15 апреля, но австро-сардинские войска выступили на пять дней раньше, причем двинулись тем самым путем, который выбрал лично Наполеон. Несмотря на непредвиденный поворот, Наполеон в течение сорока восьми часов справился с ситуацией. Отведя войска (в основном без боя) от Савоны, он сумел организовать контрнаступление. Вечером 11 апреля, увидев, что австрийская линия чересчур растянулась, Наполеон лишил врага подвижности, организо-

²⁹ Пер. Н. Ершова.

³⁰ Хотя Наполеон часто загонял лошадей, он был прекрасным наездником. Он «в совершенстве овладел верховой ездой и иногда даже заставлял лошадей делать трюки» (Balcombe, To Befriend pp. 41–42).

вав атаку у Монтенотте (горная деревня в 19 километрах северо-западнее Савоны, в долине реки Эрро), и в час ночи отправил Массена под проливным дождем охватить правый фланг противника. Сражались в нелегких условиях: вниз от Монтенотте-Супериоре хребет превращается в ряд вершин высотой 600–900 метров, а трудные для восхождения склоны до сих пор покрыты густой растительностью. Многие из построенных австрийцами редутов захватила стремительно наступавшая в колоннах французская пехота.

Австрийцы потеряли 2500 человек, многих – пленными. Потери французов составили 800 человек. Хотя масштаб сражения у Монтенотте сравнительно скромнен, оно стало первой победой Наполеона как командующего действующей армией. Успех сказался на боевом духе войск и придал уверенности самому Наполеону. Некоторые будущие его битвы окажутся схожи с этой: противником выступал немолодой бездеятельный полководец; французской армии противостояли неоднородные в этническом и языковом отношении силы; имелось уязвимое место, в которое Наполеон безостановочно бил. Французы двигались значительно быстрее неприятеля, и Наполеон с помощью концентрации сил добивался численного превосходства как раз настолько, насколько было необходимо для победы.

Еще одной характерной чертой была мгновенная организация преследования противника после разгрома: через день после Монтенотте Наполеон дал еще один бой – у деревни Миллезимо на реке Бормиде, где он сумел разбить уже отступавшие австрийские и сардинские войска. Австрийцы намеревались отойти на восток, чтобы прикрыть Милан, а сардинцы – на запад, чтобы иметь возможность защитить свою столицу Турин. Наполеон воспользовался несовпадением стратегических задач своих противников. Выбравшись из речной долины, австрийцы и сардинцы отступили к укрепленной деревне Дего, и там 14 апреля Наполеон одержал третью за три дня победу. Потери австрийцев и сардинцев составили около 5700 человек, французов – 1500, и то в основном из-за нетерпения Наполеона захватить хорошо защищенную Коссерию.

Неделю спустя при Мондови, городе на реке Эллеро, Наполеон сковал фронт сардинцев и попытался предпринять двойной охват. Это дерзкий и трудный маневр – но, когда он удастся, как было в этом случае, пагубный для боевого духа неприятеля. На следующий день сардинцы запросили мира. Это оказалось очень кстати, ведь у Наполеона не было осадной артиллерии, чтобы обложить Турин. Главным образом по этой причине Наполеон вел маневренную войну: он не располагал возможностями предпринять что-либо еще. Наполеон жаловался Карно: «Нет ни артиллерии, ни инженеров, поскольку, вопреки вашим приказам, я не получил ни одного офицера из тех, которых просил прислать»^[271]. Осада была просто невозможна.

26 апреля Наполеон в Кераско издал воззвание к армии: «Сейчас ваши заслуги равны заслугам Голландской и Рейнской армий. Не имея ничего, вы получили все. Вы выигрывали битвы без пушек; переходили реки без мостов; делали марш-броски без обуви; вставляли на бивуак без коньяка и нередко без хлеба... Теперь у вас всего вдоволь»^[272]. Он продолжал: «Я обещаю завоевать Италию, но при одном условии. Вы должны поклясться уважать тех, кого вы освободили, и пресечь ужасные грабежи, которые позволили себе негодяи, спровоцированные врагом»^[273].

Голодные победители грабят. Наполеона очень заботило поведение солдат, и он хотел обуздать мародерство. Четырьмя днями ранее в приказе по войскам он осудил «отчаянный грабеж», учиненный «развращенными людьми, которые присоединились к своему корпусу лишь после битвы и творили бесчинства, позорящие армию и имя француза». Наполеон позволил генералам расстреливать провинившихся офицеров, но в действительности такого не случилось. Он неофициально написал Директории через два дня после публикации воззвания: «Я намерен показать ужасные примеры. Я наведу порядок или перестану командовать этими разбойниками»^[274]. Это первая в ту кампанию из неоднократных угроз уйти в отставку. Наполеон всегда отличал «снабжение из местных ресурсов» (армии приходилось прибегать к нему в слу-

чае нужды) от «отчаянного грабежа»^[275]. Это требовало казуистики, но гибкий ум Наполеона справлялся с задачей. В будущем он часто станет порицать австрийскую, английскую и русскую армии за мародерство, хотя, должно быть, прекрасно знал, что его армия во многих случаях превзошла их в грабежах³¹. «Мы кормимся за счет того, что находят солдаты, – вспоминал очевидец-офицер. – Солдат никогда ничего не крадет – он просто это находит». Впоследствии генерал Максимилиан Фуа, один из самых способных наполеоновских командиров, указывал, что, если бы солдаты Наполеона «ждали, когда армейская администрация распорядится выдать им хлеб и мясо, они голодали бы»^[276].

«Снабжение из местных ресурсов» обеспечивало оперативность маневра и стало существенным элементом стратегии Наполеона. «Сила армии, – объяснял он, – как и импульс в механике, определяется массой, умноженной на скорость»^{32[277]}. Наполеон приветствовал все способствующее быстрому передвижению войск, в том числе марш-броски, которые позволили полубригаде преодолевать в день вдвое больше обычных 24 километров. «Никто лучше Наполеона не знал, как привести армию в движение, – вспоминал один из его офицеров. – Эти переходы нередко изматывали. Порой половина солдат отставала; но, поскольку им всегда хватало рвения, они являлись на место, хотя и с опозданием»^[278].

На бивуаке в теплое время года французские солдаты не спали в палатках, поскольку, как вспоминал ветеран, армии «двигались так стремительно, что не могли везти с собой все необходимое имущество»^[279]. Угнаться за армией могли лишь фургоны с боеприпасами. В конце XVIII века армии передвигались гораздо быстрее, чем в начале столетия, благодаря усовершенствованию дорог, особенно по рекомендациям французского инженера Пьера-Мари-Жерома Трезаге, изложенным в записке о научном подходе к дорожному строительству (1775). Облегченные полевые орудия, больше дорог, меньший обоз и гораздо меньше марки-тантов помогали войскам Наполеона двигаться вдвое быстрее, как он рассчитал, войск Юлия Цезаря.

В Кераско немедленно начались мирные переговоры с сардинцами. Наполеон язвительно сообщил уполномоченному, предложившему меньше крепостей, чем он желал: «Республика, доверяя мне командовать армией, сочла меня достаточно проницательным для того, чтобы определить ее нужды, не советуясь при этом с ее врагами»^[280]. Один из двух уполномоченных, савойский полковник маркиз Анри Коста де Борегар, описал встречу с Наполеоном в мемуарах: «[Он] всегда был холоден, элегантен и немногословен»^[281]. В час ночи 28 апреля Наполеон вынул часы и произнес: «Господа! Предупреждаю: общее наступление назначено на два часа, и, если я не получу заверений, что до конца дня [крепость] Кони передадут мне, наступление не будет отложено ни на миг».

Это мог быть и обычный для Наполеона блеф, но сардинцы не стали рисковать. Немедленно было заключено перемирие. Французы получили Тортону, Александрию, Кони и Чеву, а также дорогу в Валенцу и все земли между Кони и реками Стура, Танаро и По. Наполеон коварно настоял на включении в текст секретной статьи, оговаривавшей его право пользоваться

³¹ Армия Веллингтона в этом отношении также безупречна. Рядовые, участвовавшие в войне на Пиренейском полуострове, оставили сравнительно немного мемуаров, но из воспоминаний одного из них – Фридриха Линдау из Королевского Германского легиона – ясно, что солдаты воровали у местного населения и могли избить крестьян, не желавших расставаться со своим товаром и скотом (eds. Bogle and Uffindell, *Waterloo Hero passim*, Mars & Clio, No. 26 pp. 89–90). Наполеон распорядился расстрелять капрала и двух рядовых, похитивших из церкви богослужебные сосуды, что, по его мнению, не имело ничего общего с конфискацией по его приказу из дворцов и храмов севера Италии значительной части шедевров искусства эпохи Возрождения. Французские полководцы обычно обогащались за счет покоренных, и жадность некоторых из них (например, Массена) была неимоверной. Позднее Наполеон заставил его вернуть миллионы франков. Обычным в то время делом для командующих было щедрое вознаграждение собственных усилий. Так, Веллингтон после войны в Индии смог полностью расплатиться с долгами, после чего осталось еще 42 000 фунтов стерлингов (то есть более 1 млн франков) – и все это совершенно законно (Weller, *Wellington in India* pp. 257–259).

³² Пер. Н. Ершова.

в Валенце мостом через По: он понимал, что, когда об этом узнают австрийцы, Больё отправит туда войска. Он собирался перейти реку у Пьяченцы, в 113 километрах восточнее.

За бутылками асти, открытыми по случаю праздника, и обильной выпечкой, доставленной монахинями из Кераско, Наполеон откровенно говорил о событиях предыдущих дней. Он винил себя в бессмысленных потерях у Коссерии в битве при Миллезимо, вызванных его «нетерпением разделить австрийскую и пьемонтскую [сардинскую] армии». Он рассказал, что стоял в Дего двумя годами ранее, когда командовал артиллерийской колонной. Тогда Наполеон предложил аналогичный план вторжения, но военный совет его отверг. «В армии во главе со мной ничто не будет решаться таким образом», – сказал Наполеон и прибавил, что совет собирают, лишь если требуется «трусливое прикрытие», чтобы распределить вину^[282]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
ed. Latimer, Talks p. 37.
2.
Chuquet, Jeunesse I p. 42; Browning, Napoleon p. 22; Davies, Vanished Kingdoms p. 500.
3.
ed. Metternich, Memoirs I p. 277.
4.
Parker, Why did Napoleon p. 142.
5.
Buhl MSS 110 Box 1 fol. 2 p. 4.
6.
ed. Wilson, Diary p. 46.
7.
Dwyer, Napoleon p. 24; Englund, Napoleon p. 8.
8.
Bonaparte, Joseph, Mémoires et correspondance X p. 25.
9.
Carrington, Napoleon and his Parents pp. 29–31; Englund, Napoleon, p. 10.
10.
Chuquet, Jeunesse I p. 44.
11.
Decaux, Napoleon's Mother p. xii.
12.
Englund, Napoleon p. 10.
13.
Englund, Napoleon p. 10.
14.
ed. Latimer, Talks p. 33.
15.
Markham, The Emperor at Work p. 59.
16.
ed. Latimer, Talks p. 33.

17.

Sudhir Hazareesingh in TLS 12/2/2005 p. 11.

18.

Burdon, *The Life* p. 6.

19.

Williams, *A Narrative* p. 168.

20.

ed. Jones, *Intimate Account* p. 425.

21.

Chaptal, *Souvenirs* pp. 173–174.

22.

ed. Frayling, *Napoleon Wrote Fiction* p. x; Healey, *Literary Culture* p. 20 n. 37.

23.

Bonaparte, Joseph, *Mémoires et correspondance* X p. 26.

24.

Zarzeczny, *Meteors*, p. 45.

25.

Ross, *Napoleon and Manouever Warfare* p. 1.

26.

Gillian Tindall in TLS 24/9/1999 p. 34; Sudhir Hazareesingh in TLS 20/2/2004 p. 9.

27.

Buhl MSS 110 Box 2 fol. 7 p. 11.

28.

Forrest, *Napoleon* p. 25.

29.

Markham, *Napoleon* p. 3; Rose, *Napoleon* p. 5; Dwyer, *Napoleon*, p. 25; Englund, *Napoleon* p. 15; Dwyer, *From Corsican Nationalist* p. 136.

30.

Bourgoing, *Quelques notices* p. 1.

31.

Rapp, *Memoirs* p. 55.

32.

Coston, *Biographie* p. 20.

33.

Assier, Napoleon I p. 44.

34.

Kiley, Artillery p. 29.

35.

ed. Haythornthwaite, Final Verdict p. 240.

36.

Biagi, A Coincidence pp. 19, 154–155.

37.

Dwyer, Napoleon, p. 28.

38.

Nasica, Mémoires p. 12.

39.

ed. Sanderson, Bourrienne's Memoirs p. 5.

40.

Rose, Napoleon I p. 11.

41.

Healey, Literary Culture of Napoleon p. 21.

42.

Hicks, The Napoleonic "Police"; Englund, Napoleon p. 31.

43.

ed. Gaskill, The Reception of Ossian p. xxvii.

44.

Levy, Napoléon intime p. 14; McLynn, Napoleon p. 21.

45.

Barral, Histoire des Sciences p. 7.

46.

Levy, Napoléon intime p. 8.

47.

ed. Sanderson, Bourrienne's Memoirs p. 4.

48.

Hicks, Late 18th Century passim.

49.

ed. Sanderson, Bourrienne's Memoirs p. 4.

50.

ed. Sanderson, Bourrienne's Memoirs p. 4.

51.

CG 1 no. 1 p. 43, June 24, 1784.

52.

Robb, Parisians p. 13.

53.

Forrest, Napoleon p. 34.

54.

AN AII. 1891 p. 51.

55.

TLS 30/12/1939 p. 754.

56.

ed. Méneval, Memoirs I p. 107.

57.

Bonaparte, Joseph, Mémoires et correspondance X p. 29.

58.

CG 1 no. 5 p. 47, 28 марта 1745.

59.

Levy, Napoléon intime p. 17.

60.

Bonaparte, A Reply p. 14.

61.

Englund, Napoleon p. 24.

62.

Boswell, Account of Corsica p. 77.

63.

CG 1 no. 21 p. 65, 29 августа, 1788.

64.

NYPL MSS Coll 4854; Englund, Napoleon p. 25.

65.

Smith, Napoleon's Regiments p. 294.

66.

Chaptal, Souvenirs p. 184.

67.

Holland, Foreign Reminiscences pp. 211–212.

68.

Healey, Literary Culture of Napoleon Appendix A.

69.

ed. Castle, Stanley Kubrick's Napoleon p. 164.

70.

Levy, Napoléon intime p. 23.

71.

Rose, Napoleon I p. 19.

72.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 134.

73.

Bodleian MS Curzon e.1 p. 16.

74.

Plumptre, A Narrative p. 260.

75.

Browning, Napoleon p. 283; ed. Hicks, Clisson and Eugénie pp. 42, 63.

76.

Browning, Napoleon pp. 283–284.

77.

Forrest, Napoleon p. 24.

78.

Rose, Napoleon I p. 20; Englund, Napoleon p. 31.

79.

ed. Frayling, Napoleon Wrote Fiction p. 31.

80.

Browning, Napoleon pp. 285–288; ed. Hicks, Clisson and Eugénie pp. 42–43.

81.

Browning, Napoleon pp. 285–288.

82.

ed. Frayling, *Napoleon Wrote Fiction* p. 25.

83.

ed. Frayling, *Napoleon Wrote Fiction* pp. 36–37.

84.

Ibid.

85.

CG 1 no. 11 p. 54, 21 апреля, 1787.

86.

Dwyer, *Napoleon* p. 47.

87.

Kiley, *Artillery of the Napoleonic Wars* p. 26.

88.

Kiley, *Artillery of the Napoleonic Wars* p. 29.

89.

ed. Johnston, *The Corsican* p. 143.

90.

eds. Masson and Biagi, *Napoléon inconnu II* p. 53.

91.

Englund, *Napoleon* p. 31.

92.

ed. Frayling, *Napoleon Wrote Fiction* p. 61.

93.

ed. Hicks, *Clisson and Eugénie* pp. 44–45.

94.

Chaptal, *Souvenirs* p. 308.

95.

CG 1 no. 31 p. 78, 22 июля 1789.

96.

CG 1 no. 29 p. 76, 12 июня 1789.

97.

CG 1 no. 31 p. 78, 22 июля 1789.

98.

Pelet, Napoleon in Council p. 21.

99.

Simonetta and Arikha, Napoleon and the Rebel p. 10; Collins, Napoleon and His Parliaments p. 7.

100.

Rose, Napoleon I pp. 28–29; Forrest, Napoleon p. 45.

101.

Thrasher, Paoli p. 197.

102.

Masson and Biagi, Napoléon inconnu II pp. 79–83; Dwyer, From Corsican Nationalist pp. 141–142.

103.

ed. Frayling, Napoleon Wrote Fiction p. 71.

104.

ed. Frayling, Napoleon Wrote Fiction p. 73.

105.

CG 1 no. 39 p. 86, June 24, 1790.

106.

ed. Bingham, Selection I p. 11.

107.

ed. Bingham, Selection I p. 21. Текст памфлета не сохранился.

108.

Bonaparte, Joseph, Mémoires et correspondance I p. 44.

109.

Pierpont Morgan Library MA 6942.

110.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 147.

111.

Masson and Biagi, Napoléon inconnu II p. 128.

112.

Rose, Napoleon I p. 32.

113.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 148.

114.

ed. Bingham, Selection I p. 22.

115.

Rose, Napoleon I p. 33.

116.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 139.

117.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie p. 45.

118.

ed. Frayling, Napoleon Wrote Fiction p. ix.

119.

ed. Latimer, Talks p. 42.

120.

ed. Bingham, Selection I p. 24.

121.

CG 1 no. 67 p. 115, July 25, 1792.

122.

ed. Bingham, Selection I p. 24.

123.

Richardson, Dictionary p. 469.

124.

ed. Bingham, Selection I p. 28.

125.

ed. Bingham, Selection I p. 27.

126.

ed. Sanderson, Bourrienne's Memoirs p. 8.

127.

CG 1 no. 65 p. 113, 22 июня, 1792.

128.

Robb, Parisians p. 435.

129.

Orieux, Talleyrand p. 224.

130.

ed. Latimer, Talks pp. 46–47.

131.

ed. Latimer, Talks p. 47.

132.

ed. Bingham, Selection II p. 29; Thibaudeau, Mémoires p. 59.

133.

ed. Latimer, Talks p. 38.

134.

ed. Latimer, Talks p. 38.

135.

Chaptal, Souvenirs pp. 185–186.

136.

ed. Wilson, Diary pp. 137–138.

137.

CG 1 no. 75 p. 121, 12 января 1793.

138.

Pellew, Life of Lord Sidmouth I p. 72.

139.

Sherwig, Guineas and Gunpowder p. 345.

140.

Thrasher, Paoli p. 255.

141.

CG 1 no. 77 p. 122, 2 марта 1793.

142.

Musée National de la Maison Bonaparte.

143.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 148; ed. Latimer, Talks p. 38.

144.

Dwyer, From Corsican Nationalist p. 149.

145.

Paoli, La Jeunesse de Napoléon p. 9.

146.

Foladare, Boswell's Paoli p. 225.

147.

Bodleian MS Curzon e.1 p. 23.

148.

ed. Frayling, Napoleon Wrote Fiction p. 128; Masson and Biagi, Napoléon inconnu II pp. 477–497.

149.

Pelet, Napoleon in Council p. 22.

150.

Bodleian MS Curzon e.1 p. 16; ed. Wilson, Diary p. 87.

151.

ed. Bingham, Selection I p. 32.

152.

ed. Latimer, Talks p. 43; ed. North, Napoleon on Elba pp. 53–54.

153.

CG 1 no. 111 p. 142, 14 ноября 1793.

154.

CG 1 no. 95 p. 132, октябрь 1793.

155.

CG 1 no. 96 p. 133, 16 октября 1793.

156.

CG 1 no. 102 p. 137, 2 октября 1793.

157.

Rose, Napoleon I p. 49.

158.

Rose, Napoleon I p. 52.

159.

Friedman, The Emperor's Itch p. 33.

160.

ed. Latimer, Talks p. 43.

161.

Friedman, The Emperor's Itch pp. 22–23.

162.

Las Cases, Journal I pt 2 p. 67; O'Meara, Napoleon at St Helena I pp. 198–199, 229.

163.

CN 32 p. 82.

164.

Williams, A Narrative p. 180.

165.

ed. Bingham, Selection I p. 35.

166.

Crook, Toulon in War and Revolution p. 145.

167.

Bonaparte, A Reply p. 10.

168.

ed. North, Napoleon on Elba p. 152.

169.

Emsley, Napoleon p. 9.

170.

ed. Bingham, Selection I p. 36; Fraser, Napoleon's Cursed War p. 23.

171.

CG 1 nos. 163, 172, 191 p. 171, 4 апреля 1794, p. 174, 7 мая 1794, p. 182, 10 июня 1794.

172.

ed. Bingham, Selection I p. 36.

173.

Lavalette, Memoirs p. 9.

174.

CG 1 no. 232 p. 196, 7 августа 1794.

175.

Bonaparte, A Reply p. 18.

176.

eds. Tulard and Garros, Itinéraire p. 60.

177.

CG 1 no. 139 p. 159, 4 января 1794.

178.

CG 1 no. 235 p. 197 12 или 19 августа 1794.

179.

ed. Bingham, Selection I p. 41.

180.

CG 1 no. 244 p. 201, 10 сентября 1794.

181.

CG 1 no. 283 p. 218, 4 февраля 1795.

182.

CG 1 no. 285 p. 219, 12 февраля 1795.

183.

CG 1 no. 290 p. 221, 11 апреля 1795.

184.

Mars & Clio Autumn 2010 p. 21.

185.

ed. Bingham, Selection I p. 44.

186.

Branda, Napoléon et ses hommes p. 9.

187.

Bonaparte, A Reply p. 19.

188.

CG 1 no. 322 p. 248, 10 августа 1795.

189.

Horne, Age of Napoleon p. 16.

190.

ed. Méneval, Memoirs I p. 104 n.

191.

Englund, Napoleon p. 76.

192.

D'Abrantès, At the Court p. 34.

193.

Las Cases, Le Mémorial I p. 401.

194.

CG 1 no. 297 p. 224, 9 мая 1795.

195.

CG 1 no. 298 p. 224, 22 мая 1795.

196.

CG 1 no. 301 p. 227 4июня, 1795.

197.

CG 1 no. 303 pp. 228–229, 14 июня 1795.

198.

CG 1 no. 321 p. 247, 10 августа 1795.

199.

CG 1 no. 309 p. 233, 6 июля 1795.

200.

CG 1 no. 310 p. 235, 12 июля 1795.

201.

Bertrand, Cahiers II p. 218; Las Cases, Le Mémorial I p. 284.

202.

CG 1 no. 309 p. 233, 6 июля 1795.

203.

ed. Bingham, Selection I p. 55.

204.

CG 1 no. 327 p. 252, 20 августа 1795.

205.

Brown, War, Revolution p. 128.

206.

ed. Handel, Leaders and Intelligence p. 42.

207.

CG 1 no. 345 p. 268, между 15 сентября и 5 октября 1795.

208.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie p. 13.

209.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie p. 15.

210.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie pp. 2–21.

211.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie pp. 2–21.

212.

ed. Hicks, Clisson and Eugénie p. 67.

213.

CG 1 no. 334 p. 258, 1 сентября 1795.

214.

Dumas, Memoirs II p. 40.

215.

Healey, Literary Culture p. 79.

216.

Bonaparte, A Reply p. 20.

217.

Lavalette, Memoirs p. 12.

218.

ed. Lecestre, Lettres Inédites II p. 133.

219.

CN 2 no. 485 p. 15.

220.

Arnault, Memoirs I p. 35; Lavalette, Memoirs pp. 12–13.

221.

Sarrazin, Confession p. 13.

222.

Annual Register 1795 no. 37 p. 106.

223.

Gibbs, Military Career p. 42.

224.

D'Abrantès, At the Court p. 37.

225.

Christies Rare Books catalogue 27/11/2012 p. 14.

226.

Memes, Memoirs p. 13.

227.

Horne, Age of Napoleon p. 45.

228.

D'Abrantès, At the Court p. 237.

229.

Haig, Napoleon and Josephine's Paris p. 50.

230.

Haig, Napoleon and Josephine's Paris p. 49.

231.

Philip Mansel in TLS 16/1/2004 p. 23.

232.

Stuart, Rose of Martinique p. 277.

233.

Stuart, Rose of Martinique p. 206.

234.

ed. Méneval, Memoirs I p. 123; Bruce, Napoleon and Josephine p. 74.

235.

ed. Duruy, Memoirs of Barras II p. 72.

236.

ed. Metternich, Memoirs I p. 281.

237.

Thody, French Caesarism p. 35.

238.

Chuquet, Jeunesse I p. 65; Rose, Napoleon I p. 3.

239.

ed. Hanoteau, Memoirs of Queen Hortense I p. 326 n. 3.

240.

ed. Latimer, Talks p. 138.

241.

Bruce, Napoleon and Josephine p. 162.

242.

ed. Duruy, Memoirs of Barras II p. 79.

243.

Pratt, Vignettes p. 59.

244.

Chuquet, Jeunesse I p. 41; Davies, Vanished Kingdoms p. 501.

245.

Dubroca, Life of Bonaparte p. 94; Poultier, History of the War p. 260.

246.

Pratt, Vignettes p. 60.

247.

Boycott-Brown, Road to Rivoli p. 412.

248.

Chaptal, Souvenirs p. 204; ed. Haythornthwaite, Final Verdict pp. 290–292.

249.

Baldet, La vie quotidienne p. 33.

250.

Starke, Letters from Italy I p. 60.

251.

ed. Chandler, Military Maxims pp. 135, 205.

252.

Holland, Foreign Reminiscences pp. 217–219.

253.

CG 1 no. 426 p. 304, 28 марта 1796.

254.

ed. Hanoteau, Napoleon in Russia p. 367.

255.

CG 1 no. 471 p. 328, 8 апреля 1796.

256.

ed. Haythornthwaite, Final Verdict pp. 290–292.

257.

ed. Bingham, Selection I p. 67.

258.

ed. Luvaas, Art of War p. 10.

259.

Gray, Words of Napoleon p. xii.

260.

TLS 12/5/1927 p. 325; Hazareesingh in TLS 3/2/2012 p. 4.

261.

AN 192 AP/2, SHD GR6.YD/1.

262.

CG 4 no. 8847 p. 694, 28 апреля 1804.

263.

CG 1 no. 463 p. 324, 6 апреля 1796.

264.

ed. Chandler, *Military Maxims* p. 146.

265.

ed. Cerf, *Letters to Josephine* p. 32.

266.

ed. Cerf, *Letters to Josephine* p. 34, CG 1 nos. 464, 467 p. 325, 6 апреля 1796, p. 326, 7 апреля 1796.

267.

CG 7 no. 14120 p. 111, 19 января 1807.

268.

ed. Cerf, *Letters to Josephine* p. 73; Stuart, *Rose of Martinique* p. 206; CG 3 no. 5277 p. 230, 11 мая 1800; GC 1 no. 1068 p. 672, 21 ноября 1796.

269.

ed. Cerf, *Letters to Josephine* pp. 25–26; Pierpont Morgan Library MA 6936 and *passim*.

270.

CG 1 no. 463 p. 324.

271.

ed. Bingham, *Selection I* p. 70.

272.

ed. Bingham, *Selection I* p. 74.

273.

eds. Dwyer and McPhee, *French Revolution and Napoleon* pp. 128–129; ed. Bingham, *Selection I* p. 74.

274.

ed. Bingham, *Selection I* p. 72.

275.

ed. Bingham, *Selection I* pp. 71–72.

276.

Foy, *History I* p. 43.

277.

ed. Chandler, *Military Maxims* p. 111.

278.

Blaze, *Life in Napoleon's Army* pp. 42–43.

279.

Blaze, *Life in Napoleon's Army* p. 145.

280.

Rose, *Napoleon I* p. 88.

281.

ed. Yonge, *Man of Other Days II* p. 112 ff.

282.

ed. Yonge, *Man of Other Days II* p. 122.